

- Светоносец -

Черная Призма

**БРЕНТ
УИКС**

ДАЖЕ
САМЫЙ
ЯРКИЙ
СВЕТ
РОЖДАЕТ
ТЬМУ

fanzon

Брент Уикс
Черная Призма
Серия «Fantasy World. Лучшая
современная фэнтези»
Серия «Светоносец», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67333365

Черная Призма / Брент Уикс ; [перевод с английского Н. Некрасовой].:

Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-168099-2

Аннотация

Финалист премии Дэвида Геммела.

Финалист премии Гудрида.

Номинант на премию Endeavour.

Гэвин Гайл – Призма. Он первосвященник и император, сила, ум и обаяние которого – все, что удерживает хрупкий мир от разрушения. Тем не менее, призмы не вечны, и Гайл точно знает, сколько ему осталось жить.

Когда Гайл обнаруживает, что у него есть сын, родившийся в далеком королевстве после войны, которая привела его к власти, он должен решить, какую цену он готов заплатить, чтобы защитить секрет, способный разорвать его мир на части.

В мире, где магия жестко контролируется, самый могущественный человек в истории должен выбирать между своим королевством и сыном.

«Брент Уикс так хорош, что это начинает выводить меня из себя». – Питер Бретт

«Уикс обладает стилем, который непосредственностью и подробностями безжалостно втягивает читателя в историю. Он не позволяет тебе отвести взгляд». – Робин Хобб

«Я был загипнотизирован от начала и до конца. Незабываемые персонажи, непредсказуемый сюжет, безостановочное действие и такое глубокое повествование, которое заставляет меня восхищаться работой писателя». – Терри Брукс

«Уикс действительно занял свое место среди великих писателей эпического фэнтези нашего времени». – British Fantasy Society

«Уиксу удастся играть новые мелодии на старых колоколах фэнтези, позволяя глубоко прорисованному фону медленно раскрывать свои секреты и представлять своих персонажей реалистично ущербными и человечными». – Publishers Weekly

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	63
Глава 9	69
Глава 10	74
Глава 11	82
Глава 12	89
Глава 13	100
Глава 14	113
Глава 15	123
Глава 16	134
Глава 17	143
Глава 18	157
Глава 19	165
Глава 20	171
Глава 21	178
Глава 22	190
Глава 23	194

Глава 24	199
Глава 25	208
Глава 26	218
Глава 27	226
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Брент Уикс

Черная Призма

Посвящается моей жене Кристи, которая чуть не десять лет доказывала мне, что я прав.

Brent Weeks

THE BLACK PRISM

Copyright © 2010 by Brent Weeks

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов:

Donald Maass Literary Agency (USA) при содействии
Агентства Александра Корженевского, Россия

Cover © Dark Crayon

© Н. Некрасова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Кип, пригнувшись, пробирался в темноте к полю битвы. Опускался туман, гася звуки и рассеивая свет звезд. Хотя взрослые сторонились этого места и запрещали детям сюда ходить, он играл на открытом поле сотни раз, да еще и днем. Но сегодня вечером его намерения были куда серьезнее. Добравшись до вершины холма, Кип выпрямился и подтянул штаны. За его спиной шептала река – или, может, те солдаты под ее водами, что погибли здесь шестнадцать лет назад. Он расправил плечи, гоня прочь воображение. Из-за тумана он слово завис в безвременье. Солнце вставало, хотя пока ничто об этом не говорило. Когда рассветет, ему надо будет оказаться на дальнем краю поля. Так далеко он еще никогда не заходил.

Даже Рамир не сунулся бы сюда ночью. Все знали, что Расколота Скала – место гиблое. Но Раму не надо было кормить семью, его мать не спускала свой заработок на дурь.

Крепко сжимая свой маленький поясной ножик, Кип зашагал вперед. Не только неупокоенные мертвецы могли утащить его в вечный мрак. В ночи видели стаю гигантских кабанов со страшными клыками и острыми копытами. Они хороши на вкус, если у тебя есть мушкет, железные нервы и меткость, но поскольку Война Призм вымела всех городских мужчин, осталось мало людей, готовых играть со смертью ра-

ди малой толики бекона. Ректон уже давно стал тенью себя прежнего. Алькадеса не жаждала, чтобы люди ее города рисковали жизнью. К тому же у Кипа не было мушкета.

Не только кабаны рыскали в ночи. Горный лев или золотой медведь тоже были бы не прочь закусить Кипом.

Низкий вой прорезал туман и тьму на поле в нескольких сотнях шагов от него. Кип застыл. Еще и волки. Как он мог забыть о волках?

Издалека откликнулся другой волк. Жуткий звук, сущий глас пустоши. От такого не захочешь – оцепенеешь. Леденящая душу красота, от которой в штаны наложить можно.

Облизнув губы, Кип продолжал продвигаться вперед. У него было четкое ощущение, что за ним идут. Преследуют. Он оглянулся через плечо. Никого. Конечно. Мать всегда говорила, что у него слишком сильное воображение.

Просто иди, Кип. У тебя есть цель. Звери куда больше боятся тебя, и все такое. Кроме того, с воем всегда такая штука – кажется ближе, чем на самом деле. Эти волки, наверное, в нескольких лигах отсюда.

До Войны Призм это была отличная пахотная земля. Прямо рядом с Бурой рекой, годная для инжира, винограда, персиков, ежевики, спаржи – тут все росло. И с момента последней битвы прошло уже шестнадцать лет – она была за год до рождения Кипа. Но равнина до сих пор оставалась развороченной. Несколько горелых остовов старых домов и сараев торчали из грязи. Глубокие борозды и рытвины от пушечных

ядер. Заполненные клубящимся туманом, сейчас эти воронки казались озерами, туннелями, ловушками. Бездонными. Неизмеримыми.

Большая часть магии, использованной в той битве, со временем выцвела под солнцем, но тут и там по-прежнему поблескивали сломанные зеленые люксиновые копья. Твердые желтые осколки кололи ступни сквозь крепкую кожу подметки.

Мародеры давно ушли, забрав с поля боя все самое ценное – оружие, кольчуги и люксин, но с каждым годом дожди вымывали новые сокровища. На это и надеялся Кип, и то, что он искал, было лучше всего видно в первых лучах рассвета.

Волки перестали выть. Нет ничего хуже, чем слушать эти зловещие звуки, но по ним хотя бы можно было понять, где сейчас эти твари. Теперь же... Кип сглотнул комок, подступивший к горлу.

Проходя по долине тени между двумя неестественного происхождения холмами – остатками двух огромных погребальных костров, на которых сожгли десятки тысяч трупов, – Кип заметил что-то в тумане. Сердце подпрыгнуло и забилось в глотке. Изгиб кольчужного капюшона. Блеск глаз, рыщущих в темноте. Затем все поглотил напоздающий туман.

Призрак. Благой Оролам. Какой-то дух стоит на страже у своей могилы. Но есть и светлая сторона. Может, волки боются призраков. Кип понял, что стоит, вглядываясь во тьму. Двигайся, болван.

Он двинулся вперед, низко пригибаясь. Может, он и рослый, но он гордился тем, что ходит бесшумно. От оторвал взгляд от холма – по-прежнему ни следа призрака или человека, или чего там еще. Снова возникло чувство, что за ним следят. Он оглянулся. Ничего.

Легкий щелчок, словно кто-то уронил маленький камешек. И что-то такое на границе зрения. Кип посмотрел вверх, на холм. Щелчок, искра, удар кремня по стали.

В мгновенной вспышке в тумане Кип успел кое-что увидеть. Это был не призрак – солдат пытался выбить искру, чтобы зажечь фитиль. Тот занялся, отбрасывая красный отблеск на лицо солдата, от чего его глаза словно вспыхнули. Он закрепил фитиль в зажиме мушкета и стал поворачиваться, ища во тьме цель.

Его ночное зрение наверняка было нарушено тем, что он короткое время смотрел на фитиль, который теперь был дымящимся красным угольком, поскольку взгляд его прошел мимо Кипа.

Солдат снова обернулся, резко, испуганно.

– Ну и какого хрена я тут увижу? Клятые волки.

Очень-очень осторожно Кип начал уходить. Ему придется зайти глубже в туман и мрак прежде, чем солдат снова начнет видеть в сумерках, но если он наделает шума, тот может начать палить вслепую. Кип шел на цыпочках, молча, спина зудела в ожидании свинцовой пули в любой момент. Но все получилось. Сто шагов, и никто не окликнул его. Ни единый

выстрел не разорвал ночи. Дальше. Еще двести шагов, и он увидел слева от себя свет. Костер. Он горел так слабо, что представлял собой сейчас почти что угли. Кип попытался не смотреть прямо на него, чтобы не повредить ночному зрению. Рядом не было ни палатки, ни спальных одеял, только костер.

Кип попробовал повторить трюк мастера Данависа, чтобы видеть в темноте. Он расслабил фокус и попытался смотреть периферийным зрением. Ничего особенного, кроме, возможно, какой-то неровности. Он подошел ближе.

На холодной земле лежали двое. Один был солдатом. Кип не раз видел свою мать в бессознательном состоянии, так что сразу понял, что этот мертв. Он как-то неестественно раскинулся, без одеял, рот его был вяло раззявлен, глаза немигающе пялились в ночь. Рядом с солдатом лежал еще один человек, в цепях, но живой. Лежал он на боку, руки его были скованы за спиной, на голову падет черный мешок, крепко завязанный вокруг шеи.

Этот мужчина был жив, он дрожал. Не плакал. Кип огляделся – никого.

– Почему тебе просто не покончить с этим, будь ты проклят? – сказал пленник.

Кип застыл. Он-то думал, что подошел неслышно.

– Трус, – продолжал мужчина. – Просто приказ выполняешь, да? Оролам уничтожит вас за то, что вы хотите сделать с этим городком.

Кип понятия не имел, о чем это он.

Возможно, его молчание говорило за него.

– Ты не из них. – В голосе пленника послышалась надежда. – Прощу, помоги мне!

Кип шагнул вперед. Этот человек страдает. Затем он остановился. Посмотрел на мертвого солдата. Рубашка на его груди промокла от крови. Это пленник его убил? Как?

– Прощу, оставь меня в кандалах, если что. Но не дай мне умереть во тьме.

Кип стоял на месте, хотя понимал, что это жестоко.

– Это ты его убил?

– Меня должны были казнить на заре. Я сбежал. Он охотился за мной и надел мне мешок на голову прежде, чем умер. Если рассвет близко, в любой момент придет смена.

Кип по-прежнему не понимал. Никто в Ректоне не доверял проходившим солдатам, а алькадеса сказала, чтобы городская молодежь пока обходила солдат стороной – сдается, новый сатрап Гарадул объявил себя независимым от Хромерии. Теперь он стал королем Гарадулом, как он сказал, но требовал рекрутов как прежде. Алькадеса сказала его представителю, что если он больше не сатрап, то у него нет права на рекрутов. Кем бы ни был Гарадул, королем или сатрапом, он не обрадовался, но Ректон был слишком маленьким, чтобы возиться с ним. И все же лучше держаться подальше от солдат, пока все это не уляжется. С другой стороны, то, что Ректон сейчас не соглашался с правом сатрапа, не делало

этого человека другом Кипа.

– Так ты преступник? – спросил Кип.

– Как шесть теней в Солнцедень, – ответил человек. Надежда уходила из его голоса. – Послушай, мальчик – ты ведь мальчик, судя по голосу? Я сегодня намерен умереть. Я не могу уйти. Честно говоря, и не хочу. Я набегался. На сей раз я буду драться.

– Я не понимаю.

– Поймешь. Сними мешок.

Хотя Кипа и терзали смутные сомнения, он развязал узел на шее мужчины и снял мешок. Сначала Кип не понимал, о чем говорил пленник. Он сел, по-прежнему с руками за спиной. Ему было лет тридцать, тиреец, как и Кип, но более хрупкого сложения, с волосами скорее волнистыми, чем курчавыми, с тонкими мускулистыми руками и ногами. И тут Кип увидел его глаза.

Женщины и мужчины, способные обуздывать свет и делать люксин – извлекатели, – всегда имели необычные глаза. Небольшой остаток того цвета, который они извлекали из света, накапливался в их глазах. В течение их жизни он окрашивал всю радужку в красный, синий или какой еще цвет.

Пленник был зеленым извлекателем – или когда-то был. Радужка его глаз представляла собой не ровный ореол, а была потрескавшейся, как брошенная на пол тарелка. Маленькие зеленые фрагменты полыхали даже в его белках. Кип ахнул и попятился.

– Прощу тебя! – взмолился мужчина. – Пожалуйста, безумие мной не овладело, я не причиню тебе зла.

– Ты цветодей!

– И теперь ты знаешь, почему я бежал из Хромерии, – ответил тот.

Потому, что Хромерия поступала с цветодеями как крестьянин с любимой взбесившейся собакой.

Кип уже был готов бежать, но мужчина не делал никаких угрожающих движений. К тому же было еще темно. Даже цветовикам нужен свет, чтобы извлекать. Однако туман начинал светлеть, тьма на горизонте серела. Безумие говорить с безумным, но, может, стоило попытаться. Хотя бы до рассвета.

Цветодей странно посмотрел на Кипа.

– Синие глаза. – Он рассмеялся.

Кип нахмурился. Он ненавидел свои синие глаза. Одно дело, когда у чужестранца вроде мастера Данависа глаза синие. Они ему шли.

Кип чувствовал себя по-дурачки.

– Как тебя зовут? – спросил цветодей.

Кип сглотнул, подумав, что, наверное, лучше убежать.

– О, ради Оролама, ты думаешь, что я зачарую тебя по имени? Ну и замшелый же у вас медвежий угол. Хроматургия работает не так...

– Кип.

Цветовик усмехнулся:

– Кип. Что же, Кип, ты когда-нибудь задумывался, почему ты ведешь такую жалкую жизнь? У тебя никогда не возникало ощущения, что ты особенный?

Кип ничего не сказал. Да и да.

– Ты знаешь, почему у тебя ощущение, что ты предназначен для чего-то большего?

– Почему? – тихо, с надеждой спросил Кип.

– Потому, что ты заносчивый маленький засранец, – рассмеялся цветодей.

Кип не должен был дать застать себя врасплох. Мать его и не такое говорила. И все же он на мгновение растерялся. Небольшой промах.

– Гори в аду, трус, – сказал он. – Ты даже сбежать не сумел. Тебя сцапали железноногие солдаты.

Цветодей рассмеялся громче:

– Да нет, не поймали. Они меня завербовали.

Кто будет вербовать чокнутого?

– Они не знали, что ты...

– Знали.

Страх свинцом свернулся в желудке Кипа.

– Ты что-то говорил про мой город. Раньше. Что они хотят сделать?

– Знаешь, у Оролама хорошее чувство юмора. До сих пор я этого не понимал. Ты ведь сирота?

– Нет. У меня мама есть, – сказал Кип. И тут же пожалел, что сказал это цветодею.

– Ты поверил бы мне, если бы я сказал, что есть пророчество о тебе?

– Это было бы не смешно, – сказал Кип. – Что случится с моим городом?

Разгорался рассвет, и Кип не собирался мешкать здесь. Тут не только смена караула придет, да еще и неизвестно, что сделает цветодей, как только рассветет.

– Знаешь, – сказал цветодей, – а я здесь из-за тебя. Не здесь здесь. Не в смысле «почему я существую». Не в Тирее. В цепях.

– Что? – спросил Кип.

– В безумии есть сила, Кип. Конечно... – Он осекся, рассмеявшись какой-то мысли. Пришел в себя. – Послушай. У солдата есть ключ в нагрудном кармане. Я не мог его достать, когда, – он тряхнул скованными за спиной руками.

– И зачем мне тебе помогать? – спросил Кип.

– Ради ответов на несколько прямых вопросов перед рассветом.

Безумно и хитро. Безупречно.

– Сначала ответь на один, – сказал Кип.

– Валяй.

– Что готовят для Ректона?

– Огонь.

– Что? – спросил Кип.

– Прости, но ты сказал – один ответ.

– Это не ответ!

– Они намерены стереть с лица земли ваш городишко. В качестве примера, чтобы никто не смел отказывать королю Гарадулу. Другие деревни, конечно, тоже отказали ему. Его мятеж против Хромерии нигде не популярен. На каждый город, сожженный ради мести Призме, найдется другой, который в войну ввязываться не желает. Твоя деревня выбрана специально. В любом случае у меня случился проблеск сознания, и я воспротивился. Пошла ругань. Я двинул по морде командиру. Это не то чтобы моя вина. Они знают, что мы, зеленые, плюем на правила и иерархию. Особенно когда ореол прорван. – Цветодей пожал плечами: – Ладно. Мне кажется, что этот ответ стоит ключа?

Информации было слишком много, чтобы переварить ее сразу – рваный ореол? – но ответ был прямой. Кип подошел к мертвому. В разгорающемся рассвете кожа его была бледной. Соображай, Кип. Задай нужный вопрос.

Кип понимал, что начинает светать. Из ночи выступали фантастические образы. Гигантские двойные холмы Расколотой Скалы казались просто местом, где что-то заслоняло звезды.

Что мне нужно спросить?

Он медлил, не желая трогать труп. Встал на колени.

– Почему мой город? – Он пошарил в карманах покойника, стараясь не коснуться кожи. Там было два ключа.

– Они считают, что у вас есть нечто, принадлежащее королю. Не знаю, что именно. Я всего лишь подслушал.

– Да что в Ректоне может быть такого, чего хочет король? – спросил Кип.

– Не в Ректоне. В тебе.

Кип осознавал целую секунду. Он ткнул себя в грудь.

– Во мне? Лично во мне? Да у меня и нет ничего!

Цветодей безумно ослабился, но Кип подумал, что он только для виду.

– Тогда это трагическая ошибка. Ошибка их, трагедия ваша.

– Думаешь, я вру? – сказал Кип. – Ходил бы я сюда собирать люксин, будь у меня выбор?

– Да мне вообще-то все равно. Так ты принесешь ключ или мне действительно очень попросить?

Кип знал, что принести ключи было ошибкой. Цветодей был не в себе. Он был опасен. Сам признался. Но он сдержал слово. Как теперь Кип мог поступить иначе?

Кип расстегнул наручники, затем замок на кандалах. Он осторожно попятился, как от дикого зверя.

Цветодей сделал вид, будто не заметил, растирая запястья и потягиваясь. Он подобрался к охраннику и снова порылся в его карманах. Его рука выудила зеленые очки с одной треснутой линзой.

– Ты мог бы пойти со мной, – сказал Кип. – Если все, что ты сказал, правда...

– Как думаешь, насколько близко я успею подойти к твоему городу, прежде чем меня догонят с мушкетом? Кроме

того, как только встанет солнце... Я готов. – Цветодей глубоко вздохнул, глядя на горизонт. – Скажи мне, Кип, если бы ты делал всю жизнь только плохое, но умер, делая хорошее дело, это искупило бы все плохое?

– Нет, – честно ответил Кип прежде, чем успел спохватиться.

– Вот и я так считаю.

– Но это лучше, чем ничего, – сказал Кип. – Оролам милосерден.

– Скажешь ли ты так после того, как они покончат с твоей деревней.

У Кипа было еще много вопросов, но все случилось так стремительно, что мысли разбежались.

В лучах рассвета Кип увидел все, что скрывали туман и мрак. Сотни палаток, расставленных с армейской четкостью. Солдаты. Много. И хотя Кип стоял в двух сотнях шагов от ближайшей палатки, равнина начала сверкать. Искры битого люксина мерцали как звезды, отвечая сестрам в небесах.

Именно ради него Кип и пришел сюда. Обычно, когда извлекатель высвобождает люксин, тот просто рассеивается независимо от света. Но в бою, среди хаоса и стольких цветодеев, некоторое количество запечатанной магии оказывается захороненной и закрытой от лучей солнца, которые разложили бы ее. Недавний дождь высвободил новую.

Но взгляд Кипа вместо люксина был устремлен на четырех солдат и мужчину в ярко-красном плаще и красных оч-

ках, шагавших к ним от лагеря.

– Кстати, меня зовут Гаспар. Гаспар Элос. – Цветодей смотрел на Кипа.

– Что?

– Я не просто какой-то цветодей. Мой отец любил меня. У меня были планы. Девушка. Жизнь.

– Я не...

– Поймешь. – Цветодей надел зеленые очки – они сидели идеально плотно, линзы поворачивались следом за взглядом, так что куда бы он ни смотрел, видел он сквозь зеленый фильтр. – А теперь дуй отсюда.

Когда солнце показалось над горизонтом, Гаспар вздохнул. Кип для него перестал существовать. Это было словно видеть, как его мать делает первый глубокий вдох дыма. Между сверкающими прожилками темно-зеленого по белкам глаз Гаспара цвет расходилась как капли зеленой крови, падающие в воду, сначала рассеиваясь, затем окрашивая все. Изумрудно-зеленый люксин набухал в его глазах, густел, пока не стал твердым, а затем распространился по телу. От щек до линии волос, затем вниз по шее, ярко выделяясь, пока не наполнил его кончики пальцев, словно они были вырезаны из сияющего нефрита.

Гаспар захохотал. Это был низкий, неумный глухой кашель. Безумец. На сей раз не прикидывается.

Кип бросился прочь.

Он добежал до погребального холма, где стоял часовой,

стараясь держаться на противоположной от армии стороне. Он должен добраться до мастера Данависа. Мастер Данавис всегда знает, что делать.

Сейчас на холме часового не было. Кип обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть преобразование Гаспара. Зеленый люксин распространился с его рук на тело, покрыв всю его поверхность как скорлупа, как чудовищная броня. Кип не мог разглядеть, как солдаты и красный извлекатель подошли к Гаспару, но увидел шар огня размером с его голову, летящий в сторону цветодея, видел, как тот попал ему в грудь и взорвался, рассыпая пламя.

Гаспар прорвался сквозь него, покрытый пылающим красным люксином, прилипшим к его зеленой броне. Он был великолепен, ужасен, могуч. Он мчался на солдат с вызывающим воплем и исчез из вида. Кип бежал прочь, а алое солнце зажигало туман огнем.

Глава 2

Гэвин Гайл¹ окинул сонным взглядом просунутые под дверь бумаги и подумал, за что его Каррис наказывает на сей раз. Его комнаты занимали половину верхнего этажа Хромерии, но панорамные окна были затемнены так, чтобы если вдруг он вообще будет спать, то он мог бы заснуть здесь. Печать на письме еле заметно пульсировала, чтобы Гэвин не мог сказать, какой в нее был влит цвет. Он сел в кровати так, чтобы получше его рассмотреть, и расширил зрачки, чтобы вобрать как можно больше света.

Суперфиолетовый. О, блин...

По обе стороны затемненные окна ушли в пол, залив комнату светом полного спектра, как только над горизонтом над двойными островами показалось утреннее солнце. Поскольку зрачки Гэвина были расширены, магия переполнила его. Слишком много, чтобы сдержать.

Свет вырвался из его тела во все стороны, проходя сквозь него последовательными волнами, начиная от суперфиолетового. Последним был субкрасный, прокатившийся сквозь его кожу как волна пламени. Гэвин выскочил из постели, мгновенно вспотев. Но поскольку окна были открыты, холодный ветер летнего утра ворвался в его покои и охладил

¹ Guile – вероломство, ложь.

его. Он взвизгнул, снова ныряя в постель.

Наверное, Гэвин охнул достаточно громко, чтобы Каррис услышала и поняла, что ей удалось вот так резко пробудить его, поскольку он различил ее безошибочно узнаваемый смех. Она не была суперфиолетом, так что у нее явно был приятель, который помог ей с этой маленькой проделкой. Быстрый выброс суперфиолетового люксина на пульт управления комнаты закрыл окна и наполовину опустил фильтры. Гэвин протянул руку, чтобы распахнуть дверь, затем остановился. Он не намеревался требовать от Каррис сатисфакции. Ее нарочно назначили девочкой на побегушках к Белой, чтобы научить смирению и серьезности. Пока это было очевидным провалом, хотя Белая всегда вела более глубокую игру. И все же Гэвин не мог сдерживать ухмылки, вставая и сгребая письма, подsunутые Каррис под дверь.

Он подошел к двери. Прямо за ней на маленьком сервировочном столике он нашел блюдо с завтраком. Тот всегда был одинаков – два квадратных куска хлеба и бледное вино в прозрачной стеклянной чаше. Хлеб был без закваски, из пшеницы, ячменя, бобов, чечевицы, проса и полбы. Таким хлебом можно прокормиться. Вообще, кое-кто таким хлебом и жил. Просто это был не Гэвин. От его вида у него желудок сводило. Конечно, он мог потребовать другой завтрак, но никогда этого не просил.

Он принес его в комнату, разложил бумаги на столе рядом с хлебом. Один документ был странным, простая запис-

ка, непохожая ни на личный бланк Белой, ни на другие плотные белые бланки Хромерии. Он перевернул ее. Почтовая служба Хромерии пометила его как «СТ, Ректон» – Сатрапия Тирея, Ректон. Название было знакомым – может, один из тех городков возле Расколотой Скалы? Но там некогда было множество городков. Может, кто-то просит аудиенции, хотя такие письма следовало отсекать и разбираться с ними отдельно.

И все же дело прежде всего. Он разломил каждый кусок, проверив, нет ли внутри чего-нибудь. Удовлетворившись, он достал бутылочку синего цвета, которую держал в столе, и капнул в вино. Покрутил бокал, чтобы смешать, и поднял его, остановив на фоне гранитно-синего неба на картине, которую держал в качестве сравнения.

Конечно, он сделал все в совершенстве. Он проделывал это по утрам уже почти шесть тысяч раз. Почти шестнадцать лет. Довольно долго для тридцатитрехлетнего мужчины. Он вылил вино на разломленный хлеб, сделав его синим – и безопасным. Раз в неделю Гэвин готовил синий сыр и синие фрукты, но это занимало больше времени.

Он взял записку из Тиреи.

«Я умираю, Гэвин. Тебе пора познакомиться с нашим сыном, Кипом. Лина».

Сын? У меня нет...

Внезапно у него перехватило горло, и грудь стало распирать так, словно сердце вдруг распухло, хотя хирурги и гово-

рили, что такого не бывает. Просто расслабьтесь, говорили они. Молод и силен, как конь, говорили они. Они не говорили – будь мужиком. У тебя полно друзей, враги тебя боятся, у тебя нет соперников. Ты Призма. Чего тебе бояться? Никто так не говорил с ним уже много лет. Иногда он хотел такого.

Оролам, письмо не было даже запечатано.

Гэвин вышел на стеклянный балкон, бессознательно проверяя свое извлечение, как делал это каждым утром. Он посмотрел на свою руку, расщепляя солнечный свет на цветные компоненты, как умел только он, наполняя каждый палец по очереди разным цветом – от частот ниже видимого спектра до сверхвысоких: субкрасный, красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, суперфиолетовый. Какая-то заминка на синем? Он еще раз проверил, коротко глянув на солнце.

Нет, свет было по-прежнему легко расщеплять, по-прежнему все было безупречно. Он высвободил люксин, каждый цвет истекал и рассеивался из-под его ногтей как дым, оставляя знакомый букет смолистых ароматов. Он повернул лицо к солнцу, к его почти материнской теплой ласке. Гэвин открыл глаза и втянул приятную мягкую красноту. Внутрь и наружу, в такт с затрудненным дыханием, чтобы сердце успокоилось. Затем он отпустил красный и взял глубокий льдистый синий. Глаза словно бы замерзли. Как всегда, синий давал ясность, мир и порядок. Но только не план – слишком мало информации. Гэвин отпустил цвета. Он был по-преж-

нему в порядке. У него оставалось по крайней мере еще пять лет из семи. Полно времени. Пять лет, пять великих целей.

Ну, может, пять не великих.

И все же его предшественники за последние четыре столетия, не считая тех, кто пал жертвой убийцы или умер по другим причинам, служили ровно семь, четырнадцать или двадцать один год после того, как становились Призмами. Гэвин уже миновал четырнадцатилетний рубеж. Значит, полно времени. Не с чего думать, что он исключение. В любом случае причин мало.

Он взял второе письмо. Сломал печать Белой – старая карга запечатывала все, хотя делила остальную часть этажа с ним, и Каррис передавала письма из рук в руки. Но все должно быть на своем месте и сделано правильно. Сразу видно, что она прежде была Синей.

Письмо Белой гласило: «Если только ты не предпочтешь приветствовать студентов, которые придут этим утром, любезный мой господин Призма, прошу, присоединись ко мне на крыше».

Устремив взгляд за дома и центр Хромерии, Гэвин рассматривал торговые корабли в тишине залива острова Большая Яшма. Потрепанный аташийский корабль маневрировал, чтобы причалить прямо к пирсу.

Приветствовать новых студентов. Невероятно. Не то чтобы он не мог сказать им пару слов – ну ладно, не так уж у него хорошо был подвешен язык. Он, Белая и Спектр долж-

ны были уравнивать друг друга. Но хотя Спектр больше всего боялся его, реальность состояла в том, что старая карга добивалась своего куда чаще, чем Гэвин и все семь Цветов вместе взятые. Тем утром она наверняка опять захочет на нем поэкспериментировать, и если он намерен избежать чего-то более нудного вроде обучения, лучше ему подняться к ней на вершину башни.

Гэвин стянул свои рыжие волосы в хвост и надел одежду, разложенную для него его комнатной рабыней: рубашку цвета слоновой кости и отлично скроенные черные шерстяные брюки с очень широким поясом, усеянным драгоценными камнями, сапоги с серебряными заклепками и черный плащ с грубыми старинными илитийскими руническими узорами, вышитыми серебряной нитью. Призма принадлежал всем са-трапиям, так что Гэвин как мог чтит традиции всех стран – даже той, в которой жили только пираты да еретики.

Он чуть помедлил, затем выдвинул ящик и достал оттуда пару пистолетов. Они были илитийской работы и, характерно, имели наиболее совершенный механизм, какой только видел Гэвин. Ударный механизм был куда надежнее, чем колесцовый замок – он назывался кремневым. У каждого пистолета под стволом был длинный клинок и даже выступ, чтобы если их засунуть сзади за пояс, они держались крепко и под таким углом, чтобы не напороться на них, если сесть. Илитийцы продумывали все до мелочей.

И, конечно, пистолеты заставляли Черную Гвардию Белой

нервничать.

Гэвин ослабился.

Когда он отвернулся от дверей и снова глянул на картину, усмешка его погасла.

Он вернулся к столу, на котором лежал синий хлеб. Схватив картину за сгладившийся от употребления край, он потянул ее. Она бесшумно повернулась, открывая узкую шахту.

В ней не было ничего угрожающего. Слишком узкая, чтобы по ней мог подняться человек, даже если ему удастся преодолеть все остальное. Это могла быть шахта для подъема белья. Но Гэвину она казалась вратами ада, распахнувшейся пастью вечной ночи. Он бросил туда кусок хлеба, подождал. Послышался глухой стук, когда твердый хлеб ударился о первый люк, затем слабое шипение, когда тот открылся, затем закрылся, менее громкий удар об очередной люк, и через несколько мгновений последний удар. Каждый из люков все еще работал. Все было нормально. Безопасно. За много лет бывали ошибки, но на сей раз никто не умрет. Давить паранойю. Он чуть не зарычал, захлопнув дверь за картиной.

Глава 3

Три удара. Тройное шипение. Трое врат между ним и свободой.

Желоб выплюнул разломленный кусок хлеба прямо в лицо узнику. Он поймал его почти не глядя. Он знал, что хлеб синий, ровного цвета глубокого озера ранним утром, когда ночь еще царит в небесах и воздух не смеет ласкать поверхности вод. Извлекать эту незамутненную никаким другим цветом синеву было трудно. Хуже того, от этого узник чувствовал себя равнодушным, бесстрастным, спокойным, в гармонии даже с этим местом. А сегодня ему было необходимо пламя ненависти. Сегодня он сбежит.

После всех проведенных здесь лет иногда он даже не мог видеть цвета, словно просыпался в мире оттенков серого. Первый год был тяжелее всего. Его глаза, так привыкшие к нюансам, так умело различавшие весь спектр света, начали подводить его. Он видел цветовые галлюцинации. Он пытался вливать эти цвета в инструменты, чтобы разбить свою тюрьму. Но для магии воображения недостаточно, нужен свет. Настоящий свет. Он прежде был Призмой, потому подошел бы любой цвет, от суперфиолетового до субкрасного. Он вытягивал тепло из собственного тела, наполнял свои глаза этим субкрасным и бросал его в эти монотонные синие стены.

Конечно, эти стены были укреплены против таких жалких доз тепла. Он создал синий кинжал и рассек запястье. Там, где капли крови падали на пол, они мгновенно теряли цвет. В другой раз он держал кровь в ладонях, пытаясь вытянуть красный, но цвета было недостаточно, поскольку единственным светом в камере был синий. Он вылил кровь на хлеб – тоже не сработало. Его природный коричневый цвет всегда окрашивался синим, так что добавление красного давало лишь темный красновато-коричневый. Непригодный. Конечно. Его брат продумал все. Он всегда все продумывал.

Узник сел рядом с водостоком и начал есть. Подземелье было сделано в виде приплюснутого шара: стены и потолок представляли собой совершенную сферу, пол был не так покат, но все же понижался к середине. Стены подсвечивались изнутри, все поверхности испускали свет одного и того же цвета. Единственной тенью в камере был сам узник. Здесь были два отверстия – желоб сверху, по которому ему подавалась еда и струился единственный постоянный поток воды, который ему приходилось слизывать, и водосток внизу для его испражнений. У него не было ни утвари, ничего, кроме его рук и его воли, всегда его воли. При помощи воли он мог вытянуть что угодно из синего, хотя это рассеивалось сразу же, как он выпускал предмет, оставляя только пыль и слабый минерально-смолистый запах.

Но сегодняшний день должен стать днем начала его мести, первым днем его свободы. Эта попытка не провалится – он

даже отказывался думать о ней как о попытке, – так что надо кое-что сделать. Все нужно делать по порядку. Он не мог вспомнить, всегда ли он делал так или он купался в синем слишком долго, так что цвет фундаментально изменил его.

Он опустился на колени перед единственным в этой камере, что не было сделано его братом. Мелкое углубление в полу. Сначала он оттер его голыми руками, втирая едкое сало с кончиков своих пальцев в камень сколько мог. Рубцовая ткань не производит сала, так что ему пришлось остановиться прежде, чем он стер пальцы в кровь. Он поскреб двумя ногтями впадину между носом и щекой, еще двумя за ушами, набирая больше сала. Он собрал сало со своего тела отовсюду, где только мог, и втер его в углубление. Нельзя сказать, чтобы была различимая разница, но за годы впадинка углубилась достаточно, чтобы палец входил туда до второго сустава. Его тюремщик вмонтировал вытягивающие цвет адские камни в пол решеткой. Все, что распространялось достаточно далеко, чтобы пересечь одну из таких линий, теряло цвет почти мгновенно. Но адский камень чудовищно дорог. Насколько глубоко он уходит?

Если решетка уходит в пол лишь на несколько пальцев, его стертые пальцы однажды проникнут сквозь нее. Свобода будет тогда недалеко. Но если пересекающиеся линии уходят в глубину на фут, то тогда он стирал пальцы почти шесть тысяч дней напрасно. Он умрет здесь. Однажды его брат спустится сюда, увидит эту маленькую выемку – единственный

его след в этом мире – и рассмеется.

От звенящего эхом в его ушах этого смеха он ощутил маленькую искру гнева в груди. Он стал раздувать ее, купаясь в ее жаре. Его было достаточно, чтобы помочь ему двигаться, противостоять успокаивающей обессиливающей синеве.

Закончив, он помочился в углубление. И стал наблюдать.

На миг сквозь желтизну мочи этот проклятый синий цвет рассекла зелень. Он затаил дыхание. Время тянулось, а зеленый оставался зеленым... оставался зеленым. Оролам, он сделал это! Он пробился достаточно глубоко. Он пробился сквозь адский камень!

И тут зеленый исчез. Ровно за те две секунды, что и каждый день. Он завопил от ярости, но и ярость его была слабой, и кричал он, лишь чтобы увериться, что способен себя слышать, а не от настоящей ярости.

Дальнейшее все еще сводило его с ума. Он опустился на колени у выемки. Его брат превратил его в животное. В собаку, играющую с собственным дерьмом. Но эта эмоция была слишком старой, загоралась слишком много раз, чтобы дать ему настоящее тепло. После шести тысяч дней он был слишком унижен, чтобы отрицать свое унижение. Погрузив обе руки в мочу, он начал втирать ее в углубление, как втирал сало. Даже лишенная цвета, моча остается мочой. Она должна оставаться едкой. Она должна проесть адский камень быстрее, чем одно кожное сало.

Или моча нейтрализует сало. Возможно, он отодвигает

день освобождения. Он понятия не имел. Именно это погрузило его в безумие, а не опускание пальцев в горячую мочу. Уже нет. Он вычерпал мочу из углубления и вытер ее комком синих тряпок – его одежда, подушка теперь воняли мочой. Так давно воняли, что он больше не ощущал этого запаха. Вонь не имела значения. Значение имело то, что углубление должно высохнуть к утру, чтобы он мог на другой день попробовать снова.

Еще один день, еще один провал. Завтра он снова попробует субкрасный. Давно не пробовал. Он достаточно оправился после последней попытки. Ему должно хватить сил. Уж что-что, а брат показал ему, насколько он силен. И, возможно, это заставляло его ненавидеть Гэвина больше, чем что-либо иное. Но эта ненависть была холодна, как его камера.

Глава 4

В холоде раннего утра Кип бежал через городскую площадь быстро, насколько позволяло его неуклюжее тело пятнадцатилетнего подростка. Он споткнулся о камень брусчатки и влетел головой вперед в заднюю калитку дома мастера Данависа.

– Ты в порядке, парень? – спросил мастер Данавис с рабочей скамьи, подняв темные брови над васильковыми глазами, чьи радужки были наполовину полны темно-рубиновым, что выдавало в нем извлекателя. Мастеру Данавису едва стукнуло сорок, он был безбород и жилист, носил толстые шерстяные штаны и тонкую рубашку, обнажавшую его худые мускулистые руки, несмотря на утренний холод. На носу его сидели красные очки.

– Ой-ой. – Кип посмотрел на ободранные ладони. Колени тоже горели. – Нет, не в порядке. – Он подпернул штаны, скривившись, когда его ободранные ладони коснулись толстого, некогда черного льна.

– Хорошо, хорошо, поскольку... а, вот. Скажи, это те самые?

Мастер Данавис протянул обе руки. Обе были ярко-красные, наполненные люксином от локтей до пальцев. Он поворачивал свою руку так, чтобы его молочно-белая кожа не мешала Кипу смотреть. Как и Кип, мастер Данавис был полу-

кровкой – хотя Кип не слышал, чтобы кто-то презирал извлекателя за такое, в отличие от него. Красильщик был наполовину кроволесцем, и на его лице было несколько странных пятнышек, которые назывались веснушками, и его в целом обычные темные волосы имели рыжий отлив. Но по крайней мере его слишком светлая кожа облегчала Кипу дело.

Кип показал на участок от предплечья до локтя.

– Этот красный меняет цвет здесь, и он чуть ярче. Могу я, ну, поговорить с вами, сударь?

Мастер Данавис с отвращением встряхнул обеими руками, и люксин плюхнулся на землю, уже разбившись на сотни оттенков красного. Этот липкий люксин сморщился и рассеялся. Кип приходил сюда по большей части убирать остатки – красный люксин горюч, даже превратившись в пыль.

– Ох уж эти суперхроматы! Ладно, когда моя дочь такая, но муж алькадесы? И ты еще. Два человека на город! Минутку, что не так, Кип?

– Сударь, тут, а... – Кип замялся. Не только на поле боя запрещалось ходить, но мастер Данавис однажды сказал, что мародерство не лучше, чем грабеж могил. – Вы ничего не слышали о Лив, сударь? – Трус. Три года назад Лив Данавис уехала в Хромерию, чтобы обучаться, как и ее отец. Ей разрешили приехать домой только на страду в первый год обучения.

– Иди сюда, парень. Покажи руки. – Мастер Данавис взял чистую тряпицу и стер кровь, снимая грязь сильными движе-

ниями. Затем он откупорил бутылку и смочил тряпицу. Протер пропитавшейся самогоном тряпкой ладони Кипа.

Кип охнул.

– Не будь ребенком, – сказал мастер Данавис. Хотя сколько Кип себя помнил, он подхалтуривал у красильщика, он все равно порой боялся его. – Коленки.

Гримасничая, Кип задрал одну штанину и положил ногу на верстак. Лив была двумя годами старше Кипа – сейчас ей было почти семнадцать. Но даже недостаток мужчин в городке не заставил ее смотреть на Кипа иначе, чем на мальчишку, конечно же, но она всегда была добра к нему. Доброе расположение симпатичной девушки и порой снисходительность – большее, на что мог надеяться Кип.

– Скажем так, не все акулы и морские демоны живут в море. Хромерия – не лучшее место для тирейца после войны.

– Вы думаете, она может приехать домой?

– Кип, – сказал мастер Данавис, – у твоей мамы опять проблемы?

Мастер Данавис отказался взять Кипа в подмастерья красильщика, говоря, что в маленьком Ректоне Кипу в будущем будет мало работы, к тому же он сам очень посредственный красильщик, поскольку умел извлекать. Очевидно, до Войны Призм он был кем-то другим, поскольку учился в Хромерии. Учеба там стоит денег, и большинство извлекателей служат, чтобы отработать учебу. Так что, наверное, наставник самого мастера Данависа был убит на войне, оставив его

на произвол судьбы. Но мало кто из взрослых говорил о тех днях. Тирея проиграла, и все стало плохо – вот все, что знали Кип и прочие дети.

И все же мастер Данавис платил Кипу за случайную работу и, как половина матерей в городе, подкармливал его каждый раз, как он попадался ему на глаза. Более того, он всегда позволял Кипу есть печенья, которые присылали городские женщины, пытаясь привлечь внимание симпатичного холостяка.

– Сударь, на той стороне реки армия. Они идут уничтожить город, чтобы показать, что бывает с теми, кто отказывает королю Гарадулу.

Мастер Данавис открыл было рот, затем увидел, что Кип серьезен. Он мгновение не говорил ничего, затем все его поведение изменилось.

Он начал обстреливать Кипа вопросами: где точно они находятся, когда он там был, откуда узнал, что они собираются уничтожить город, как выглядели палатки, сколько он их насчитал, были ли там извлекатели? Ответы Кипа были невероятны даже для его собственных ушей, но мастер Данавис принял их все.

– Он сказал, король Гарадул нанимает цветодеев? Ты уверен?

– Да, сударь.

Мастер Данавис потер верхнюю губу пальцами, словно приглаживал усики, хотя был чисто выбрит. Он подошел к

сундуку, открыл его и достал оттуда кошель.

– Кип, твои друзья ловят нынче утром рыбу на Зеленом мосту. Иди туда и предупреди их. Люди короля захватят мост. Если не предупредишь, твоих друзей перебьют или уведут в рабство. Я предупрежу всех в городе. Беда одна не ходит, используй эти деньги, чтобы добраться до Хромерии. Лив тебе поможет.

– Но... но моя мама! Где...

– Кип, я сделаю все, чтобы спасти ее и остальных. Больше никому помочь твоим друзьям. Хочешь, чтобы Изабель забрали в рабство? Ты же понимаешь, что происходит, верно?

Кип побледнел. Иза была девчонкой-сорвиголовой, но он видел, что она станет красивой женщиной. Она не всегда была доброй к нему, но мысль о том, что кто-то может причинить ей зло, наполнила его яростью.

– Да, сударь. – Кип повернулся было, замялся. – Сударь, а что такое суперхромат?

– Заноза в моей заднице. Иди!

Глава 5

Это не сулило ничего хорошего. То письмо – у тебя есть сын – не было запечатано. Гэвин мог об заклад побиться, что люди Белой читали всю его корреспонденцию. Но Каррис смеялась, передавая ему письмо, стало быть, не читала. Значит, не знает. Пока. Но она пошла доложиться Белой. А Гэвина там ждали.

Он передернул плечами, подвигал шеей, каждый раз с приятным легким щелчком, затем двинулся вперед. Его Черная Гвардия пошла в ногу следом. У каждого был мушкет с колесцовым замком, ятаган или другое оружие. Он поднялся по лестнице на открытый балкон на крыше Хромерии. Как всегда, первой заметил Каррис. Она была низенькой, с отличной от природы фигурой ныне со слишком выдающимися мускулами и венами после многих лет изматывающих тренировок. У нее были прямые длинные волосы, сегодня платиновые. Вчера были розовые. Гэвин любил светлые. Это обычно означало, что она в хорошем настроении. В перемене цвета ее волос не было никакой магии. Она просто любила частые перемены. Или, возможно, понимала, что слишком выделяется и может даже не пытаться смешаться с остальными.

Как и прочие черные гвардейцы, охраняющие Белую, Каррис носила тонкие черные брюки и куртку, сшитые для боя,

за исключением вышитого золотой нитью знака ее ранга на плече и вороте. Как и остальные, она носила узкий черный ятаган – чуть искривленный меч с обратной заточкой с единственной режущей кромкой почти по всей длине – а вместо щита металлическую гарду-рамку с острым клинком посередине². Как и прочие, она была отлично обучена владению обоими клинками, как и многими прочими видами вооружения. В отличие от остальных ее кожа не была черной, как у парийцев или илитийцев.

И настроение ее, похоже, тоже не было мрачным. На ее губах играла еле заметная усмешечка. Гэвин поднял бровь, делая вид, что несколько уязвлен ее недавней проказой с цветами в его комнате, и подошел к Белой.

Орея Пуллаур была морщинистой старухой, которая все чаще появлялась в кресле-каталке, в котором сидела и сейчас. Ее Черная Гвардия включала в каждую смену караула как минимум одного крепкого мужчину, если понадобится нести ее вниз или вверх по лестнице. Но несмотря на физическую немощь, Орее Пуллаур более десяти уже лет не осмеливался бросить вызов ни один искатель белой хламиды. Большинство даже не помнили ее настоящего имени – она просто была Белой.

– Ты готов? – спросила она. Даже после стольких лет ей трудно было смириться с тем, что для него это так легко.

– Справлюсь.

² Видимо, имеется в виду что-то вроде индийского кинжала «катар».

– Как всегда, – сказала она. Глаза ее были прозрачными, серыми, не считая двух широких полукружий вокруг зрачка, синего сверху и зеленого внизу. Белая была сине-зеленым бихромом, но эти цветовые дуги выщвели в ее глазах из-за того, что она давно не извлекала цвета. Но каждая дуга была максимально широкой, от самого зрачка до края радужки. Если она когда-нибудь еще раз извлечет цвет, она прорвет ореол: цвет рассыплется осколками по ее белкам, и ей придет конец. Потому она и не носила цветных очков. В отличие от других извлекателей на покое она даже не пыталась носить ненужных очков при себе, чтобы напоминать всем, кем она была прежде. Орея Пуллаур была Белой, и этого было достаточно.

Гэвин направился к возвышению. Над ним, на дуговых направляющих, чтобы использовать в любое время дня и года, висел огромный полированный кристалл. Ему он не был нужен. Да и прежде не был нужен никогда, но всем вроде было приятно думать, что ему требуется какой-то костыль, чтобы управляться с таким количеством света. У него никогда не бывало и светоболезни. Жизнь нечестная штука.

– Есть особые просьбы? – спросил он.

Как именно Призма ощущает дисбаланс мировой магии, по-прежнему оставалось тайной. Этот предмет, облаченный в религиозную бредятину, что якобы Призма напрямую связан с Ороламом и, следовательно, со всеми сатрапиями, никогда не изучался до того, как Гэвин стал Призмой.

Даже Белая почти со страхом спросила его об этом, а она была самой жесткой из всех женщин, которых только встречал Гэвин.

Не то чтобы они сильно продвинулись, но давным-давно Белая и Гэвин заключили уговор: она будет интенсивно его изучать. А он будет ей помогать, а за это она позволит ему путешествовать без Черной Гвардии, следящей за каждым его шагом. По большей части это работало. Иногда он не мог удержаться от того, чтобы подразнить ее, поскольку ему казалось, что за шестнадцать лет, которые он пробыл Призмой, они не узнали ничего. Конечно, когда он заходил слишком далеко, она приводила его сюда, говоря, что ей надо исследовать, как свет проходит сквозь его кожу. Так что придется балансировать. На открытом воздухе. Зимой. Нагишом.

Неприятно. Будучи Гэвином, Гэвин прекрасно усвоил, где проходит граница. Да уж, император Семи Сатрапий.

– Мне было бы приятно, если бы вы начали позволять Черной Страже выполнять свой долг, Владыка Призма.

– Я имел в виду урановешивание.

– Они всю жизнь учатся служить нам. Они рискуют жизнью. А ты исчезаешь каждую неделю. Мы договорились, что ты сможешь путешествовать без них, но лишь в чрезвычайной ситуации.

Служить нам? На самом деле все немного сложнее.

– У меня опасная жизнь, – сказал Гэвин. Они спорили по этому поводу постоянно. Несомненно, Белая понимала, что

если она не устроит здесь показательной выволочки, он будет требовать большей свободы. Несомненно, она была права. Гэвин посмотрел на нее прямым взглядом. Белая ответила ему тем же. Черная Гвардия стояла очень-очень тихо.

Так бы ты управлял ими, братец? Или просто чарами заставил бы их подчиниться? Все в моей жизни завязано на власть.

– Ничего особенного сегодня, – сказала Белая. Гэвин начал. Призма, по сути, делает две вещи, которых больше никто не может. Во-первых, Гэвин мог расщеплять свет на составляющие цвета без внешней помощи. Обычный красный извлекатель мог вытянуть лишь одну полосу из спектра, кто пошире, кто поуже. Чтобы тянуть, им нужно видеть красное – красные скалы, кровь, закат, пустыню, что угодно. Или, как учили извлекателей в старину, они могли носить красные очки, отфильтровывавшие остальные цвета, кроме красного. Это давало меньше мощи, но все же лучше, чем полностью зависеть от окружения.

Такие же ограничения были у каждого извлекателя: монохромные могли вытягивать только один свет; бихромные два. Обычно это были соседние цвета, как красный и оранжевый или зеленый и желтый. Полихромные – которые контролировали два или три – были самыми редкими, но даже им приходилось тянуть из тех цветов, которые они могли видеть. Только Призме не нужны очки. Только Гэвин мог расщеплять свет внутри себя.

Это было удобно Гэвину, но больше никому пользы не приносило.

А приносило пользу вот что: стоя над Хромерией, когда свет струился сквозь его глаза, наполнял его кожу всеми цветами спектра, источая его сквозь все поры, он мог ощущать дисбаланс в магии по всему миру.

– На юго-востоке по-прежнему, – говорил Гэвин. – В глубине Тиреи, похоже в Келфинге, кто-то использует субкрасный, и много. – Огонь и жар, как правило, означали боевую магию. Именно к этому прибегало большинство военных предводителей и сатрапов, когда они хотели убивать людей. Никакой тонкости.

Количество субкрасного в Тирее означало, что либо у них тихая война или что новый сатрап Гарадул основал собственную школу для натаскивания боевых извлекателей. Соседей это не обрадует. Уж точно не рутгарского губернатора, захватившего бывшую столицу Тиреи Гарристон.

Вдобавок к избытку субкрасного использовалось больше красной магии, чем синей, по сравнению с последним балансированием Гэвина, и больше зеленой, чем оранжевой.

Эта система поначалу саморегулировалась. Если красные извекатели по всему миру использовали слишком много красного, им становилось труднее тянуть цвет, и, соответственно, легче становилось синим. Запечатанный красный люксин рассеивался легче, а синий запечатывался лучше. На этом уровне это было неудобство, досадный факт.

Легенды рассказывали об эпохе до прихода Люцидония, принесшего истинное поклонение Ороламу, когда магические центры были рассеяны по всему миру: зеленый в нынешнем Рутгаре, красный в Аташе и так далее, везде поклонялись языческим богам и тонули в суевериях и невежестве. Один вождь вырезал почти всех синих. За несколько месяцев, как говорят, Лазурное море превратилось в кровь, все в воде умерло. Рыбаки по оба берега моря начали голодать. Несколько выживших синих извлекателей героически пытались восстановить равновесие собственными силами – используя столько синей магии, что извели сами себя. Моря очистились, красные извекатели вернулись к прежнему порядку. Но на сей раз синих не осталось. Все, что использовало красный люксин, рассыпалось, моря снова стали кровавыми, начались глад и мор.

Так все и шло. Почти в каждом поколении страшные природные катаклизмы губили тысячи тех, кто верил, что они чем-то оскорбили своих капризных богов.

Призмы предотвращали такое. Гэвин чувствовал дисбаланс задолго до того, как тот проявлялся физически, и исправлял его, извлекая противоположный цвет. Когда у Призм не получалось, что было неизбежно после семи, четырнадцати или двадцати одного года, Хромерии приходилось предотвращать катастрофы более жестко – вдобавок к тушению пожара (иногда в буквальном смысле) они рассылали по всему миру послания, возможно, прося синих не

извлекать цвет за исключением чрезвычайных ситуаций, а красным тянуть больше обычного. Поскольку каждый в жизни может вытянуть лишь конечное количество, это означало подталкивать красных к смерти, а синим не давать выполнять полезную работу во всех Семи Сатрапиях. В такие времена Хромерия с великим нетерпением ждала замены Призмы. И Оролам непременно присылал новую Призму в каждом поколении, или так гласило учение.

Исключением стало поколение Гэвина, когда в непостижимой мудрости своей Оролам послал сразу двоих – и мир раскололся.

Гэвин медленно повернулся, широко раскинув руки и выпуская волны суперфиолетового света для баланса субкрасного, затем красного для баланса синего, затем оранжевого для баланса зеленого. Когда мир снова стал ощущаться правильно, он остановился.

Он обернулся и улыбнулся Белой. Ее лицо, как всегда, было непроницаемо. Ее Черная Гвардия – все до единого извлекатели, понимавшие потому, какой мощью сейчас управлял Гэвин, – выглядели столь же бесстрастными. Или просто привыкли. Он, в конце концов, Призма. Это его работа – делать невозможное. Может, они чуть выдохнули. Их работа – защищать Белую даже от него, если что.

Гэвин был Призмой и формально императором Семи Сатрапий. В реальности его должность была по большей части сакральной. Призм, становившихся более чем просто укра-

шением, убирали. Порой навсегда. Черная Гвардия умрет, защищая его от любой опасности, но Белая была главой Хромерии.

Так что если дойдет до дела, они будут драться за нее, не за него. Они понимали, что в этом случае погибнут все, но в конце концов их для этого готовили. Даже Каррис.

Иногда Гэвин задавался вопросом – если такое однажды случится, Каррис попытается убить его последней или первой?

– Каррис? – сказала Белая. – Тебя ждет корабль в Тирею. Возьми. Прочтешь, когда отплывешь. Когда сможешь, пройди остаток пути на веслах. Время не ждет. – Она протянула Каррис сложенное послание. Оно даже не было запечатано. Либо Белая доверяла Каррис, либо знала, что та прочтет письмо сразу же, запечатано оно или нет. Гэвин думал, что хорошо знает Каррис, но не мог угадать, как она поступит.

Каррис взяла письмо и низко поклонилась Белой, даже не глянув на Гэвина. Затем она повернулась и ушла. Гэвин не мог удержаться, чтобы не посмотреть ей вслед, ее гибкой, изящной, сильной фигурке, но быстро отвел взгляд. Белая все равно заметила, но если бы он продолжал пялиться, она, вероятно, что-нибудь сказала бы.

Она махнула рукой, когда Каррис спустилась на лестницу и исчезла, и остальная Черная Гвардия отошла, чтобы не слышать.

– Итак, Гэвин, – сказала Белая, сложив руки. – Значит,

сын. Рассказывай.

Глава 6

Зеленый мост был меньше чем в миле вверх по реке от Ректона. Тело Кипа молило о передышке, но каждый раз, как он замедлял бег, он воображал солдат, подходящих с того берега реки. Он должен прибежать первым.

Раз двенадцать представив себе кошмар рабства и последующей смерти, он добежал дотуда.

Изабель, Рам и Сансон сидели, лениво привалившись к перилам, и удили рыбу. Изабель куталась от холода, глядя, как Сансон пытается выманить радужную форель, а Рам говорил, что тот все делает неправильно. Все они уставились на Кипа, когда тот, задыхаясь и сложившись пополам, остановился перед ними. Солдат нигде не было видно.

– Надо уходить, – выдохнул он. – Солдаты идут.

– О нет-нет-нет! Только не солдаты! – в насмешливой панике крикнул Рам.

Сансон вскочил на ноги, думая, что Рамир серьезно. Добродушный паренек с торчащими вперед зубами, он был добродушным и до него шутка всегда доходила в последнюю очередь.

– Спокуха, Сансон, я пошутил, – сказал Рамир, жестковато тыча Сансона в плечо.

Когда они впервые услышали о рекрутском наборе, они через секунду решили, что если кого из них и загребнут в ар-

мию короля Гарадула, то это будет Рам. Ему было шестнадцать – на год старше всех их и единственный, кто хоть отдаленно тянул на солдата.

– Я не шучу, – сказал Кип, все еще согнувшись и опираясь руками на колени, тяжело дыша.

Сансон, по-прежнему не уверенный, сказал:

– Моя мама говорит, что алькадеса сильно поссорилась с людьми короля. Говорит, что алькадеса велела им сунуть эти приказы ему в ухо.

– Насколько я знаю алькадесу, не про ухо она говорила, – сказала Иза. Она коварно усмехнулась, и Сансон с Рамом рассмеялись. Они просто не понимали. Кип заметил, как Иза глянула на Рама – ища его одобрения. Уловив его, она расцвела вдвойне, и у Кипа свело желудок. Опять.

– Что творится, Кип? – спросила она. Большие карие глаза, полные губы, хорошая фигура, безупречная кожа. Невозможно было говорить с ней и не сознавать ее красоты. Она была даже симпатичнее, чем Лив, правда куда более от мира сего.

Кип пытался найти слова. Идут люди, чтобы убить нас, а я беспокоюсь о девчонке, которая даже не любит меня.

От Зеленого моста было около трехсот-четырехсот шагов до ближайшей апельсиновой рощи. Между мостом и деревьями укрыться было, считай, негде.

– Идут... – начал было Кип, но Рам перебил его.

– Если меня загребут, то я вызовусь в боевые извлекате-

ли, – сказал Рам. – Это опасно, я знаю, но если мне придется бросить все, что я здесь люблю, то я намерен кем-то да стать. – Он посмотрел вдаль, в свое великое будущее. Кипу захотелось двинуть кулаком в его красивую героическую физиономию.

– Почему бы вам с Сансоном не удрать? – сказал Рам. – Ну, спрятаться от большой страшной армии? Нам с Изой надо попрощаться.

– А почему бы тебе не попрощаться с нами здесь? – спросил Сансон.

Иза вспыхнула.

Глаза Рама сверкнули.

– Seriously, неужто вы оба такие говнюки, а? – сказал он, делая вид, что шутит.

– Рам, послушай, – сказал Кип. – Эта армия идет, чтобы покарать нас ради примера. Надо уходить. Прямо сейчас. Мастер Данавис сказал, что они захватят мост. – На самом деле Зеленый мост был рухлядью, построенный еще прошлой проходившей через эти места армией. Он весь был из зеленого люксина – самого стойкого: будучи запечатанным, он разваливался гораздо дольше, чем любой другой. Говорили, что когда Гэвин Гайл вел здесь свою армию, чтобы сокрушить своего злого брата Дазена Гайла, Гэвин Гайл, сам Призма, возвел этот мост. Лично. За секунды. Армия прошла его не останавливаясь, хотя ее фуражиры забрали все съестные припасы и угнали весь скот из города. Всех муж-

чин угнали на войну на той стороне или другой.

Вот почему все они выросли без отцов. Никто в Ректоне не считал проходящую армию пустяком. Даже дети.

– Сделай мне одолжение, Пухляш. А я сделаю одолжение тебе, – сказал Рам.

– Если ты уйдешь с солдатами, то со мной ты не рассчитаешься, – сказал Кип. Ему хотелось убить Рама, когда тот назвал его Пухляшом. На лице Рама возникло мерзкое выражение. Они уже дрались прежде, и Рам всегда побеждал. Но никогда влегкую. Кип умел выдерживать побои, и порой у него сносило крышу. Они оба это знали.

– Сделай одолжение, а? – сказал Рам.

– Нам надо уходить! – Кип почти кричал. Он не знал, почему это все его удивляло. Они не просто так всегда называли Рамира Бараном. Он намечал цель и пер прямо на нее, снося все на своем пути и не сворачивая в сторону. Сегодня его целью было забрать невинность Изы. Вот и все. И никакая наступающая армия не могла остановить это тупое животное.

– Ладно. Давай, Иза, пошли в рошу, – сказал Рам. – И не думай, что я это забуду, Кип.

Рам взял ее за руку и потянул. Она пошла следом, но обернулась через плечо на Кипа, словно ожидая, что он что-то сделает.

Но что он мог? Они пошли куда надо. Если он бросится за ними и даст Раму в морду, тот избьет его, и еще хуже,

они оба останутся на открытой местности. Если Кип пойдет за ними, Рам может решить, что он хочет затеять драку, и результат будет тот же.

Изабель все еще смотрела на него. Она была мучительно красива.

Кип мог остаться. Ничего не делать. Спрятаться под мостом.

Нет!

Кип выругался. Иза обернулась, когда он вышел из тени Зеленого моста. Глаза ее распахнулись, и ему показалось, что на ее губах возникла тень улыбки. От настоящей радости, что Кип преследует ее как мужчина, или это просто корыстная радость от того, что за нее будут драться? Затем ее взгляд скользнул вверх и влево, на противоположный берег реки. Стал изумленным.

Сверху послышался мужской окрик, но за шумом воды Кип не разобрал слов. Рам споткнулся, добравшись до верхнего края берега. Он не выпрямился. Упал на колени, пошатнувшись, затем на спину.

И лишь когда безжизненное тело Рама скатилось вниз, Кип увидел стрелу у него в спине. Иза тоже. Она посмотрела на кого-то на берегу, глянула на Кипа, а затем бросилась прочь.

– Убей ее! – послышался громкий отчетливый приказ с моста прямо над головой Кипа. Голос был бесстрастен.

Кипу стало дурно. Он был беспомощен. Он потратил

слишком много времени. Разум отказывался верить глазам. Иза бежала вдоль берега реки, быстро бежала. Она всегда быстро бегала, но тут негде было спрятаться, не было укрытия от стрелы, которая, как он понимал, непременно прилетит. Сердце колотилось в груди, кровь редела в ушах, внезапно сердце застучало вдвое, втрое чаще.

Что-то мелькнуло на границе зрения. Стрела. Рука Кипа сжалась. Будто попали в него самого. Едва заметная голубая вспышка, тонкая, как камышинка, метнулась от него в воздух.

Стрела упала в реку в добрых пятнадцати шагах от Изы. Лучник ругнулся. Кип посмотрел на руки. Они дрожали и были синими. Ослепительно синими, как небо. Он был так ошеломлен, что на миг застыл.

Он обернулся к Изе, которая была уже более чем в ста шагах.

Снова стрела чиркнула на границе видимости, оказавшись в самом центре – в спине Изы. Она упала лицом вперед на острые камни берега, но медленно поднялась на колени. Из ее поясицы торчала стрела, по лицу и рукам струилась кровь. Она уже почти встала на ноги, когда в спину ее вошла другая стрела. Она упала лицом в реку на мелководье и больше не двигалась.

Кип тупо, не веря своим глазам, смотрел на нее. Он видел лишь алую жизнь, яркой струйкой смешивавшуюся с прозрачной водой реки.

Над ними на мосту послышался цокот копыт. Разум Кипа бурлил.

– Господин, люди готовы, – сказал кто-то над ними. – Но, господин... это же наш город. – Кип поднял взгляд. Зеленый люксин у них над головой был прозрачен, и он видел тени людей – то есть если они с Сансоном пошевелиются, их увидят тоже.

Молчание. Затем тот же голос, который потребовал смерти Изы, произнес:

– Значит, мы должны позволить подданным решать, будут ли они подчиняться королю? Может, подчинение моим приказам тоже должно быть опциональным?

– Нет, господин. Я просто...

– Вы закончили?

– Да, господин.

– Тогда сожгите город. Перебейте всех.

Глава 7

– Вы даже не делаете вид, что не читаете мою почту? – спросил Гэвин.

Белая хохотнула:

– Зачем обижать твою разведку?

– Я мог бы придумать с полдесятка причин, стало быть, вы наверняка могли бы придумать сотню, – сказал Гэвин.

– Уклоняешься от ответа. У тебя есть сын? – Несмотря на ее упрямое стремление получить ответ – и Гэвин знал, что она не даст ему увильнуть, хитро или нет, – она говорила ровно. Она лучше всех понимала серьезность ситуации. Даже Черной Гвардии не удастся подслушать. Но если она прочла незапечатанное письмо, то любой мог это сделать.

– Насколько я знаю, это неправда. Я не понимаю, как такое могло случиться.

– Потому, что ты был осторожен, или потому, что это действительно невозможно?

– Вы ведь не ждете ответа на этот вопрос? – ответил Гэвин.

– Я понимаю, что Призма сталкивается с большими соблазнами, и ценю твою выдержку или умение хранить тайну в течение многих лет, что бы там ни было. Мне не приходилось иметь дел с беременными молодыми излекательницами или взбешенными папашами, требующими, чтобы ты

женился на их дочках. Я благодарю тебя за это. В ответ я не настаивала вместе с твоим отцом на твоей женитьбе, хотя это явно облегчило бы и твою, и мою жизнь. Ты умный человек, Гэвин. Надеюсь, достаточно умный, чтобы понять, что ты можешь попросить у меня новую комнатную рабыню, или несколько рабынь, или все что пожелаешь. Во всем остальном я надеюсь, что ты... очень осторожен.

Гэвин закашлялся.

– Осторожнее всех.

– Я не утверждаю, что способна отслеживать все твои перемещения, но согласно всему, что я знаю, ты не бывал в Тирее после войны.

– Шестнадцать лет, – спокойно сказал Гэвин. Шестнадцать лет? Он действительно был там шестнадцать лет назад? Что бы сделала Белая, если бы узнала, что мой брат жив? Что я держу его в личном аду внизу в этой самой башне?

Ее брови взлетели вверх, когда она прочла что-то еще на его встревоженном лице.

– А. Мужчины и женщины во время войны много чего делают, когда думают, что могут погибнуть. Это были жестокие дни для тебя. Так что, возможно, это открытие – *особая* проблема.

У Гэвина сердце замерло. Из всего, что случилось шестнадцать лет назад, важнее всего сейчас было то, что в то время, когда ребенок был зачат, Гэвин был помолвлен с Каррис.

– Если ты абсолютно уверен, что это неправда, – сказала Белая, – я отправлю человека забрать это письмо у Каррис. Я пыталась оказать тебе услугу. Ты знаешь ее нрав. Я думала, что для вас обоих будет лучше, если она узнает это во время плавания. Когда она остынет, она простит тебя. Но если ты клянешься, что это неправда, то зачем ей знать?

На миг Гэвин восхитился старой каргой. Белая, несомненно, была добра, но это ведь она устроила так, чтобы эта ситуация развернулась прямо перед ее глазами, – и всего лишь затем, чтобы увидеть самую откровенную реакцию Гэвина. Это было одновременно и милосердно, и жестоко, и коварно и ни в коем разе не случайно. Гэвин напомнил себе в сотый раз не идти против Ореи Пуллаур.

– Я не помню этой женщины. Совсем. Но время было ужасное. Я... я не могу поклясться. – Он знал, что подумает об этом Белая. Она думает, что он признается, что обманул Каррис во время помолвки, но уверен в том, что был осторожен. Но молодежь делает ошибки.

– Мне надо идти, – сказал он. – Я разберусь с этим. Это мой промах.

– Нет, – отрезала она. – Теперь это дело Каррис. Я не посылаю тебя в Тирею, Гэвин. Ты Призма. И так уже плохо, что я послала тебя против цветодеев...

– Вы не *посылали* меня. Вы просто меня не остановили. Это был первый их титанический поединок воли. Она отказывалась допускать личное вмешательство Призмы, назы-

вая это безумием. Гэвин даже не спорил – он просто отказался остановиться. Она заперла его в его апартаментах. Он вышиб дверь.

В конце концов она сдалась, и он заплатил за свое упорство по-другому.

Через мгновение она сказала – очень тихо и ласково:

– Скажи, Гэвин. После того, как ты перебил всех этих цветодеев и спас столько людей, боль утихла?

– Я слышал здесь толки о ереси, – резко ответил Гэвин. – Кто-то снова молится старым богам. Я мог бы выяснить.

– Ты больше не промахос, Гэвин.

– Вряд ли кто-то из полсотни их полуобученных цветодеев мог бы остановить...

– Ты лучший Призма из тех, какие только были у нас за пятьдесят, возможно, сто лет. Будь там полсотни или пять сотен цветодеев в их маленькой еретической Хромерии, я не желаю об этом слышать. Каррис найдет эту женщину и ее сына и посмотрит, что сможет узнать об этом самом «короле Гарадуде». Она вернется месяца через два. Кстати, о цветодеях – необычно сильный синий цветодей был замечен на окраинах Кровавого Леса в направлении Ру.

Синий цветодей, идущий в направлении самой красной страны в мире. Странно.

А ведь синие обычно так логичны. Это отвлекало, но дело было хорошее, и ему почти не останется времени добраться до Каррис.

– Позвольте удалиться, верховная госпожа, – сказал он, как всегда, чуть иронично. Он не стал ждать ее разрешения, собрав свою магию и направившись к краю башни.

– О нет! – воскликнула она.

Он остановился. Вздохнул.

– В чем дело?

– Гэвин! – упрекнула она. – Ты ведь не забыл, что обещал сегодня преподавать? Для каждого класса такая честь встретиться с тобой. Они месяцами такого ждут.

– Что за класс? – с подозрением спросил он.

– Суперфиолеты. Их всего шестеро.

– Это не тот класс, в котором у девушки постоянно вываливается грудь? Лана? Ана? – Одно дело, когда женщины преследовали Гэвина, но эта бросалась на него со своих четырнадцати лет.

Белая обиженно посмотрела на него.

– Мы говорили с ней несколько раз.

– Послушайте, – сказал Гэвин, – прилив отступает, я должен перехватить Каррис. Я буду обучать этот класс в следующий раз, когда пожелаете. Без всякого отпирательства.

– Ты даешь слово?

– Даю слово.

Белая улыбнулась, как сытая кошка.

– Ты ведь наслаждаешься процессом обучения больше, чем признаешь, Гэвин?

– Ха! – воскликнул Гэвин. – До свидания!

Прежде чем она успела сказать что-либо еще, он подбежал к краю площадки и прыгнул в воздух.

Глава 8

Кип не мог отвести взгляда от тела Изы. После того как она увидела, как солдаты убили Рама, она обернулась к Кипу. Она искала спасения, защиты. Она смотрела на него и знала, что он не сможет ей помочь.

Звук и внезапная пустота рядом заставили Кипа оторвать взгляд от Изы. Сансон бежал к деревне. Сансон был недалекий парень, но практичный. Такой дурости он ни разу в жизни не делал. Но Кип не мог его винить. Никто из них прежде не видел смерти.

Но солдаты-то Сансона увидели, и сейчас он умрет, если Кип ничего не сделает.

Кип достаточно уже стоял в сторонке, ничего не делая, пока его друзья гибли. Он не думал. Он действовал. Он побежал – в другую сторону.

Кип терпеть не мог бегать. Когда бежал Рам, это было как бег борзой за оленем, он был жилистый и поджарый, полный текучей силы. Когда бежала Иза, она была как убегающая лань, вся изящество и удивительная скорость. Кип бегал как молочная корова, бредущая к пастбищу. Но все же это оказалось неожиданно для всех.

Он добежал до тела Рама и пустился вперед сломя голову, когда услышал окрик. Он взлетел на берег, едва замедлившись. Как только он разогнался всей массой, его было труд-

НО ОСТАНОВИТЬ.

Но сухого дерева, чей ствол поднимался на уровень голени, скрытого в высокой траве, оказалось достаточно. Кип с треском ударился голенью о ствол на ходу и полетел головой вперед. Он проехался на пузе и шлепнулся, как рыба. От боли в глазах все почернело и покраснело. На секунду ему показалось, что его сейчас вывернет, затем голова закружилась. Он посмотрел вниз, ожидая, что из ноги будет торчать кость. Нет. Слюнтяй.

Слезы хлынули из его глаз. Руки его снова кровоточили, он сорвал ногти. Он слышал, как кричат люди на мосту. Они на миг упустили его, но в погоню пустились всадники. Он был всего в пятидесяти шагах. Трава была всего лишь по колено. Через пару секунд всадники увидят его, и ему конец. Как Изе.

Он с трудом поднялся, голень горела, от слез все размывалось. Он ненавидел себя. Он плакал от того, что упал. От того, что был неуклюж.

От того, что был слаб.

Всадник крикнул, когда он встал. Кип прежде видел, как всадники короля Гарадула проходят через город, но они никогда не были в полном вооружении. Когда они проходили через Ректон, их доспехи были по большей части сложены в телеги. Ректон был слишком небольшим, чтобы ради него облачаться. Два всадника галопом неслись к Кипу, оба были из мелкого дворянства. Едва наскребшие денег на собствен-

ных пони, оружие и броню, они служили только в сухое время года. Солдаты-любители, надеявшиеся вернуться домой с добычей и враками до сбора урожая. Оба были в кольчужно-пластинчатых куртках. Более легкие и дешевые, чем полный доспех, как у знати и Зерцал короля Гарадула, эти длинные куртки имели шесть узких рядов тонких перекрывающихся пластин впереди, кольчужные рукава и спину плетением один в четыре. У каждого был круглый шлем с острием наверху и перьями хищной птицы. На плечах лежала кольчужная бармица, прикрывая шею и давая двойную защиту верхней части груди. Ни у одного не было копья. Вместо них они носили вичарувалы, мечи-серпы. У них была длинная рукоять, как у секиры, с полумесяцем клинка на конце с обратной заточкой. Всадники толкались со смехом, соревнуясь, кто лучше зарубит ребенка.

Смех все решил. Одно дело сдаться и умереть, другое – позволить убить себя хихикающим подонкам. Но времени не было. Всадники пустились полным галопом, топча нежную, яркую зеленую траву, так же, как они затопчут Кипа. Наконец они разделились, один перекинул вичарувал в левую руку, чтобы они могли рубануть по Кипу одновременно.

Кип прыгнул вперед, надеясь хотя бы двинуть по одной тупой ухмылке прежде, чем умереть. Прыжок был плохой и слишком преждевременный. Но когда Кип поднялся, чтобы встретить лезвия, сквозь него хлынула сверкающая зеленая масса. Он ощутил, как из его тела вырвалась энергия. С деся-

ток лезвий травы проросло сквозь его руку в момент его удара, разрывая кожу и вырываясь из него. Они стали толстыми, как рогатина, пока зеленый свет изливался из него, и стали настоящими лезвиями. Когда он метнул их в воздух, Кипа отбросило на землю. Тупые концы десятка сверкающих нефритовых копий с ударом вошли в землю вокруг него.

У всадников не было времени, чтобы натянуть поводья прежде, чем они въехали в стену копий. Их вичарувалы вылетели из их рук, когда лошади наделись на копыта, оторвались от земли из-за их наклона, сломав передние силой своего удара – но за ними было еще больше, и вошли они еще глубже. Всадники вылетели из седел в гущу зеленых копий. Более легкий из двоих повис в пяти футах от земли. Более тяжелый поломал копыта и упал на землю спиной рядом с Кипом.

Долгий, тупой момент Кип не понимал, что произошло. Он услышал крик с моста:

– Извлекатель! Зеленый извлекатель! – Он посмотрел на свои руки. Светящаяся зелень медленно стекала с кончиков его окровавленных пальцев – того же цвета, что и трава, и копыта. Все его костяшки, запястья были в порезах, под ногтями тоже была кровь, словно что-то, вырываясь наружу, порвало его кожу. Воздух наполнял запах смолы и кедра.

Кип чувствовал дурноту. Кто-то ругался тихо и отчаянно. Он обернулся.

Это был солдат, истекавший кровью рядом с ним. Кип не

понимал, как тот еще жив. Его тело пронзили четыре копьа, но теперь они исчезали, сгибаясь под собственным весом, мерцая, словно на каком-то тонком уровне они испарялись и превращались в ничто. Солдат втянул воздух. От движения два пронзивших его грудь копьа шевельнулись. Солдат заскулил и выругался, и копьа медленно исчезли, оставив только известково-зеленый порошок, смешивавшийся с его кровью. Несмотря на бармицу, закрывшую его лицо наискосок, Кип видел его блестящие карие глаза, полные слез.

Несколько мгновений Кип ощущал связь. Зелень была едина – рост, неистовство, целостность. Но она ускользала из его пальцев, большие зеленые копьа гнулись, как увядающие цветы, и он снова ощутил себя одиноким. Испуганным. Малорослый всадник, повисший над землей, грянулся оземь, звякнув кольчугой. Копья мерцали, растворялись и разлетались на ветру, как прах.

Кип услышал скулеж. Это был более крупный всадник, который продолжал ругаться. Он сделал глубокий вдох и внезапно закашлялся, кровь брызнула сквозь кольчугу на его лице. Он перевернулся на живот, и кровь хлынула из-под его разбитого шлема.

Кип отвернулся, посмотрел на мост. Королевские солдаты ушли. Кип мог только догадываться, что они подумали, будто какой-то опытный извлекатель пришел спасти его. Может, подождут до ночи и придут за ним, или, может, у них свой извлекатель есть в лагере. В любом случае Кипу нужно было

скорее уносить ноги.

Он повернулся на ватных коленях. Пальцы его саднило, разум был полон горя и опустошения. Он похромал к апельсиновой роще.

Глава 9

Гэвин Гайл пролетел мимо аудиторий и казарм, понимая, что немало народу бросится к окнам посмотреть, что будет дальше. Вообще-то это был первый день обучения извлечению новичков, так что он, наверное, был совершенным примером для начального урока, который только мог дать любой магистр.

Магистр зажег бы свечу и велел бы ученикам комментировать, что происходит. Это всегда давало магистрам изобилие возможностей выбрать растерянных детей, которые непременно сказали бы – «она горит». «Но что ты подразумеваешь под словом “гореть”?» – «Ну, горит?» В конечном счете смысл в том, что любой огонь начинается с чего-то осязаемого и не оставляет после себя почти ничего осязаемого.

Когда свеча сгорает, куда девается фитиль? Он переходит в силу, которую мы знаем как свет и тепло, оставляя некий остаток – более-менее зависящий от того, как горела свеча.

Магия была противоположным. Она начиналась с силы – света или тепла, – и выражение ее было всегда физическим. Ты делаешь люксин. Ты можешь коснуться его, подержать – или быть удерживаемым им.

На полпути вниз Гэвин создал синий купол и страховку из холодной голубизны неба и добавил немного зелени для

гибкости. Купол с хлопком развернулся и замедлил его падение. Когда он был в нескольких шагах от земли, он выпустил вниз несколько взрывных волн субкрасного, что достаточно его замедлило, чтобы он легко приземлился на улице. Купол рассыпался синей пылью и зеленым прахом, испуская запах смолы, мела и кедра. Он зашагал к докам.

Он нашел ее через несколько минут – она сама только что приехала, через плечо была перекинута котомка. Она переделалась из униформы Черной Гвардии, но по-прежнему была в брюках. Каррис надевала платье только раз в год, на Бал Люксократов, поскольку это требовалось. Она также выкрасила свои волосы в почти черный цвет, чтобы не так выделяться в Тирее.

Конечно, невозможно было не выделяться с такими глазами, подобными изумрудному небу, усыпанному рубиновыми звездами. Каррис была красно-зеленым бихромом – почти полихромом. Это «почти» она ненавидела всю жизнь. Ее красная дуга уходила в субкрасный настолько далеко, что она могла извлекать огонь, но она не могла извлекать стабильный субкрасный люксин. Она провалила экзамен. Дважды. Не имело значения, что она могла извлечь больше субкрасного, чем большинство субкрасных извлекателей, или то, что она была самым быстрым извлекателем, которых когда-либо встречал Гэвин. Она не была полихромом.

Но с другой стороны, полихромы были слишком ценными, чтобы разрешать им вступать в Черную Гвардию.

– Каррис! – позвал Гэвин, догоняя ее.

Она остановилась, поджидая его с озадаченным видом.

– Владыка Призма, – вместо приветствия сказала она, всегда соблюдая этикет на людях. Она явно до сих пор не прочла то письмо.

Он приноровился к ее шагу.

– Значит, – сказал он, – Тирея?

– Жопа всех Семи Сатрапий, – ответила она.

Пять лет, пять великих целей, Гэвин. Он ставил перед собой цели с тех пор, как стал Призмой, как фокус и отвлечение от мыслей. Семь целей на каждый семилетний срок. И первая была – рассказать Каррис всю правду. Правду, которая может разрушить все. Что я сделал. Почему. И почему я разорвал нашу помолвку пятнадцать лет назад.

И за это ты будешь вечно гнить в этой синей темнице, братец.

– Важная миссия, – сказал он.

Она пожала плечами:

– И как это важные миссии не заводили меня еще в Рутгар или Кровавый Лес?

Он хмыкнул. Рутгар был самым цивилизованным и процветающим государством Семи Сатрапий, и, конечно, будучи зеленым извлекателем, Каррис не могла не испытывать сильного влечения к Зеленым равнинам. А вот Кровавый Лес был местом, откуда происходил ее народ, и среди сосен она с юных лет не бродила.

– Почему бы тебе тогда не сократить поездку? Я бы мог доставить тебя туда.

– В Тирею? Это же на той стороне моря!

– Это по дороге к тому цветодею, с которым мне надо разобраться. – И мне может больше не подвернуться случая побыть рядом с тобой.

Она нахмурилась:

– Похоже, там в последнее время что-то много цветодеев.

– Всегда кажется, что их в последнее время много. Помнишь прошлое лето, когда появилось шесть за шесть дней, а потом ни одного за три месяца?

– Ну да. А какой? – спросила она. Как большинство извлекателей, она испытывала особую ненависть к цветодеям своего цвета.

– Синий.

– А. Догадываюсь, что вы разберетесь с ним. – Каррис знала об особенной ненависти Гэвина к синим лучедеям. – Минутку, вы охотитесь за синим цветодеем... в Тирее? – спросила она, поворачиваясь к нему, чтобы посмотреть на него своими призрачными зелеными глазами с красными искорками.

– На самом деле в окрестностях Ру, – прокашлялся он.

Она рассмеялась. В тридцать два года на ее лице появились лишь еле заметные морщинки – как ни печально, скорее мимические линии, чем следы улыбки, но ямочки на щеках были все те же. Это было нечестно. После стольких лет зна-

комства женская красота не должна попадать прямо в сердце мужчины и стискивать его до остановки дыхания. Тем более если она никогда не достанется ему.

– Тирея в тысяче лиг от Ру!

– Да ладно. В лучшем случае двести. Если ты перестанешь тратить дневные часы, споря со мной, я мог бы доставить тебя туда до заката.

– Гэвин, это невозможно. Даже для тебя. Но даже если бы и было возможно, я не могла бы просить тебя...

– И не надо. Я сам вызвался. Скажи мне, ты предпочла бы торчать две недели на корвете? Сегодня ясно, но ты же знаешь, как налетают эти штормы. Я слышал, что во время твоего последнего плавания ты так позеленела, что могла бы извлекать прямо из своей кожи.

– Гэвин...

– Важная миссия, не так ли? – спросил он.

– Белая убьет тебя за это. Она назвала твоим именем язву. В буквальном смысле.

– Я Призма. Это дает некоторые преимущества. И я люблю греблю.

– Ты невозможен, – сдалась она.

– У всех нас есть свои маленькие таланты.

Глава 10

Кипа разбудил запах апельсинов и дыма. Было все еще жарко, вечернее солнце проникало сквозь листву и щекотало его лицо. Он каким-то образом сумел добраться до одной из апельсиновых рощ, перед тем как потерял сознание. Кип посмотрел вдоль длинных ровных рядов в поисках солдат, прежде чем встать. Голова все еще была тяжелая, но запах дыма вытеснил все мысли о нем самом.

Когда он подошел к краю рощи, смрад усилился. Кип увидел вспышки света вдалеке. Он выбрался из рощи и увидел садящееся за помещьем алькадесы солнце, это было самое высокое здание в Ректоне. Пока он смотрел, цвет солнца перешел из красивого темно-красного в более темный, злобный. Затем Кип снова увидел свет – огонь. Густой дым внезапно поднялся в небо и, словно по сигналу, взметнулся вверх в десятке мест по городу. За какие-то мгновения дым расцвел в бушующие над крышами пожары.

Кип услышал вопли. В апельсиновой роще лежала древняя статуя. Горожане называли ее Разбитым человеком. Большая часть ее исчезла за века после падения, но голова по большей части сохранилась.

Кто-то давным-давно вырезал ступеньки на разбитой шее. Голова была достаточно высокой, чтобы наблюдать восход солнца над апельсиновыми деревьями. Любимое место для

парочек. Кип взобрался по ступенькам.

Город был в огне. Сотни пехотинцев окружили поселение широким свободным кругом. Когда огонь выгнал каких-то жителей из укрытий, конники короля Гарадула приготовили копья.

Это были старая хозяйка Дельклара и шестеро ее сыновей, каменотесов. Самый здоровенный, Микаель, тащил ее на могучем плече. Он что-то кричал остальным, но Кип не мог разобрать слов. Братья вместе побежали к реке, видимо, надеясь спастись там.

Им не суждено было туда добраться.

Всадники опустили копья, пустившись галопом шагах в тридцати от бегущей семьи.

– Давай! – крикнул Микаель. Со своего места Кип услышал это. Пятеро братьев упали наземь. Зало замешкался. Копье пронзило ему спину и швырнуло наземь. Двое других были заколоты, когда солдаты быстро сменили цель и настигли их у самой земли. Преследователь Микаеля тоже опустил копье, но промахнулся. Копье вонзилось в землю и застряло.

Всадник не успел выпустить оружие и вылетел из седла. Микаель подбежал к солдату и вырвал у него вичарувал. Дико размахнувшись, он почти снес ему голову, несмотря на кольчужное прикрытие.

Но остальные всадники успели натянуть поводья, и через секунду лес сверкающей стали заслонила от Кипа Микаеля, его брата и мать.

Кип почувствовал, что его сейчас вывернет. По какому-то сигналу, которого он не видел и не слышал, всадники отошли назад, построились и помчались к новым жертвам вдалеке. Кип был рад, что находится слишком далеко, чтобы узнать их.

В останки города входила пехота.

Мама! Кип несколько минут наблюдал за пожаром без единой мысли в голове. Его мать была там.

Он должен добраться до нее.

И как он войдет в город? Даже если он пройдет мимо солдат и сквозь пожары, будет ли его мать все еще жива? Люди короля были и в том направлении, откуда он убежал. Они подумают, что «извлекатель», которого они видели раньше, единственная угроза во всей округе. Конечно, они станут его искать. Может, уже ищут.

Если так, торчать на самой высокой точке в апельсиновой роще вряд ли разумно.

И, словно по сигналу, Кип услышал хруст ветки. Может, олень. В конце концов, наступает вечер. В апельсиновых рощах всегда полно оленей после...

Менее чем в тридцати шагах от него кто-то ругнулся.

Говорящий олень?

Кип упал на живот. Он не мог вздохнуть. Не мог шевельнуться.

Они идут убить его. Прямо как они убили Дельклара. Микаэль Дельклара был крупным мужиком. Крепким как ста-

рый дуб. И они его убили.

Двигайся, Кип, просто двигайся. Сердце колотилось в груди. Его трясло. Он коротко дышал, слишком быстро. Спокойно, Кип. Дыши. Он сделал глубокий вдох и оторвал взгляд от своих дрожащих рук.

Неподалеку отсюда была пещера. Как-то раз Кип нашел там мать, после того как она пропадала три дня. Слухи о пещерах контрабандистов в округе ходили давно, и каждый раз, как у матери кончалась «дурь» и деньги, она шла их искать. Около двух лет назад ей наконец повезло, и она нашла достаточно травы, чтобы не прийти домой. Когда Кип добрался до нее, она уже несколько дней не ела. Почти умирала. Он слышал, как кто-то сказал, что лучше бы она померла ради его блага.

Спустившись с обзорной точки, Кип потрусил прочь, стараясь оставить между собой и тем, кого он услышал, каменную голову. Он бежал почти так же быстро, как побежал бы Сансон, таща на спине другого Сансона. Кип бежал, стараясь ступать тихо, петляя из стороны в сторону по ровным рядам деревьев. И тут он услышал звук, от которого у него кровь застыла в жилах, – собачий лай.

Подстегиваемый страхом, Кип помчался сломя голову. Он не обращал внимания на боль в ноге, на колотье в боку. Он уже направлялся к реке – пещера была на берегу. Кип слышал ругань и крики солдат, может, в двух сотнях шагов за ним, может, меньше.

– Держите собак! Или хотите напороться на цветодея, пока еще светло?

С каждой минутой становилось темнее. Значит, вот почему он все еще жив. Когда темнота скрадывает все цвета, извлекатели вовсе не так сильны. А между полосой дыма и краем клубящихся темных облаков темнело быстрее обычного. Ели бы они спустили собак, они уже достигли бы его. Но когда так быстро темнеет, они, наверное, думают, что безопаснее будет спустить их позже.

Внезапно Кип оказался на берегу. Он наступил на штанину и чуть не упал, едва успев опереться на руку. Остановился. Пещера была выше по течению, вдали от города, не более чем в двух сотнях шагов. Он подобрал два камня, хорошо легшие в ладонь. В пещере он будет прикрыт со спины и боков и сможет... Что? Умереть не так скоро?

Он посмотрел на камни в руке. Камни. Против солдат и боевых псов. Дурак. Чокнутый. Он снова посмотрел на камни, затем бросил один на другой берег реки, ниже по течению. Второй забросил дальше. Затем схватил еще два, потерял их о себя и забросил как мог далеко. Последний сломал ветку ивы. Паршивый бросок.

Некогда сетовать. Запах Кипа уже шел вверх по реке – туда, куда ему надо было попасть. Остается только надеяться. Это была отчаянная попытка, но больше ничего не оставалось. Он продолжал двигаться вверх по течению вдоль берега, стараясь не прислушиваться к приближающемуся лаю со-

бак. Затем он вошел в реку, осторожно, чтобы не дать одежде коснуться сухих камней. Там, где он вошел в воду, река делала изгиб, и вскоре он исчез из виду.

– Спускай собак! – крикнул тот же самый голос.

Кип был уже напротив входа в пещеру. С реки ее не было видно за валунами, лежавшими перед входом.

Но как только он выйдет из реки, он оставит собакам запах, а солдатам – мокрые следы на камнях. Он не мог выйти из воды. Пока не мог. Он поднял голову к темным облакам.

Не болтайте здесь без толку. Дайте мне дождя!

– В чем загвоздка? Что с ними не так? – крикнул солдат.

– Это боевые псы, сударь, не охотничьи. Я даже не уверен, что они взяли след извлекателя.

Кип прошел вверх по течению еще сотню шагов до места, где русло снова выпрямлялось, а на берегу лежало поваленное дерево, погружаясь в воду. С запахом тут ничего не поделать, но мокрые следы оно скроет. Он рванул к берегу и остановился.

Если он пойдет вниз по реке, он приблизится к тем, кто за ним охотится. Но Кипу дало некоторую надежду то, что солдат упомянул другие следы. Другие следы – то есть другие свежие следы. И если бы не собаки, то пещера была бы самым безопасным местом, чтобы пересидеть ночь.

Сглотнув, чтобы сердце не выскочило из глотки, Кип повернул вниз по течению, к пещере. Он ощутил холодок на коже. Дождь? Он посмотрел на тучи, но, наверное, это было

просто воображение. Он подошел к месту над входом в пещеру.

Почти прямо под ним стояли двое солдат. Еще два на противоположном берегу. На каждой стороне было по боевому псу. Голова каждого легко достигала плеча Кипа. Оба были в кожаной броне вроде конской, но без седла.

Кип упал на землю.

– Позвольте сказать, сударь, – сказал один солдат. Видимо, получив разрешение, продолжил: – Извлекатель побежал прямо к реке, затем резко свернул вверх по течению прежде, чем войти в реку? Он знает, что мы идем за ним. Я думаю, он вернулся назад и пошел вниз по течению.

– Когда мы на хвосте? – спросил командир.

– Он не мог не услышать собак.

Это заставило Кипа вспомнить еще кое о чем: псы могут взять след по воздуху, не только по земле. У Кипа перехватило глотку. Он даже не подумал о ветре. Он дул с юго-запада. Путь вел его на восток и потом на север, когда река повернула – туда, куда надо. Если бы он пошел вниз по течению, к городу, собаки тотчас учуяли бы его. Если бы командир подумал об этом, он бы тоже это понял.

– Дождь надвигается. У нас только одна попытка. – Командир помолчал. – Быстро. – Он свистнул и жестом велел людям на той стороне реки идти вниз по течению. Они пустились бегом.

У Кипа снова забилося сердце. Он сполз по берегу к двум

большим валунам. Между ними был узкий проход. Казалось, что через четыре шага он упирается в тупик, но Кип знал, что проход резко поворачивает. Он никогда бы его не нашел в прошлый раз, если бы оттуда не сочился едкий, прилипчивый запах дымка. Оролам знает, как его мать обнаружила это место.

Но даже зная, что он на месте, Кип не мог набраться духу, чтобы протиснуться между валунами. Что-то было не так. Не так темно, как должно было бы. Снаружи стояла ночь, Кип загораживал проход, так что внутри кто-то был и у него был светильник.

Кип снова застыл, пока не услышал, как боевые псы залаляли иначе. Они нашли камни, которые он перекинул через реку. Значит, очень скоро они обнаружат его обман. Тьма и теснота душили его. Надо было двигаться, туда или сюда.

Он протиснулся за угол и попал в пещеру контрабандистов. В слабом свете светильника он увидел две сидящие фигуры: Сансона и свою мать. Оба были в крови.

Глава 11

Кип не смог удержаться от вскрика. Его мать сидела, привалившись к стене пещеры, ее некогда синее платье было черно-красным, испачканным запекшейся и свежей кровью. Темные волосы Лины, тоже слипшиеся от крови, казались темнее обычного. Правая сторона ее лица была девственно-чистой и прекрасной. Вся кровь натекала с левой стороны ее головы, сползая по волосам жгутами и расцветая на ее платье. Сансон сидел рядом с ней, закрыв глаза и запрокинув голову, одежда его была почти так же окровавлена.

Веки его матери затрепетали в ответ на его крик. На боку ее головы была чудовищная вмятина. Оролам милосердный, ей проломили череп. Она несколько мгновений смотрела на него, прежде чем осознала его присутствие. В ее глаза было страшно смотреть – левый зрачок был расширен, правый сжался до булавоочной головки.

– Кип, – сказала она. – Я и не думала, что буду так рада увидеть тебя.

– Я тоже люблю тебя, мам, – ответил он, стараясь говорить беспечно.

– Моя вина, – сказала она. Веки ее задрожали и закрылись. У Кипа сердце замерло. Она умерла? До нынешнего дня он никогда не видел чужой смерти. Оролам, это его мать! Он глянул на Сансона, который казался в порядке, несмотря на

кровь на его одежде.

– Я попытался, Кип. Алькадеса не стала слушать. Я рассказал ей...

– Даже его собственная семья не поверила ему, – сказала мать Кипа, не открывая глаз. – Даже когда конники догнали его мать и распороли живот его брату, Адан Марта стояла и говорила, что сатрап никогда не сделает такого со своими людьми. Только Сансон спасся. И кто бы мог подумать, что он самый умный в семье?

– Мама! Хватит! – по-детски проскулил Кип.

– Но ты ведь вернулся, Сансон? Попытался спасти меня, в отличие от моего сына. Плохо, что он не попытался помочь мне так, как ты пытался помочь своей семье, может, тогда у меня был бы шанс.

Ее слова затронули в нем источник гнева. Мощный и неуправляемый. Он взял себя в руки, проглотил слезы.

– Мать. Прекрати. Ты умираешь.

– Сансон говорит, что ты теперь извлекатель. Забавно, – с горечью сказала она. – Всю жизнь ты не оправдывал моих ожиданий, а сегодня вдруг научился извлекать. Слишком поздно для всех нас. – Она с усилием сделала вдох, затем открыла глаза и уставилась на Кипа. Сфокусировалась не сразу. – Убей его, Кип. Убей этого ублюдка. – Она протянула ему узкий ларчик из резного палисандра длиной с локоть, лежавший на полу пещеры рядом с ней. Кип никогда прежде его не видел.

Кип взял ларчик и открыл. В нем лежал кинжал – обоюдоострый, из странного материала, ослепительно белый, как слоновая кость, с черной полосой, идущей по центру от рукояти до острия, без каких-либо украшений, кроме семи алмазов, вделанных в сам клинок. Кип ничего в жизни красивее не видел, и ему было все равно. Он не знал, что думать о ценности кинжала, но один ларчик стоил не меньше месячного запаса «дури» для матери.

– Мам, что это?

– А мне казалось, что это Сансон тугодум, – сказала она жестко, глумливо, умирающе, испуганно. – Вонзи это в его гнилое сердце. Пусть ублюдок страдает. Пусть заплатит за это.

– Мам, ты что говоришь? – в отчаянии спросил Кип. – Чтоб я убил короля Гарадула?

Она рассмеялась, и от движения по ее лицу потекла свежая струя крови.

– Ты тупой, глупый мальчишка, Кип. Но, может, тупой клинок сделает то, чего не смог острый. – Голова ее дернулась. Дыхание стало затрудненным. Она уронила голову на грудь, и Кип подумал, что она умерла, но глаза ее снова открылись, сфокусировался лишь один, пригвоздив Кипа к месту яростным взглядом. Ее ногти больно впились в руку Кипа. – Ступай, обучись на извлекателя, иди в... – Похоже, она искала слово «Хромерия» и не находила его. Она заметила это, яростная, испуганная. Это означало, что она действи-

тельно умирает. – Научись всему, что нужно, но не забывай обо мне. Не забудь этого. Не слушай его, ты понимаешь? Он лгун. Не подведи меня, Кип. Обучись. А затем убей его, ты понял?

– Да, мама. – Она говорила так, словно знала короля Градула. Откуда?

– Кип, если ты хоть немного любил меня, отомсти. Поклянись мне в этом своей никчемной душой, Кип. Поклянись, или, клянусь Ороламом, я буду преследовать тебя. Я не... дам...

Она потеряла мысль.

Кип глянул на Сансона, который в ужасе молча пялился на них.

Ногти матери еще глубже впились в руку Кипа, ее зрячий глаз почти полыхал, требуя его внимания, его обещания. Он сказал:

– Мама, всей душой моей клянусь отомстить за тебя.

Подобие умиротворенности осенило ее лицо, смягчив заострившиеся черты. Затем она тихо рассмеялась, удовлетворенная, и в смехе ее слышалась жестокость – а потом замолкла. Ее рука выпустила руку Кипа, оставив на ней кровавые следы.

– Я не подведу тебя, мама, я пойду прямо в...

Она умерла.

Кип тупо смотрел на нее в необъяснимом оцепенении. Закрыв ее жуткие, налитые кровью глаза.

– Ты не ранен? – спросил Кип.

– А? – ответил Сансон. – Я?

Кип уставился на него.

– Нет, гений, я с покойником говорю. – Это было жестоко, бездушно.

На глаза Сансона навернулись слезы.

– Прости, Кип, я пытался спасти ее. Я опоздал. – Он был на грани срыва.

Кип вел себя как скотина.

– Нет, Сансон. Это я должен извиниться. Не говори так. Это не твоя вина. Послушай. Сейчас нам надо действовать, а не думать. Мы в опасности. Ты не ранен?

Глаза Сансона просияли, он поднял голову, встретил взгляд Кипа.

– Нет, эта кровь не... нет, я в порядке.

– Тогда нам надо уходить прямо сейчас, пока темно и дождь. У них собаки. Они могут выследить нас. Это наш единственный шанс.

– Но, Кип, куда нам идти? – Странно. Вот так запросто Кип стал главным. В нем открылся новый источник силы или просто Сансон был настолько слаб? Нет, даже не думай так, Кип. Он доверяет тебе. Разве этого не достаточно?

А если я не достоин доверия?

– Я собираюсь стать извлекателем, – сказал Кип, – наверное. Значит, надо идти к морю. В Гарристане найдем корабль до Хромерии.

У Сансона глаза на лоб полезли, он явно подумал о клятве, которую взяла с Кипа его мать, но сказал только:

– А как мы до Гарристана-то доберемся?

– Сначала поплывем по реке. – Кип осознал, что потерял кошелек, который дал ему мастер Данавис. Он даже не помнил когда. Так что даже если они спустятся по реке, они не смогут оплатить дорогу до Хромерии.

– Кип, солдаты окружили весь город. Если они все еще там, нам дважды придется пересекать оцепление. А город все еще горит. Река может быть перекрыта.

Сансон был прав, и почему-то это внезапно взбесило Кипа. Он спохватился. Сансон не был в этом виноват. На глаза Кипа навернулись горячие слезы. Все было безнадежно. Он быстро заморгал.

– Я понимаю, что это глупо, Сансон. – Он не мог посмотреть другу в глаза. – Но других идей у меня нет. А у тебя?

Сансон долго молчал.

– Я видел мертвое дерево на берегу, может пригодиться, – сказал он наконец, и Кип понял, что так друг показывает, что доверяет ему.

– Тогда пошли, – сказал Кип.

– Кип, ты не хочешь... попрощаться? – Сансон кивнул на мать Кипа.

Кип сглотнул, сжимая ларец до белых костяшек.

И что мне сказать? Что мне жаль, что я твоя неудача и разочарование? Что я любил тебя, хотя ты меня не любила?

– Нет, – сказал он. – Пошли.

Глава 12

Мальчики выбрались из пещеры. Кип первым. Наверное, такова цена лидерства. Кип стоял под этими же звездами на реке десятки раз, но сегодня в холодном воздухе висела жажда. Ветер сменил направление, и теперь запах легкого моросящего дождика, раскрывавшего лоно земли, мешался с дымом и слабым свежим ароматом спеющих апельсинов. Раньше этот запах всегда будоражил Кипа. Сегодня он был слабым, эфемерным и призрачным, как и шансы Кипа.

Они добрались до края реки, не увидев ни единого солдата. Они и прежде сплавлялись по реке, ради плавучести все вчетвером вцепившись в деревяшку, но по большей части лежали на спине и позволяли течению нести их. Но они всегда ждали до поздней осени, когда уровень воды спадал. И даже тогда они бывали все в царапинах и синяках от камней. Сейчас была середина лета, и хотя вода стояла ниже, чем весной, она все равно была высокой и быстрой. Это означало, что они смогут проплыть над камнями, о которые ободрались бы осенью, но их куда крепче приложит о те камни, от которых не удастся увернуться.

Сансон нашел палки, которые видел прежде, пока Кип тревожно ждал, высматривая в темноте солдат ниже по течению. Облака над городком пылали оранжевым от горящих внизу пожаров. Сансон вернулся с несколькими сучьями, ко-

торых было недостаточно для них двоих. Мальчики переглянулись.

– Бери их, – шепнул Кип. – Я лучше тебя плаваю.

– А что нам делать, если нас увидят? – спросил Сансон.

Кип почти утратил мужество, подумав об этом. А что они могли сделать? Убежать? Уплыть? Ну доберутся они до берега, и куда пойдут? Город горит, а вокруг одни поля. Конники, да еще с собаками, вмиг найдут Кипа с Сансоном.

– Прикинемся мертвыми, – сказал Кип. – В конце концов, мы будем не единственными трупами в воде. Вообще, это было не так – так высоко по течению в реке не должно быть других тел. Если кто из солдат это поймет, мальчики быстро станут настоящими трупами.

Вода была холодной даже так далеко от гор, но не ледяной. Кип лег в воду, и течение повлекло его к городу. Сансон последовал за ним. Их вынесло на первый изгиб и понесло к точке, где Кип впервые спустился к реке. И тут он увидел брешь в своем плане.

Притворяться трупами означало, что на самых опасных участках реки, где им больше всего понадобятся глаза и уши, чтобы понять, не обнаружили ли их, им придется держать уши под водой, а глаза устремлять в небо. Если мальчиков заметят, то они сами поймут это слишком поздно.

Надо было выбираться из воды. Он не мог этого сделать. Кип оглянулся. Сансон уже лежал на спине, расслабившись. Его тащило к другому берегу реки, и течение уже несло его

более легкое тело вровень с Кипом.

У Кипа колотилось сердце. Если он сейчас вылезет, Сансон об этом не узнает.

Кип не мог схватить своего друга, не наделав шума, так что всполошил бы всех в сотне шагов в округе.

С берега из тьмы раздался голос:

– Да, ваше величество. Мы думаем, что извлекатель взобрался по тому дереву. Собаки отследили его дотуда, а потом потеряли след.

Кип заметил факел первым. Кто-то приближался к берегу, не более чем в пяти шагах вниз по течению. Первая мысль – бежать сломя голову – погубила бы его. Он сделал пару гребков вниз по течению, затем лег на спину. Холодная вода заполнила его уши, приглушив все звуки, кроме отчаянно бьющегося сердца. Берег здесь был высотой в полтора шага, достаточно, чтобы даже лежа Кип мог увидеть этого человека. Он был не более чем в двух шагах, когда факел осветил своим мерцающим оранжевым светом властное лицо. В этом лице, даже подсвеченном теплым светом, было нечто глубинно-холодное, и неприятная ухмылка таилась в уголках его губ. Королю – Кип за эти полсекунды даже не усомнился, что это был король Гарадул – еще не было тридцати, но он уже наполовину облысел, оставшиеся волосы были зачесаны назад и падали на плечи. У него был крупный нос над тонкой безупречной бородкой и густые черные брови. Король смотрел вверх по реке на противоположный берег,

откуда отправился Кип. Жилка на его лбу была видна даже в свете факела. Его сердитый вопрос едва слышался, как бормотание, сквозь шум воды в ушах Кипа.

Затем король повернулся как раз в тот момент, как Кипа начало относить вниз по течению. И он повернулся влево, к Кипу. Кип не шевельнул ни единым мускулом, но не потому, что был слишком хитер. Он ощутил теплоту в воде между ног.

Мальчиков спасло то, что между женщиной и Кипом был факел. Его взгляд прошел прямо над ними, но, ослепленный светом во тьме, король ничего не заметил. Он обернулся, что-то пробормотал и исчез.

Кип плыл по течению, запрокинув голову, почти не веря, что остался жив. Вокруг него вода была холодной, звезды казались крошечными дырочками в плаще Оролама. Они были красивее, чем он прежде осознавал. Каждая звезда имела свой цвет, свой оттенок; яркие рубины, ослепительные сапфиры и даже изменчивые изумруды. Шагов двадцать Кип проплыл в полной умиротворенности, поглощенный этой красотой.

Затем он ударился о камень. Сначала зацепился ногой и его развернуло так, что он поплыл в сторону. Затем другой камень, почти весь скрытый водой, зацепил его за рубашку и перевернул на живот. Он ойкнул и забил руками, оцепенев от ужаса, когда его голова вынырнула наверх и он понял, насколько это было громко.

Чуть ниже по реке Сансон высунул голову из воды и в ужасе глядел на него. Как Кип мог наделать столько шума? Кип со стыдом огляделся. Они целую минуту плыли молча, глядя во тьму и высматривая солдат. Как могли, избегали камней, направляли ноги вниз по течению и подгрребали руками, чтобы держаться на плаву. Но никого не было.

Они плыли рядом, насколько могли, хотя Кип понимал, что это неразумно. Два тела, плывущие отдельно, это нормально, но два бок о бок? И все же он не отдалялся. Молчание охватывало мальчиков, пока они все ближе подплывали к мосту, где утром погибли их друзья. Казалось, это было так давно. А затем Кип увидел на берегу ее. Солдаты, убившие Изу, выдернули стрелы из ее тела. Но они лишь перевернули ее, и все. Она лежала на спине, раскрыв глаза, повернув голову к Кипу, ее темные волосы колыхались в воде. Одна рука была закинута за голову, не качаясь в потоке, а застыв, как поваленное дерево. Внутренняя часть ее руки и даже ее лицо были ужасающего лилового цвета от пролитой крови.

Кип поставил ногу на скользкий подводный камень, чтобы подойти к ней. Он уже был готов встать, когда какое-то шестое чувство остановило его. Он помедлил и, все еще лежа в воде, огляделся как мог.

Да! На мосту стоял на страже солдат. Была видна лишь его голова. Значит, они не дураки. Они поняли, что, кем бы ни был тот извлекатель, на которого они напоролись раньше, у него хватит порядочности вернуться и похоронить друзей.

Поток тянул Кипа вниз. Верного решения не было.

Но что он мог сделать? Схватиться с солдатами? Если там был один, могло быть и десять, а где десять – там и сотня. Кип не был бойцом, он был ребенком. Толстым, слабым. Ему и одного солдата хватит.

Кип отвернулся от трупа Изы и снова лег на спину в воду. Он не хотел запоминать ее такой. В горле его набухал комок, такой жесткий и тугой, что грозил удушить его. И лишь страх перед солдатом наверху не дал ему расплакаться, пока он проплывал под Зеленым мостом.

Он даже не думал о кинжале в резном ларчике, привязанном к его спине, пока они не оказались ниже по течению. Он мог бы попытаться; он мог хотя бы выйти из воды и посмотреть на нее. Иза заслуживала большего. Вскоре они вплыли в город, где река текла в более узком и глубоком канале, по обе стороны выложенном камнем и пересекаемом крепкими деревянными мостами.

Местами город еще горел, хотя Кип не знал, из-за того ли, что там дома были построены не из столь горючих материалов, или потому, что по каким-то участкам огонь распространялся медленнее и только-только добрался до некоторых домов. Вскоре они натолкнулись на первый труп. Конский. Он был все еще впряжен в телегу, полную поздних апельсинов. Телега застряла в той части города, которая еще тлела. Обезумев от огня, кобыла прыгнула в воду. Телега последовала за ней, сломала ей спину или утопила, рассыпав

повсюду апельсины.

Кип подумал, что это могут быть лошадь и телега семейства Сендина. Сансон, который никогда не был сентиментален, схватил несколько апельсинов и распихал по карманам.

Вероятно, он был прав. Кип не ел целый день и до сих пор не замечал, что голоден. Несмотря на то что ему казалось, что его сейчас вырвет, он потянулся к полуутонувшей лошади и тоже схватил несколько апельсинов.

Они подплыли к водяному рынку. Становилось жарче.

Кип слышал странные крики. Впереди еще бушевали пожары. Водяной рынок представлял собой маленькое круглое озеро, которое регулярно чистили, чтобы поддерживать ровную глубину. Говорили, что когда-то и река, и город были намного больше. Река вроде бы была судоходной ниже водопадов до самого Лазурного моря, а потом от Ректона вплоть до гор, и по ней приезжали торговцы со всех Семи Сатрапий за знаменитыми тирейскими апельсинами и прочими цитрусовыми. Сейчас только маленькие плоскодонки могли пройти вниз по реке, и многочисленные разбойники с радостью избавляли торговцев от всего ценного, что заставляло большинство фермеров отправлять свои апельсины более медленным путем – хорошо охраняемыми и гораздо менее прибыльными караванами. Но даже самые маленькие, твердые и толстокорые апельсины, отправляемые караванами по суше, сгнивали задолго до того, как успевали достичь далеких дворов, где знать и сатрапы платили целое состояние за этот

деликатес. Так что почти каждый год какой-нибудь молодой фермер пытался прорваться по реке – и порой им удавалось добраться до Гарристана и вернуться домой с полным кошельком – если они умудрялись не попасться разбойникам по дороге домой.

Но в целом та торговля, ради которой был построен этот рынок, давно заглохла. Горожане содержали его ради гордости и для личных целей. В любом случае, все дороги уже сходились к водному рынку, вокруг были построены склады, так что теперь в них хранились баржи, которые плавали кругами каждый базарный день согласно правилам и этикету, которых чужаку было не понять. В середине водного рынка находился островок, связанный с северной стороной разводным мостом.

Когда они оказались неподалеку от острова, Кип увидел, откуда слышались крики. Мост был опущен, а сам остров был забит животными, отрезанными огнем. Даже мост, прогибавшийся под весом десятков лошадей, овец, свиней и шевелящимся ковром крыс, дымился с одной стороны. Выпучив от ужаса глаза, тягловая лошадь кирпичника была готова броситься вперед, хотя куда – невозможно было понять. Животные переполняли остров; они забили весь маленький его круг и весь мост.

Кип был настолько поглощен зрелищем, что выплыл на середину реки между причалами и островом.

– Мастер, здесь так жарко, – услышал Кип молодой голос

наверху и позади.

Кип задергался и обернулся. На высоком берегу рыночного круга стоял молодой человек чуть старше Кипа. Он был только в красной набедренной повязке. Его кудрявые черные волосы и обнаженная грудь блестели от пота. Он оглядывался через плечо, вероятно на человека у себя за спиной. Кип не мог разглядеть его, но ждать не собирался. Он подумал, что они могли слышать его, когда он бил руками по воде, но, вероятно, рев пожара поглотил звуки.

Дав знак Сансону, Кип поплыл к стене, Сансон следом. Мастер молодого человека что-то сказал, но ответ потонул в шуме. Кип и Сансон припали к стене, прижавшись к ней всем телом, и посмотрели вверх.

– Смотри, – услышали они мужской голос. Огненная петля пролетела у них над головами и взметнулась вперед. Она захлестнула одну из опор моста и обвилась вокруг нее. Одна часть петли вспыхнула и исчезла, но другая осталась, дымясь, язычки пламени заплясали на дереве, щепки чернели и, тлея, отгибались.

Кип был одновременно испуган до смерти и поглощен зрелищем. За все годы, пока он помогал мастеру Данавису, извлекатель никогда не делал такого.

– Теперь попробуй ты, – сказал мужчина.

Мгновение ничего не происходило. Кип глянул на Сансона. Оба они распластались по стене, раскинув руки, чтобы держаться за камень и не плыть по воде. У Кипа внезап-

но возникло ощущение, что их заметили. Этот извлекатель знает, где они; он позвал ученика, лишь чтобы Кип и Сансон оставались на месте. Они сейчас их обходят. Надо плыть, прямо сейчас, как можно быстрее.

Он попытался дышать глубже, подавляя свой страх. Сансон ответил ему взглядом – он был встревожен, но не понимал, что думает Кип.

Затем у них над головами прошло колесо огня. Животные на мосту и островке завопили разными голосами. Колесо развернулось, превратившись в бич, похожий на тот, что мастер-извлекатель выпустил минуту назад, но намного, намного больше. Это тот юноша сделал?

Бич щелкнул, но не по опоре моста.

Он громко затрещал и попал по боку тяжеловозу. Обезумев от боли и страха, старая лошадь бросилась вперед. Кип услышал смех юноши, когда лошадь влетела прямо в перила моста. Перила треснули. Несколько свиней и тонкорунных овец упали в воду. Тяжеловоз пытался остановиться, внезапно увидев провал, но его копыта лишь мгновение скребли по дереву, прежде чем он головой вперед полетел в воду. Сансона и Кипа обдало брызгами.

– Это что было? Что я велел тебе сделать? – рявкнул мастер-извлекатель.

Кип быстро перевел взгляд от животных в воде на мост. Опора начала разгораться. Как только огонь охватит мост, животные взбесятся, как этот конь. Кип не думал, что сам

мост займется быстро, но уверенности не было.

Если они с Сансоном хотят выбраться с водного рынка и из горящего города, быстрее всего будет проплыть под этим перегруженным мостом и прямо через водопад вниз по течению. Иначе придется долго плыть вдоль круглого озера, на глазах у извлекателя и его ученика. Куда бы они ни двинулись, в какой-то момент они окажутся на виду.

Из упавших в воду животных только конь был хорошим пловцом. Он пробирался на другую сторону водяного рынка, подальше от юноши и огня. Овцы блеяли, бешено молотят короткими ножками. Свиньи визжали, бросаясь друг на друга.

Над головами у мальчиков раздался звук увесистой оплехи и вопль боли.

– Не смей никогда нарушать мои приказы, Зимун! Понял?

Извлекатель продолжал орать, но Кип уже не слушал. Извлекатели отвлеклись друг на друга. Сейчас или никогда. Кип сделал несколько коротких вдохов, кивнул Сансону – вид у того был безумный, – оттолкнулся от стены и поплыл к мосту.

Глава 13

Гэвин изобразил синюю платформу, едва видимую на фоне воды, по которой она плыла.

– Ты это сделал, чтобы я занервничала, да? – спросила Каррис.

Гэвин ухмыльнулся и ступил на весло. Он протянул руку Каррис и слегка поклонился. Она не приняла его руки и прыгнула на борт.

Он приподнял киль, когда она приземлилась, так что ялик вывернулся у нее из-под ног. Она ахнула – и он поймал ее на подушку мягкого зеленого люксина, который быстро преобразовался в сиденье. Он поднял сиденье и поместил его на носу ялика, затем перебросил их багаж себе под ноги.

– Гэвин, я не сяду, пока ты... – Она попыталась устоять, а он бросил ялик вперед. Поскольку держаться было не за что, она упала в кресло, снова вскрикнув. Гэвин рассмеялся. Каррис была одним из лучших воинов Хромерии – и все равно визжала от неожиданности.

Она обернулась и метнула на него взгляд, одновременно рассерженный и изумленный.

– Мне казалось, что тебе понравится, если за тобой будут ухаживать, – сказал он.

– У тебя уже была возможность это сделать, – ответила она.

Его улыбка разбилась и канула в воду, как и многие другие сокровища.

– Гэвин, я... – встревоженно сказала Каррис.

– Нет, я это заслужил. Прошу, передвинься вперед и встань.

Шестнадцать лет. Должны были уже проехать. И ведь пытались.

– Спасибо, – сказала она, но голос ее был полон раскаяния. Она встала, широко расставив ноги и чуть согнув колени.

Ялик несли вперед ряды маленьких весел, торчащих по обе стороны. За многие поколения исследований зеленые и синие извлекатели поняли, как использовать зубчатые передачи, колеса и цепи для движения весел. Каждый извлекатель приспособлял их к своему телу, чтобы он мог двигать ими при любой комбинации движений ног и рук, какие были ему предпочтительны, и регулировал так, чтобы достичь большей эффективности. Поскольку трение суденышка о воду было малым, атлетически развитый извлекатель мог двигаться со скоростью бегуна в течение часа. Это было быстро. Очень быстро. Но совсем не так быстро, как обещал Гэвин. И все же он наклонился вперед в люксиновой сетке, двигая руками и ногами. Он вытянул и сузил ялик так, что он превратился в кинжал над поверхностью воды. Покинув гавань, они разогнались до полной скорости.

Гэвин исходил по2том, но это было хорошее, чистое ощу-

щение. Ветер дул ему в лицо, унося слова, которые могли бы сказать друг другу он и Каррис, а без слов оставалось лишь ее присутствие, ее темные волосы, бьющиеся на соленом ветру, чеканные черты ее лица, румяная от утреннего света кожа, поднятый подбородок – она наслаждалась свободой не меньше, чем он.

Каррис смотрела вперед, так что не видела, как он перекачивает горсти люксина в воду. Гэвин всегда думал, что есть способ получше. В конце концов, извлекатель может швырять огненные шары на любой скорости, все зависит лишь от его воли – если он бросит что-то слишком большое или слишком быстро, он, конечно, может повредить себе отдачей – но ялики двигались не волей. Они были совершенными судами, которые использовали мускульную силу более эффективно, чем любая другая машина. Гэвин хотел сделать лучше – он хотел использовать магию так, как парус использует ветер.

Это привело лишь к тому, что у него валилась одна-две мачты. Но он отказывался сдаваться. Это была одна из его семи целей на оставшиеся семь лет жизни: научиться путешествовать быстрее, чем считается возможным. Это решение пришло к нему, еще когда он был ребенком и стрелял горохом из тростниковой трубочки в братьев. Воздух, зажатый между затычкой и стенками трубки, мог выстрелить горошиной с гораздо большей силой, чем если просто попытаться бросить ее рукой. После долгих проб и ошибок он по-

местил открытую с обоих концов трубку под воду. Другую трубку он присоединил диагонально и резко выбрасывал заряды магии в воду и через заднюю часть тростинок.

Он позволил веслам упасть, и весь механизм исчез с едва заметным всплеском, люксин рассеялся, как только он коснулся воды. Он положил руки на рычаги.

После первого толчка Каррис шатнуло. Она присела поглубже, чтобы опустить свой центр тяжести, и ее рука инстинктивно рванулась к ятагану – только вот он был в ее багаже. Затем ялик рванул вперед. Первые сильные рывки сотрясли все, пока Гэвин пытался набрать скорость, напрягая мускулы. Но через несколько мгновений ялик выпрямился, и напряжение в руках и плечах Гэвина несколько ослабло. Заряды магии равномерно ударялись о воду – шлеп-шлеп-шлеп. Этот модифицированный ялик – который он называл амфибией – едва касался воды.

Однако физическое усилие оставалось необходимым. Гэвин выбрасывал большое количество силы в воду, и его руки и плечи поднимали в целом его вес и вес Каррис. Но магию можно извлекать из всего тела, так что это было все равно что нести тяжелый тук с лямками, наилучшим образом распределявшими вес – тяжело, но не смертельно. И все же последний год он проделывал это каждый день, и его руки и плечи окрепли сильнее, чем за всю жизнь.

Каррис обернулась. У нее в буквальном смысле отвисла челюсть. Она взирала на все сооружение, на горсти синего

люксина, придававшего гибкости зеленому, с супергибким липким красным там, где заряды влетали в трубки, чтобы те не лопнули. Она медленно выпрямилась, наклонившись навстречу ветру, прижавшись спиной к Гэвину, чтобы не создавать дополнительной парусности.

Он ощутил ее дрожь и понял, что она смеется от удовольствия, хотя едва слышал ее смех. Ветер сдувал аромат ее волос, но на миг он представил, что может снова его ощущать. Ему стало больно.

– Смотри! – крикнул он. Вдалеке появился остров. Он наклонился, и амфибия резко повернула к нему. Он быстро осознал, что амфибия способна маневрировать куда быстрее, чем он. Реальным ограничением была его способность быстро менять направление, чтобы не порваться пополам. Он наклонился вправо, потом влево, выписывая красивые зигзаги на спокойной глади моря. Гэвин наклонил трубки вниз, и амфибия перепрыгнула одну из волн повыше, и они внезапно взлетели в воздух.

Они пролетели более ста шагов в тишине, не считая шума ветра, прямо над островком. Затем приземлились, как брошенный по воде камешек, и снова взлетели.

На скорости, среди ветра, рядом с Каррис Гэвин наконец снова ощутил себя свободным. Несмотря на теплый день, ветер был холодным, и если уж Каррис не совсем зарылась в него, она все же позволила своему телу расслабиться рядом с ним, благодаря за его тепло. Если она слишком замерзнет,

она вытянет субкрасный, но он берег ее силы.

Она не знала, что ждет ее в Тирее.

И потому он – хотя бы отчасти – придал сладости этому моменту. Она прочтет письмо Белой и узнает, что он заделал другой женщине ребенка, когда они были помолвлены. Хотя сейчас она не выказывала интереса к его любовным отношениям, был вопрос, который она задала, когда он разорвал их связь: это из-за другой женщины? Нет. У тебя была другая женщина, пока мы были помолвлены? Нет, клянусь.

На сей раз Каррис его не простит. У нее много лет ушло, чтобы простить его за разрыв помолвки и отказ дать объяснения.

Но вот это уже предательство.

Оролам, как же ему не хватает ее.

Он избегал торговых путей и держался вдали от берега. Около полудня он заметил впереди облака. Это не было похоже на шторм, так что он догадался, что это остров сатрапии Илита. Страна множества портов и еще большего числа пиратов. Центральное правительство пало несколько десятилетий назад, и теперь осколками управляли самые сильные на этот момент пиратские главари. Большинство Семи Сатрапий платили дань тому или иному пиратскому вожаку, обогащая их и побуждая пиратствовать еще больше.

Гэвин их не боялся, но и не хотел, чтобы его заметили.

Хотя было бы хорошо, чтобы у пиратов был еще один повод бояться Хромерии. Однако он предпочитал держать свое

маленькое изобретение в тайне как можно дольше. Кроме того, Илита была ему нужна только в качестве ориентира. С астролябией было много возни, и пока Гэвин будет высчитывать их местоположение, он рискует обогнуть нужную точку прежде, чем найдет ее. Гарристон стоял в устье большой реки. Это был самый оживленный порт в Тирее, но это мало что говорило. Он повернул на юг.

Каррис что-то сказала ему, но он не расслышал и замедлил амфибию.

– Можно мне тоже попробовать? – спросила она.

– Я думал, ты бережешь силы.

– Не тебе же одному вся забава. – Поскольку он стоял у нее за спиной, он не мог видеть всей ее улыбки, но заметил ямочку на щеке и поднятую бровь. Он расширил обшивку амфибии так, чтобы они могли стоять рядом, и передал ей направляющую правого борта. Каррис всегда предпочитала извлекать с правой руки.

Поначалу они не попадали в такт, и суденышко тряслось и корежилось, когда они бросали заряды с разной скоростью и невпопад. Гэвин посмотрел на нее, но прежде, чем он успел сказать что-нибудь, она взяла правой рукой его левую руку. Каррис сжала его ладонь так, чтобы он двигался с ней в такт, как бывало в танцах.

Эти воспоминания обрушились на него, как если бы амфибия зацепила риф и сбросила его в море: Каррис, пятнадцати лет от роду, до войны, на ежегодном Балу Люксокра-

тов наверху Хромерии. У нее светлые прямые длинные волосы, гладкие и блестящие, как ее зеленое шелковое платье. Их отцы обсуждают, кто из братьев Гайл женится на ней. Гэвин, старший и, вероятно, новая Призма, конечно, предпочтительнее. Его отцу, Андроссу Гайлу, наплевать на красоту Каррис.

– Хочешь красотку? Для этого есть любовницы.

Но хотя ему было наплевать и на предпочтения мальчиков – союзы следует покупать как можно дешевле, и свадьба старшего самый ценный козырь, который надо разыграть, – Андросс Гайл прекрасно знал, что остальные семьи не столь расчетливы. Некоторые отцы не желали выдавать своих дочерей за мужчин, которым они безразличны. Андросс Гайл велел младшему, Дазену, соблазнить Каррис.

– Этажом ниже есть комната для слуг. Вот ключ. Через двадцать минут после того, как ты уйдешь с ней, я найду повод поговорить наедине с ее отцом, и мы спустимся. Надеюсь застать вас врасплох. Я буду изумлен, ошеломлен, взбешен. Скорее всего я тебя ударю. Но что тут поделать? Страсть, юность и так далее. Ты понял?

Оба брата понимали. Люксократ Риссим Белый Дуб был известен своей вспыльчивостью. Андросс Гайл ударит Дазена первым и встанет между ними так, чтобы Белый Дуб Дазена не убил. Но на самом деле смысл был в том, чтобы Каррис застали с Дазеном, и у ее отца не осталось выбора. И чтобы не опозорить род Белый Дуб, Каррис быстренько вы-

дадут замуж за Дазена. Семьи вступят в союз, и у Андросса Гайла останется для дальнейшей игры тот самый козырь в виде старшего сына.

– Гэвин. Будь милым с девушкой, но не провоцируй ее. Если твой брат подведет семью в этом деле, тебе придется на ней жениться.

– Да, господин.

Но тут начался бал. Гэвин первым танцевал с Каррис, и тут случилось самое худшее, что только могло. Обнимая ее хрупкую фигурку, держа ее руку, сжимавшую его ладонь в такт, и глядя в ее нефритовые глаза – тогда в ее радужке были лишь еле заметные красные искорки, – Гэвин попал под ее чары. Когда настало время танца Дазена, Гэвин влюбился. Или воспылал страстью.

Я предал Каррис еще до нашей встречи.

Каррис стиснула его руку крепче прежнего. Он огляделся. В ее глазах был вопрос. Наверное, он напрягся, и Каррис уловила это. Она всегда была очень чувствительна. Она всегда обнимала, или гладила, или касалась тех, кого любила. Танцевать было для нее столь же естественно, как и ходить. Теперь касаться Гэвина стало для нее редкостью.

Он улыбнулся как ни в чем не бывало и покачал головой. Пустяк.

Каррис открыла было рот, помедлила.

– Сделай трубы больше! – крикнула она и рассмеялась, чуть напряженно. Вымученно.

Значит, она помнила тот танец, когда она пожимала ему руку в такт.

Конечно. Но она не напирала на это, и он был благодарен. Он расширил трубы, насколько им было под силу управлять, и вскоре они летели быстрее, чем он когда-либо сумел бы в одиночку. Гэвин не намеревался показывать ей свой очередной трюк, но не смог удержаться. Он знал, что это доставит ей настоящую радость. И что за удовольствие быть гением, если тебя никто не оценит? Он отпустил руку Каррис. Этот момент был опаснее всего. На такой скорости влететь во что-нибудь преднамеренно было идиотизмом. Но все же...

– Держись! – воскликнул он. Выбросив правый кулак вперед, Гэвин швырнул перед ними зеленый люксин так далеко, как мог. Он с плеском опустился на волны. Мгновением позже амфибия налетела на зеленый люксиновый трамплин.

В тот же миг они взлетели в воздух и полетели в двадцати шагах над волнами.

Гэвин отпустил все устройство из трубок и направил силу вниз. Люксин платформы подбросил под спину их с Каррис и ударил из его рук. Теперь они падали с пятнадцати шагов над волнами, и даже если бы они ударились о них на такой скорости, они скорее заскользили бы, чем плюхнулись в воду, но все равно они падали. Люксин соткался из всех цветов, пытаясь сформироваться, невзирая на порывистый ветер.

Десять шагов до волн. Пять. На этой скорости врезаться

в воду будет все равно что удариться о гранит.

Затем люксин затвердел в своей форме, похожей на крылья кондора, когда Гэвин сумел с ним справиться. Крылья подхватили ветер, и Гэвин с Каррис взмыли в небо.

Когда Гэвин впервые попробовал такое, он пытался управлять каждым крылом одной рукой. Он понял, почему у птиц полые, почти невесомые кости. Подъем чуть не оторвал ему руки. Он вернулся мокрый, в синяках и злой, почти все его грудные и плечевые мышцы были надорваны. Но сделав кондора единым целым, он вообще избавился от необходимости применять мускульную силу. Вся конструкция летала благодаря прочности и гибкости люксина, скорости и ветру.

Конечно, она не совсем летала. Она скользила. Он пытался использовать трубки, но пока это не работало. Пока у кондора был ограниченный радиус.

Карис не жаловалась. Она была ошеломлена.

– Гэвин! Оролам, Гэвин, мы летим! – Она беззаботно расмеялась. Ему всегда нравилось в ней это. Ее смех был свободой для них обоих. Она забыла о том танце. Это того стоило.

– Иди в середину, – сказал он. Ему не нужно было кричать. Они были полностью в теле кондора. Здесь не было ветра. – Мне не очень удается поворот, обычно я кренюсь в ту или другую сторону. – Действительно, поскольку он был тяжелее, они уже поворачивались в его сторону. Вместе они налегали на ее сторону, пока кондор не выпрямился.

– Белая ведь не знает об этом, верно? – спросила Каррис.

– Только ты, – сказал он. – Кроме того...

– Никто не может извлекать так, как для этого нужно, – закончила за него Каррис.

– Галиб и Таркиан, вероятно, единственные полихромы, которые могли бы управиться со всеми необходимыми цветами, но оба недостаточно быстры. Если я смогу все это упростить для других извлекателей, я, может, и скажу ей.

– Может?

– Я все думал, куда это применить. По большей части для войны. Семь Сатрапий уже грызутся за немногих оставшихся полихромов. Это усугубило бы ситуацию стократно.

– Это Гарристон? – вдруг сказала она, глядя на северо-запад.

– Уже? На самом деле вопрос состоит в том, желаешь ли ты разбиться о землю или сесть на воду, – сказал Гэвин.

– Разбиться?

– Я пока не слишком хорошо приземляюсь, а с добавочным весом...

– Минуточку! – сказала Каррис.

– И к тому же я еще не пробовал летать с ламантином на борту. Я лишь...

– Ты сравниваешь меня с морской коровой? – По сравнению с ее взглядом лед был горячим.

– Нет! Просто весь этот дополнительный вес... – Ну что ты будешь делать, попав в задницу? Ох. – Ну... – Он про-

кашлялся.

Она внезапно улыбнулась, и на ее щеках возникли ямочки.

– После всех этих лет, Гэвин, я все еще могу достать тебя. – Она рассмеялась.

Он тоже невесело рассмеялся, но боль засела глубоко.

А я до сих пор не могу достать тебя.

Может, она была бы счастлива с Дазеном.

Глава 14

Кипу показалось, что он сто лет добирался до опоры моста. Он остановился, оглянулся на извлекателей, когда Сансон поравнялся с ним. Мастер по-прежнему избивал ученика, который свернулся клубком и вопил. Они определенно не видели ни Кипа, ни Сансона, но они стояли к ним лицом, и если бы подняли взгляд, то мальчикам было не спрятаться даже за опорой моста.

Мост заскрежетал, и Кип посмотрел вверх. Противоположная опора, на острове, полыхала, и животные толкались и падали с него, но они были слишком испуганы, чтобы бежать назад, в город, который тоже горел. Из-за этого они наваливались на перила, как раз над головой у мальчиков – и падали в дыру, проломленную лошадь, всего в нескольких шагах слева от них.

С полдюжину крыс шлепнулись в воду, выпихнутые другими животными. Все они бросились плыть в разных направлениях, а некоторые прямо на мальчиков.

У Кипа свело желудок от подсознательного ужаса. Нелепо, что он оцепенел от вида пары крыс, не испугавшись извлекателей, но он ненавидел крыс. Ненависть-ненависть-ненависть. Сансон дернул его за рукав, оттаскивая в сторону. Кип отпустил опору, нелепо зашлепал по воде. Обернулся, чтобы удостовериться, что ни одна из крыс не зацепилась за

его одежду. Взгляд его метнулся к ученику, Зимуну, который лежал, обхватив голову руками, пока мастер бил его. Но затем Зимун напрягся. Он что-то выкрикнул и встал, и его мастер перестал бить его. Кип впервые хорошо рассмотрел юношу. Он был в лучшем случае на год старше Кипа, с буйными черными волосами, темными глазами и широким пухлым ртом, сложившимся в триумфальную усмешку. В тот самый миг, как Кип увидел его, кожа Зимуна и его мастера уже шла красным, завитками вроде вдыхаемого дыма, который уплотнялся, пока не заполнил их тела.

Кип повернулся и поплыл так быстро, как мог. Перед водопадом была металлическая перегородка, не дававшая судам попасть туда, док и ступени рядом с ним. Сансон уже был у перегородки, более чем в десяти шагах впереди Кипа.

После еще нескольких сильных гребков Кип обернулся. Мост и столпившиеся животные закрывали от него двух извлекателей, но в этот момент мастер сделал несколько быстрых шагов вперед.

Он подскочил, раскинул руки и хлопнул в ладоши. Мерцающий шар красного люксина сформировался между его рук и рванулся вперед, когда он соединил ладони. Извлекателя отшвырнуло назад отдачей от приложенной силы, но он все же приземлился на ноги.

Шар вспыхнул в полете, как раз перед тем, как врезаться в животных на мосту. Овцы, лошади и свиньи брызнули во всех направлениях, во все стороны полетели клочья тел.

Дикие вопли, почти человеческие, заполнили воздух. Горящий снаряд снес перила и вырвал кусок из середины самого моста, а затем прошел над головой Кипа с огненным воем и разнес деревянные ступени над доком. Кип не думал, что извлекатель промахнулся и на миг решил, что тот пытается загнать их в ловушку.

Мост затрещал, и животных шатнуло к прогибающейся середине.

Теперь вперед выбежал Зимун. Он хлопал красными ладонями, но на сей раз Кип даже не увидел люксинового шара – он был нацелен не в него. Сначала Зимун упал, отброшенный отдачей, а в следующее мгновение взорвался весь мост.

Пламя, кровь и вращающиеся в небе клочья тел. Большая горящая секция моста полетела на Кипа, заслонив обзор. Она с шипением и оглушительным плеском упала в воду рядом с ним.

Когда Кип снова смог видеть, его прижало к металлической перегородке перед водопадом, вокруг него плавали обломки дерева, некоторые еще горели, один кусок моста медленно тонул, и сотни крыс, некоторые обгоревшие до угля, другие раненые, третьи просто мокрые, но все, кто был жив, отчаянно пытались выбраться из воды. Более крупных животных выбросило взрывом не так далеко, но они плыли, бились, брыкались в воде, кусались от страха и боли.

– Кип! Перелезай! Мы почти выбрались! – крикнул Сансон. Он был уже по ту сторону металлической перегородки.

– Стоять! – крикнул старший извлекатель. По его коже уже шли красные завитки. – Стой, не то следующий тебе в башку полетит!

Кип вцепился в перегородку, но в этот момент ощутил, как маленькие коготки взбираются по его ногам, по спине. Он замер.

Крысы. Сначала одна или две, потом десятки.

Он крепко зажмурился, когда ощутил, что коготки карабкаются по его шее, а затем взбираются на голову. Его тело стало мостом – единственным путем из воды, – и крысы хлынули по нему.

За несколько мгновений крыс стало не полдесятка, а сотни.

Мышцы Кипа застыли. Он не мог пошевелиться. Не мог думать. Не мог дышать. Не смел даже открыть глаза. Крысы были в его волосах. Крыса упала ему за открытый ворот и вцепилась в грудь. Крысы бежали по его рукам.

– Давай, Кип! Или погибнешь! – кричал Сансон.

Внезапно Кип вышел из тела. Он почти тонул, город горел, почти все, кого он знал, были мертвы, два извлекателя пытаются его убить, а его волнуют крысы. Пока он висит тут, вцепившись в перегородку, извлекатели готовят смертельный удар, а он так испуган, что не может пошевелиться. Смешно. Жалко.

Чья-то рука схватила его. Он резко открыл глаза. Сансон. Сансон перебрался назад через решетку и отгонял крыс, что-

бы помочь Кипу перелезть. Кип встряхнулся, как пес, стряхнул нескольких крыс, но осталось еще много. Все еще перепуганный, он начал перебираться через решетку.

Он перебросил ногу через верх решетки, но не мог подтянуться. Он был слишком тяжел. Крыса упала в его штанину и начала карабкаться по голой коже.

Сансон сгрел Кипа за одежду обеими руками и с натужным криком потянул его. Кип подтянулся еще раз и ощутил, что его тело поднимается, поднимается – и, наконец, переваливается через решетку. Он рухнул в воду по другую сторону.

Течение тут же подхватило его. Когда он вынырнул, Сансон что-то кричал, но Кип даже не смог разобрать слов. Он сунул руку в штаны, вытащил извивающуюся крысу и отшвырнул ее.

Затем он оказался в водопаде. Поперек над водопадом шли планки, раньше городские сорвиголовы забегали на них и прыгали в водопад. Кипу было поздно пытаться сделать что-то вроде этого. Стоило поискать участки, где вода была не так глубока. Кип отчаянно крутанулся, когда его ноги зацепились за подводный камень. Сила течения толкнула его вперед, он встал на камень на корточки, размахивая руками, чтобы выпрямиться. Озерцо у основания водопада было довольно глубоким, но если не прыгнуть достаточно далеко, он разобьется о камни.

Он прыгнул, как мог. К его удивлению, он действительно

полетел туда, куда намеревался. На миг он ощутил полную свободу. Спокойствие. Рев водопада поглощал все звуки, все мысли. Он был прекрасен. Каким-то образом они с Сансоном плыли по реке всю ночь, и теперь солнце только начало показываться над горизонтом, разгоняя полуночную черноту и превращая ее в темно-синий, льдисто-голубой до розового и оранжевого, подсвечивая облака ореолом.

Затем Кип осознал, как быстро он падает. Его тело летело под углом к быстро приближающейся воде внизу. Из наблюдений за прыгунами в воду он знал, что ему надо лететь либо ногами, либо вытянутыми руками вперед, иначе он сильно ударится.

Головой вперед никак не выйдет, потому он изогнулся и замахал руками.

Что бы он ни сделал, это было совсем не то, или, может, его уже переворачивало вперед, поскольку он оказался параллельно воде. Он плюхнется животом, причем со страшной высоты. Это может убить его.

Но не только это – он падал вместе с водой, а все ныряльщики, которых он видел, прыгали за ее пределы. Вода всегда разбивалась о камни внизу.

У него даже не было времени выругаться прежде, чем камень сильно ударил его по ноге. Он раскинул руки – входя в воду головой вперед с ощущением, что кто-то только что стукнул его по макушке доской. Ему словно оторвали руки. И он забыл глотнуть воздуха, прежде чем ударился о воду.

Кип успел открыть глаза под водой, чтобы заметить, как что-то большое упало рядом с ним, подняв облако пузырьков. Сансон!

Сансон вошел в воду ногами вперед, но его перевернуло от удара, так что он оказался вверх ногами. На какое-то мгновение его оглушило, он не шевелился, затем его глаза открылись, но смотрел он мимо Кипа. Явно сбитый с толку после падения, Сансон начал плыть вниз.

Кип схватил его за ногу, чтобы привлечь его внимание.

Но Сансон был в панике. Он отбивался и лягнул Кипа в нос. Кип заорал – и увидел, как остатки воздуха устремляются из его легких к поверхности.

Сансон обернулся, увидел Кипа, увидел, куда поднимаются пузырьки, а потом увидел кровь в темной воде. Он схватил Кипа, и оба поплыли к поверхности.

Кип едва сумел вынырнуть. Он глотал воздух, воду и кровь и выкашливал их. Он снова закашлялся, потом его вырвало. Сансон вцепился ему в руку.

– Кип, помоги мне! Надо выбраться на берег прежде, чем попадем в стремнину.

Это привело Кипа в чувство. В пятидесяти шагах от глубокого озера, куда падал водопад, начиналась череда порогов, таких крутых, что они были почти как водопады. И течение уже ускорялось. С больной ногой, раскалывающейся головой и кровоточащим носом он поплыл за Сансоном.

Они добрались до берега с промежутком в десять шагов.

Мальчишки выползли на траву и, еле живые, стали осматривать свои повреждения. Сансон был цел, но вид у него был сконфуженный.

– Прости, Кип. То есть за нос и все такое. Никогда не любил плавать. Всегда думал, что в глубине какая-то тварь меня вниз утянет.

Зажав кровоточащий нос, Кип посмотрел на друга.

– Ты бде жиздь спас, – сказал он. – Ты бде даже дос де слобал. – Кипа больше беспокоила ушибленная нога. Он расшнуровал башмак и стянул и его, и носок. Нога болела, на подъеме было несколько солидных царапин, но, пощупав лодыжку, он решил, что ничего не сломано.

Он начал уже натягивать мокрый носок, что было трудно сделать, зажимая нос одной рукой.

– Не могу поверить, что мы... – начал Сансон.

– Выбрались? – спросил Кип. Он бросил попытки натянуть башмак одной рукой и теперь шмыгал носом, старясь не слишком забрызгаться кровью. Закончив завязывать узел, он понял, почему Сансон осекся. Их омывало резкое красное свечение.

Подняв взгляд, Кип увидел красный отблеск в небе над ними, отмечавший их местоположение для всех королевских солдат, которые были поблизости. Дымный след вел назад, к водопаду, над которым стояли два извлекателя, глядя на них.

Кип и Сансон сбежали от двух извлекателей. Теперь им предстояло убежать от остальной армии.

Кип вскочил на ноги, сильно хлопнув носом. Он подумал, что сейчас у него голова закружится от гипервентиляции. Затем он увидел всадника на гребне, огибавшем водопад до фермы семьи Сендина. Внезапно он забыл о разбитом носе. Всаднику придется делать крюк, но у него лошадь. Кипу и Сансону придется бежать по тропинке вдоль порогов и добраться до фермы прежде всадника.

Затем Кип увидел, как к первому всаднику присоединились еще двое. Потом еще и еще.

Они с Сансоном пустились бежать.

Водопад поднимал облако брызг днем и ночью, и темнота в долине задерживалась на несколько часов дольше. Когда свечение, замерцав, потухло, Кип потерял из виду и всадников, и тропинку.

Он в страхе остановился. Узкая тропа по обе стороны поросла широколиственными растениями, скользкими от брызг. Наступи на такое – и полетишь вниз с каменистого обрыва. А уж на порогах его размажет о камни.

Ему нужно было видеть. Он попытался смотреть, как учил его мастер Данавис, краем глаза. Сфокусированным зрением хорошо видно цвета, но периферийным зрением легче различать свет и тень.

– Быстрее! – крикнул Сансон.

Кип оглянулся через плечо. Лицо Сансона словно горело огнем. Кип попятился и зашатался на остром краю тропы.

Везде, где кожа Сансона была обнажена, она казалась го-

рячей. Кип даже мог видеть, как пар исходит от его рук оранжевыми завихрениями.

– Что у тебя с глазами? – спросил Сансон. – Не бери в голову. Вперед, Кип!

Сансон снова был прав. Не имело значения, что или как видел Кип. Он повернулся и пустился вперед. Каким-то образом происходящие чудеса вытеснили из его души страх. Растения освещали его путь словно факелы, даже чуть подсвечивали тропинку перед ним.

Все еще подтягивая одной рукой тяжелые мокрые штаны, Кип пустился быстро как мог, бесстрашно, невзирая на скользкую узкую тропку и манящую со всех сторон смерть.

В реке на порогах были трупы. Милый Оролам, трупы были на ферме Сендина, маленькие бугорки, почти такие же холодные, как окружающее. Дымящиеся обрушившиеся дома раскаленно светились перед глазами Кипа. Но важнее для него и Сансона было то, что он увидел плоскодонку на привязи возле мостков. Они с Сансоном пустились сломя голову по тропинке. Они забежали за поворот и в утреннем свете увидели три десятка конных Зерцал в боевом строю.

– Мы хотели взять тебя живьем, – сказал красный извлекатель. Кожа его была алой, в голосе звенела ярость. – Извлекатель такого потенциала не каждый день попадается. Но ты убил двух солдат короля Гарадугла и за это умрешь.

Глава 15

– Ты же не дашь нам разбиться, – сказала Каррис, когда Гэвин повел кондор над низкой растительностью пустыни.

– Ясное дело. Когда я лечу, мы летим, но если мы разобьемся, я тоже разобьюсь.

Гэвин накренил кондора вправо, чтобы их не было видно из Гарристана. Все равно оставался ненулевой шанс, что какой-нибудь фермер или рыбак их заметит, но кто поверит рыбаку, который скажет, что видел гигантского летящего птичеловека? А вот если их заметит целый город – другое дело. Гарристон, хотя и являлся самым важным портом Тиреи, был невелик. Залив был полон рыбы, земля была сухая и неплодная, рутгарский губернатор взяточник, его люди еще хуже.

Так было не всегда. До Войны Ложной Призмы здесь имела обширная система ирригационных каналов, от чего в пустыне все цвело и даже давало три урожая в год. Были шлюзы, через которые шла торговля с десятками маленьких городов вверх и вниз по течению Бурой реки. Но каналам и шлюзам требовались извлекатели для обслуживания. Без них земля иссохла, приняв кару за грехи мертвых людей.

– Гэвин, я серьезно. Мы что, правда разобьемся?

– Доверься мне, – сказал он.

Она открыла рот, потом закрыла. Она поняла, чего он не

сказал: ведь прежде все получалось удачно, не так ли?

– У тебя в сумке есть что-нибудь хрупкое? – спросил он.

– И как сильно мы грохнемся? – спросила она с осязаемой тревогой в голосе.

– Извини. Мне следовало подождать, пока мы не оказались бы ближе к земле.

– Эй, что это? – спросила Каррис.

Гэвин посмотрел на запад, следуя за ее взглядом, но не увидел того, что вызвало ее любопытство. Гарристон окружали равнины и сухая пахотная земля, но на западе местность быстро поднималась к высоким непроходимым горам, почти отвесно обрывавшимся в море. Бурая река была прямо по ту сторону гор. Если бы она могла впадать прямо в море – сквозь эти горы, – она была бы всего в десять лиг длинной. Вместо этого реке приходилось сворачивать на восток, к Гарристону, отделенному от океана горной стеной, делая крюк почти в сто пятьдесят лиг от истока до устья.

– Там, – показала Каррис, – дым.

Гэвин не был уверен, что черные клубы были чем-то большим, нежели воображение Каррис – а теперь и его собственное. Как бы то ни было, это было по ту сторону гор, так что не имело значения. Он открыл было рот, чтобы сказать об этом Каррис, когда кондор прошел над одним из предгорий. Мощный восходящий поток поднял их выше в воздух. У Гэвина захватило дух. Он экспериментировал с кондором только над водой. Он даже не подумал о том, как ландшафт,

над которым они скользят, может повлиять на воздух над ним. Теперь, когда он это испытал, он понял, почему так часто хищные птицы парят по спирали над одним и тем же местом. Гэвин думал, что там хорошие охотничьи угодья. Теперь он знал. Восходящие потоки.

– Мы можем перелететь через горы? – спросила Каррис.

С новой высоты – Гэвин глянул вниз, сглотнул и немедленно обернулся к горизонту – он уверенно мог сказать, что это дым. И поскольку он был виден так издалека, причины могли быть только две.

Пусть это будет лесной пожар. Пожалуйста, Оролам!

– Можем. Но тогда ты не встретишься с человеком, который должен доставить тебя к армии Гарадула. А я не смогу снова поднять кондора вверх без моря. Мне придется плыть всю дорогу вниз по реке.

– Гэвин, когда я вижу столько дыма, мне в голову приходит красный цветодей. Факел может выжечь весь город. Ты же идешь разобраться с цветодеем возле Ру? Эти люди не менее ценны, чем народ Ру. И раз уж зашла речь, то в Ру достаточно извлекателей, которые смогут вместе разделаться с синим цветодеем. А у этих людей никого нет.

Гэвин мысленно сравнил ландшафт внизу с картой Тиреи. Это оказалось на удивление просто, с учетом того, что он находился сейчас ближе к точке, с которой обычно рисуют карты, чем большинство людей. Он посмотрел на горы, на не то чтобы перевал и на положение дыма. Мысль порази-

ла его с большей силой, чем простая интуиция. Он здесь не случайно. Не по простому совпадению он оказался там, откуда смог увидеть огонь, и Каррис оказалась с ним. Это был не лесной пожар. И не красный цветодей.

Огонь поднимался над Ректоном. До войны это был красивый город. И там находился «сын» Гэвина. Гэвин знал это, хотя они были так далеко, что точно знать было невозможно. Если Оролам воистину существует, таково было его наказание для Гэвина. Или испытание.

Как бы там ни было, это выбор.

Осталось пять лет и пять великих свершений. И одно из них было действительно, считай, бескорыстным: освободить Гарристон, разрушенный из-за него. И все еще страдавший из-за него.

Если Гэвин направится в Ректон, ему придется столкнуться с той безумной бабой, Линой. Ему придется встретиться со своим сыном Кипом и сказать ему – извини, ты по-прежнему безотцовщина. Я понятия не имею, что несет твоя мать.

Несомненно, это получится прекрасно. Кроме того, они окажутся близко к армии Раска Гарадула, так что Каррис откроет письмо с приказом, и все быстро пойдет кувырком.

Гэвину всего-то нужно было сказать – у меня свои приказы, и Каррис поняла бы. Она всегда была исполнительницей. До неприличия.

Но ты не Каррис. Это не ее испытание.

Он открыл было рот, чтобы сказать это, и ощутил вкус

трусости. Он не мог выдавить слов сквозь стиснутые зубы.

– Давай посмотрим, – сказал Гэвин. Он накренил кондора и увидел, что принял решение как раз вовремя. Они чуть было не врезались в гору.

Каррис стиснула его руку, и глаза ее сверкнули, эти нефритовые глаза с россыпью красных алмазов. По какой-то причине ее радость ранила его глубже, чем любое разочарование. Эта радость была напоминанием о шестнадцати годах радости, которую он должен был бы ей дать. О годах украденной радости.

Он отвернулся. Горло перехватило.

Горы вздымались все выше, и Гэвин впервые осознал, как быстро они летят. Надежды на посадку на воду не было. Если восходящий поток вскоре их не подхватит, они с Каррис останутся большим кровавым плевком на склоне здешних гор.

Оролам, если тут вообще нет ветра, может, найдется хоть один, который подбросит нас вверх?

Он уже начал создавать красную подушку – безнадежно, поскольку какой большой он ее ни сделал бы, на этой скорости она окажется слишком маленькой, – когда их подхватил восходящий поток. Их понесло в небо, крылья кондора напрыглись.

Каррис восторженно заорала.

Сила была невероятной. Трудно было оценить, насколько быстро они поднимались, но Гэвин укоротил крылья кон-

дора, чтобы снять напряжение, и еще потому, что Ректон был не так далеко, чтобы им потребовалась большая высота. Чем выше они были, тем лучше их видели. Но это заставило его задуматься. С учетом всей той высоты, которую они могли получить от гор, радиус дальности его кондора был куда больше, чем он полагал.

Это была мысль на будущее. Сейчас проблема состояла в том, чтобы держаться как можно ниже, пока их не увидела вся Тирея и чтобы погасить хоть часть набранной ими чудовищной скорости. Он создал купол из того самого синего люксина, который использовал для прыжка с Хромерии. Он тут же раскрылся, швырнув их с Каррис вперед, затем почти так же быстро оторвался.

Когда они восстановили равновесие, Гэвин попытался еще раз. На сей раз зеленый и поменьше. Он закрепил купол на люксине кондора так, чтобы его не разорвало. Вроде как сработало. Они чуть замедлились.

Теперь они шли вниз на просто чудовой скорости. Гэвин пытался снова увеличить размах крыльев.

– Чем я могу помочь? – крикнула Каррис.

Гэвин выругался. Он едва начал экспериментировать с изменением крыльев кондора. Во время всех испытаний он просто наклонялся в одну или другую стороны и останавливался, прежде чем удариться о землю или воду. Застонав от напряжения, он поднял переднюю часть крыльев к небу.

Поднять вверх, чтобы взлететь вверх, верно?

Это было полнейшей ошибкой. Они резко пошли носом вниз. Когда он выровнял крылья, кондор продолжал нестись к земле. Хуже того, из-за внезапного рывка его ноги отделились от пола. У него не было рычага, надавив на который он мог бы манипулировать крыльями. Он швырнул люксин к потолку, чтобы заставить тело опуститься и начал закреплять ноги на полу, но эвкалиптовые деревья быстро надвигались. Он не успевал.

Затем его припечатало об пол. Кондор нырнул, резко опустился ниже деревьев, на луг, а потом начал подниматься. У него вряд ли получится.

Гэвин успел дотянуться до люксина, когда кондор проломился сквозь ветви. Синий люксин трескался и разлетелся бы, если бы он не ухватил его. В следующее мгновение он ничего не мог видеть, пока они проламывались сквозь деревья, затем снова взлетели в воздух. Вверх, все круче.

Наконец он посмотрел на Каррис. На ее коже краснота соперничала с зеленью. Она уперлась руками в потолок, и люксин тянулся полосами от ее рук до хвоста кондора. Она взяла контроль над хвостом. Он вспыхнул зеленым и изогнулся вверх. Она спасла им жизни, но глаза ее были закрыты от усилия, мускулы напряглись, чтобы удерживать хвост против силы ветра.

– Каррис, выровняй его! – крикнул Гэвин.

– Я пытаюсь!

– Ты уже слишком...

Затем их перевернуло вверх ногами, бросив в противоположном направлении. Рубашка Гэвина задралась ему на голову, и когда он убрал ее, они выровнялись – вверх брюхом.

– Теперь не выравнивай!

– Ты уж определись! – крикнула она. Она стояла на руках на потолке. Гэвин снова закрепил ее, и вдвоем они снова перевернули хвост и крылья. Оба рухнули на пол, когда огромная люксиновая птица снова выправилась, всего в двадцати шагах над кронами деревьев.

Гэвин свободно вздохнул впервые, как ему показалось, за много часов.

Он проверил кондора. Вроде ничего.

– Они видели нас? – спросила Каррис.

– Что? Кто? – Как она могла держать в голове столько вещей сразу?

– Они, – кивнула она.

Гэвин посмотрел в сторону Ректона. Сейчас они были всего в нескольких лигах к востоку от города, и он действительно горел. Весь. Это значит, что попался невероятно сильный красный цветодей или что-то совсем другое. И на это самое другое они сейчас смотрели. Вокруг города стояла лагерем небольшая армия. Это могли быть только солдаты Гарадула. Помилуй, Оролам.

– Нет, – сказал Гэвин. – Чтобы увидеть нас, им пришлось бы смотреть почти против солнца.

– Хм. Повезло, – сказала Каррис.

– Это, по-твоему, повезло? – сказал Гэвин.

– Что это? – перебила она.

Ниже города, там, где водопад переходил в пороги и Бурая река наконец успокаивалась, виднелась горстка домов. Почти деревня. Но все дома дымились. Перед несколькими Зерцалами короля Гарадуга стоял зеленый извлекатель, с кожей, налившейся силой.

– Это же ребенок! – вскричала Каррис. – Двое детей! Гэвин, мы должны их спасти.

– Я опущу нас так близко, как смогу. Выкатывайся, как только ударимся.

Они прошли в десяти шагах над каменистой равниной, кустарником и перекасти-полем. Гэвин выбросил маленький купол, чтобы еще раз замедлить кондора. Тот с хлопком раскрылся, но на сей раз они оба были готовы к рывку. Гэвин выбрасывал купола один за другим. Они замедлились быстрее, чем он ожидал. Кондор накренился носом к земле. Гэвин раскинул руки, разнеся судно на куски. Во время падения он облек Каррис и себя огромной подушкой оранжевого люксина, окаймленной оболочкой сегментированного гибкого зеленого с нутром из супертвердого желтого.

Они грянулись оземь, оранжевый и зеленый люксин замедлили их прежде, чем взорваться от силы удара. Желтый люксин сформировал более жесткий шар вокруг каждого из них.

Гэвин провалился сквозь какие-то кусты, отскакивая и пе-

река ты ваяясь еще раз пять, прежде чем желтый люксин треснул и бесцеремонно выплюнул его на землю. Он пошевелил пальцами рук и ног. Все работало. Он вскочил.

– Каррис?

Он услышал крик. Нехороший. Он побежал.

Каррис вскочила на ноги в двадцати шагах от него. Волосы ее были взъерошены, но очевидных ранений он не увидел. Он подошел к ней.

– Что это? – спросил он.

Она посмотрела под ноги. Там лежала гремучая змея длинной в размах рук Гэвина. Голова ее была пригвождена к земле кинжалом. Кинжалом Каррис.

Пока Гэвин стоял разинув рот, Каррис поставила ногу на голову змеи и вырвала кинжал – рукой, Оролам великий, не силой. Иногда Гэвин забывал, насколько крепкой была Каррис. Она вытерла кровь черным платком, который черные гвардейцы носили для этой цели – на черном не видно труднообъяснимых кровавых пятен. Она чуть дрожала, убирая платок, но Гэвин знал, что это не от страха или беспокойства. Телу нужно время переработать адреналин, выброшенный в момент угрозы неминуемой смерти. Каррис не винила его в том, что они чуть не убились. Она взяла свою суму и колчан, застегнула пояс с ятаганом вокруг тонкой талии, проверила, не поврежден ли клинок или ножны, и забросила суму за спину. Как будто внезапное испытание напомнило ей, кто она есть – и кем они не являются. Снова на земле, снова в

реальном мире.

– Извини, – сказал Гэвин. – Надо было идти к морю.

– Там могли быть акулы, – пожалала она плечами. – И я бы вымокла. – Она хмыкнула, но в глазах улыбки не было. Он не собирался докапываться до нее сейчас. Впереди ждала работа – а ее работа была опасна, она могла привести к войне, могла потребовать от нее убить или умереть. Она безжалостно отсекала все, что могло отвлечь ее.

– Каррис, – сказал он. – То, что в письме... это неправда. Вряд ли ты поймешь и даже поверишь мне, но я клянусь – это неправда.

Она жестко, загадочно глянула на него. Ее радужки были нефритово-зелеными, но искорки красного теперь были подобны ромбикам с лучами. Они вспыхивали. Так или иначе, Гэвин знал, что по причинам магическим или мирским, от люксина или от слез эти глаза скоро покраснеют.

– Спасем этих детей, – сказала она.

Каррис побежала, он за ней. Они зигзагом спустились с холма, поросшего эвкалиптами. Кора падала им под ноги, ветви хлестали их. Каррис бросилась к худенькому пареньку, оставив Гэвину того, который стоял перед красным извлекателем.

Но это не имело значения. Они не успевали.

Глава 16

До плоскодонки было слишком далеко бежать даже для Сансона. Кипа осенило холодное осознание – он умрет. Он был удивлен собственной реакцией. Никакой паники. Просто спокойная ярость. Тридцать элитных Зерцал в полном доспехе против ребенка. Опытный извлекатель против мальчишки, который только вчера впервые извлекал.

– Когда скажу, беги, – сказал Кип Сансону.

Краем глаза он уловил, как что-то промелькнуло над деревьями в ста шагах от них слева, но когда он посмотрел в ту сторону, там ничего не было. Он увидел, как переглядываются и вертят головой Зерцала, словно они тоже что-то увидели.

– Давай, Сансон. Беги. – Кип не сводил взгляда с извлекателя.

Сансон побежал.

Зерцала ждали, пока красный извлекатель не сделал повоенному короткий жест. С обеих сторон шеренги отделилось по Зерцалу, они объехали Кипа, вонзая шпоры в бока коней. Красный извлекатель выехал вперед один. Все, что пока делал при помощи магии Кип, было инстинктивным. Теперь ему надо было сделать что-то целенаправленно. Его заливал свет. Вокруг была зелень. Два Зерцала, объехавших его, не сводили с него глаз, но оба они устремились к Сан-

сону. Снова Кипа охватило бешенство, он ощутил, как кожа под его ногтями лопается и люксин течет ему в ладонь. В его руке образовался дротик. Он метнул его во всадника, ближнего к Сансону, но бросок вышел жалкий. Дротик пролетел шагов пятнадцать, меньше половины нужного расстояния.

Красный извлекатель рассмеялся. Кип не обращал на него внимания.

Кип видел, как другой красный извлекатель и его ученик Зимун бросали огненные шары. Их отбрасывало назад, когда они швыряли что-то с силой, но эта сила была не совсем физической. Кип представил, что магия течет из него, как это делали красные. Воздух перед ним замерцал, заискрился ослепительно зеленым, от цвета морской пены до мятного и хвои, принимая очертания копья.

Оно рванулось вперед, выбросив энергию. Кип словно выстрелил из перегруженного мушкета. Он упал на землю. Хуже – он промахнулся. Зеленое копьё прорезало воздух позади несущегося галопом Зеркала. Оно вонзилось в одну из уцелевших стен выгоревшего дома. Стена обрушилась в клубах пепла.

Кип встал на ноги, чтобы попытаться еще раз, но когда воздух начал мерцать зеленым, он уловил нечто красное краем глаза. Обернулся к красному извлекателю – слишком медленно. Что-то горячее взорвалось в его руках, разбив зеленый люксин, который накапливал Кип, и обожгло его.

Красный извлекатель шел к нему, спешившись, спокойно,

в его руках снова клубилась краснота. Кип поднял руки, как всегда, когда Рам угрожал побить его. На сей раз перед ним сформировался прозрачный зеленый щит, укрывая его с ног до головы и упираясь в землю. Красный извлекатель выбросил вперед палец. Вспыхнула искра, потянув за собой длинный красный хвост. Она ударила в щит Кипа, слабо загорелась, ее красный хвост втянулся назад в руку извлекателя. Кип запаниковал. Он держал щит лишь потому, что тот прилип к его рукам, покосившись в одну сторону. Гораздо больший красный снаряд с проревел со стороны красного извлекателя. Он пошел по следу хвоста к искре, чертя в воздухе дугу.

Кипа сбило с ног и отбросило назад на десять футов. Он ощутил, как треснул зеленый щит, словно его собственные кости.

Он успел приподняться из грязи как раз, чтобы увидеть, как один из преследовавших Сансона Зерцал поднял длинный, размашистый кавалерийский меч и нанес косой удар сверху вниз на скаку. Кип не мог видеть Сансона, но Зерцало придержал коня, а второй всадник перехватил копьё и жестко, с холодной профессиональностью, ткнул им вниз раз, другой.

Оба Зерцала расслабились как закончившие работу люди, и Кип понял, что Сансон мертв.

Он перекатился на бок. Красный извлекатель стоял над ним. Кип на миг удивился, насколько обыденно тот выгля-

дит. Длинное лицо, темные глаза, неровно подстриженные волосы, кривые зубы, обнаженные в усмешке. Он намеревался убить Кипа, но без эмоций. Просто у него был приказ. Прежде чем Кип успел еще раз набрать магии, извлекатель обездвижил его руки густой и липкой красной слизью. Кип не мог пошевелиться. Извлекатель еще раз поднял глаза в очках к солнцу, магия закружилась спиралью, как дым, наполняя его руки силой для смертельного удара. Темная индиговая точка появилась на его ухе, затем, когда его голова повернулась, переползла на висок, словно кто-то с фонарем в руке выпустил единственный луч откуда-то из леса и сфокусировал его прямо на...

Послышался рев, всего на долю секунды, словно Кип снова стоял под водопадом. Что-то огромное желтое врезалось в красного извлекателя так быстро и жестко, что тот словно бы исчез. Его тело подбросило в воздух и разорвало пополам от силы удара. Красная люксиновая слизь, удерживавшая Кипа, рассыпалась прахом. Кип встал, глядя в ужасе на то, что секунду назад было человеком. Краснота одежд извлекателя теперь мешалась с его кровью, магией и жестокостью картины. Но вся верхняя часть его тела превратилась в месиво. Кип кинул взгляд в сторону леса.

Поскольку мальчик выиграл им время, Гэвин побежал к Зерцалам. Каррис неслась вниз по холму, чтобы спасти другого, бросившегося к реке, но уже было слишком поздно. Зерцала действовали с удивительной выучкой и быстротой.

Никто из этих людей не удосужился надеть на коней доспехи. Они были тяжелыми, неуклюжими, и лошади быстро уставали, а Зерцала явно не ожидали встретить никакого настоящего сопротивления, тем более извлекателей. Это означало, что лошади – самые уязвимые цели. Но Гэвину не нравилось истреблять невинных животных. А их хозяев? Другое дело. Он вскинул руку, проведя резкую дугу, и воздух затрещал словно очередь фейерверков. Вперед вынеслись с десяток синих шаров размером с половину его кулака. Отполированный доспех противника работал подобно зеркалу, отражая часть света и любого люксина, направленного в него, заставляя его распадаться. Это было большой проблемой для любого извлекателя, пытавшегося снять всадника люксиновым мечом, но доспех давал лишь защиту – не неуязвимость. Тонкостенные люксиновые шары разбивались о зеркальный доспех – и раскрывались, заплескивая пылающей красной жижой всю грудь всадника, забрало, проникая по швам вплоть до чресел.

Среди огня, воплей и шипения горячей кожи атака заглохла. Гэвин взмахнул другой рукой, и вперед полетел еще десяток шаров. Люди падали на землю из седел, катались, пытаясь затушить огонь. Другие хватались за пылающие шлемы, запекаясь в них живьем. Но некоторые еще пытались продолжить атаку – с полдесятка человек опустили свои копья, – пока их не накрыла очередная волна шаров.

Однако более десятка лошадей продолжали нестись впе-

ред даже без управления всадников. Эти кони были воспитаны для войны, и они неслись на Гэвина.

Гэвин поставил вокруг себя зеленые клинья, как створки раковины, и приготовился. Кони сильно толкали его, проносясь мимо, но он устоял.

Уцелели только три Зеркала, все на краях шеренги, рано отделившиеся от общей атаки. Они натягивали поводья и разворачивались для бегства. Может, трусы. Но умные трусы. Гэвин указал пальцем на каждого по очереди. Суперфиолетовый люксин – быстрый, легкий, почти никому не видимый. Как паук, каждая точка прилипла к одному из солдат и поползла к сочленению доспехов у них на затылке.

Три острых дротика из желтого люксина полетели по суперфиолетовой паутине от Гэвина мгновением позже. Три всадника полетели с коней на полном галопе.

Когда все всадники лежали вокруг мертвыми или умирающими, Гэвин посмотрел на холм, чтобы увидеть, как Каррис разобралась со своими двумя Зерцалами. Один уже валялся, и Гэвин удивился, что второй еще жив – несомненно, вскоре ситуация изменится.

Четыре сотни лет назад, когда была создана Черная Гвардия, это был илитийский отряд, славившийся как своим гордым родством с Люцидонием, так и воинским мастерством. Но когда Илития потеряла влияние в Спектре, Черная Гвардия была вынуждена отойти от набора по территориальному принципу, и вместо этого ей пришлось поддерживать свой

элитарный статус функциональностью: когда извлекатель извлекает, его кожа приобретает цвет, который он намерен использовать. Это означает, что в бою бледнокожего аташийца или жителя Кровавого Леса легко предугадать. Этот факт оправдывал наличие в отряде еще и парийцев, которые тоже были темнокожими. С тех пор Черная Гвардия состояла по большей части из парийцев или илтийцев, причем парийцы постепенно становились большинством по мере ослабления их политической власти.

Но основывая свой статус охраны на боевых качествах, Черная Гвардия была вынуждена за последние двести лет принять в свои ряды более десятка элитных извлекателей не только из Парии или Илиты.

Каррис вступила в Гвардию, поскольку отказать ей было невозможно. Она провела бой с каждым членом Гвардии и уступила только четверем. Она была самым быстрым извлекателем из всех, кого знал Гэвин, а после обучения в Черной Гвардии стала еще и одним из самых опасных. И это ничего не значило для нее. При том, как она изводила себя, Гэвин думал, что ей повезет, если она проживет еще десять лет. Скорее, пять. словно она бежала к вратам Смерти наперегонки с ним. Но она умрет не сегодня.

Второй всадник мчался на нее, занося меч. Каррис стояла на месте, сдвинувшись лишь в последнюю секунду, чтобы не оказаться у лошади на пути. Всадник, ожидавший, что она отступит в другую сторону, был слишком удивлен, чтобы

успеть сменить курс. Каррис припала к земле в тот момент, когда лошадь была готова затоптать ее. Гибкими пальцами из зеленого и красного люксина, протянувшимися из ее рук и скрещенными, она поймала подпрыгнувшую лошадь, когда лошадь промчалась над ней.

Лошадь пролетела мимо, и на какой-то миг Гэвин подумал, что Каррис все же затоптали. Затем она подпрыгнула в воздух. Люксин расплелся и забросил ее на все еще летящую галопом лошадь. Она врезалась в спину всадника и чуть не слетела с седла, но уцепилась и сумела усесться позади него.

Всадник замахал руками, не понимая, что случилось и что это ударило его сзади. Каррис достала кинжал, свободной рукой обхватив голову Зеркала. Она подняла его забрало и вонзила кинжал ему в лицо. Мужчина содрогнулся, и оба упали.

Каррис попыталась выпихнуть всадника, чтобы упасть на него, но его нога намертво застряла в стремях. Вместо мягкого приземления ее сильно крутануло назад, когда его тело выдернулось из-под нее, затем она ударилась о землю и резко покатила вперед. Но ей все же повезло упасть в траву.

Гэвин посмотрел на мальчика, ради спасения которого они перебили тридцать солдат элитной гвардии короля Гарадула. Ему было лет пятнадцать. Пухлый, неуклюжий, с округлившимися от страха глазами. Он повернулся и побежал к реке. Сначала Гэвин подумал, что он убегает от страха, но затем понял, что он бежит к своему другу, спасти которого они с

Каррис не успели.

– И как это понимать? – раздался мужской голос.

Гэвин обернулся – и выругался. Он был так занят мальчишкой, Каррис и тем, что творилось у реки, что не обратил внимания на дорогу. Рев воды на порогах и в водопаде заглушал топот копыт, но все равно. У мужчины, который окликнул их, был тот же слабый подбородок, в который так и хотелось дать кулаком, как Гэвин сделал шестнадцать лет назад, когда в последний раз видел его. Его трясло от ярости при виде того, что осталось от его тридцати якобы неуязвимых Зерцал.

Но лицо сатрапа Гарадула изменилось сразу же, как он увидел Гэвина. Он натянул поводья, когда его окружили с пяток извлекателей и двадцать Зерцал.

– Гэвин Гайл?

Глава 17

Белая убьет его.

Гэвин этого заслуживал. Присутствие самого сатрапа Гарадула меняло все. Если бы это были просто солдаты сатрапа Гарадула, как ожидали Гэвин с Каррис, Гэвин мог бы перебить их и уйти. Сатрап Гарадул в ярости начал бы охоту за извлекателями, устроившими это, но он не знал бы, за кем охотиться. Это мог бы просто оказаться какой-нибудь сильный извлекатель из – как там звался этот городишко? Ректон?

Какая ирония.

Было слишком поздно хвататься за очки, которые Гэвин носил в кармане ради таких случайностей. В очках он был бы просто таинственным полихромом. Но без очков он мог быть только Призмой. И теперь сам Призма выступил против сатрапа Гарадула, и никак не отвертишься. Раск Гарадул знал его.

– Гэвин? – повторил сатрап Гарадул. В его голосе было что-то странное, настойчивость, может, ловушка. Он был в кольчуге с зеркалами. Маленькими, не требующими выраженных сочленений. Его страна была бедной.

Он изменил свой герб. Прежде это был фамильный месяц и две звезды на черни и личный оскалившийся лис. Теперь все это исчезло. Новый королевский герб представлял собой

белую разорванную цепь на черном поле. Гэвин сразу же понял, что этот символ имеет значение. Раск не просто отрекался от имени и отца, которого всегда презирал за слабость. Новое было в том, что он подпал под влияние ереси старых богов – Гэвин знал эти слухи. Что он делает? Зачем он спрашивает у Гэвина имя, хотя уже и так знает, что это он? Он дает Гэвину возможность солгать, что он не Призма?

Если он так поступит, что сделает Раск Гарадул? Убьет его и потом скажет Хромерии, что ошибся; он не виноват, что убил напавшего на них, который сказал, что он не Гэвин Гайл. Если Раск думал, что сможет убить Гэвина с горсткой извлекателей и двумя десятками Зерцал, то он ошибается, но что тут еще может быть? Может, сатрап Гарадул был просто изумлен тем, что увидел Гэвина, как и Гэвин – его, и не знал, что тут делать. Если Гэвин солжет и Раск нападет, у него не останется иного выхода, кроме как убить его. Если он убьет Раска, придется перебить всех его людей. И что скажут на это сатрапии? По дороге за спиной сатрапа уже сейчас подходили новые войска. Гэвин не мог перебить их всех. Каким бы сильным он ни был, если сотня людей разбежится во все стороны, кто-то да удерет. Пойдут слухи, что сам Призма явился в Тирею и убил сатрапа без провокации с его стороны.

И все равно, что сатрап Гарадул вырезал всех в том городке. Это был его город, он мог делать с ним все, что считает нужным. Некогда Призма мог бы уничтожить любого из са-

трапов по желанию, но те времена давно прошли. Такое было возможно, когда Семь Сатрапий действительно были сатрапиями. Но сейчас его власть была церемониальной, всего лишь религиозной. Призма не должен был вмешиваться во внутренние дела государств – а Гэвин уже более чем просто вмешался.

Если бы он всех здесь перебил и удрал в Хромерию, он вернулся бы через несколько дней после отъезда, и Хромерия могла бы убедительно отрицать его вмешательство. Теперь это было невозможно.

Он убил бы человека, которого никогда не любил, и за это заплатила бы лишь горстка солдат в самом захолустье Семи Сатрапий. Ну да, мальчишка бы тоже погиб. Иначе он стал бы шантажировать Гэвина. А что подумала бы Каррис? А это имеет значение? Она уже была недоступна для него. Он знал, что и так потеряет то малое, что между ними оставалось.

Человек, которым он некогда был, не стал бы медлить.

А что сделал бы ты, братец?

Это было так давно, что Гэвин уже и не был уверен.

– Я верховный владыка Призма, Гэвин Гайл. – Гэвин чуть поклонился, заведя руку за спину и пытаясь сделать знак Каррис.

– Итак, владыка Призма, – громко сказал сатрап Гарадул, – так Хромерия объявляет войну?

– Странно, что ваши мысли так быстро обращаются к войне, сатрап.

– Странно? Нет, странно, что вы зовете меня сатрапом. Вы изгнали моего отца, сатрапа по праву, из Гарристана, захватили этот город, нашу столицу и единственный порт, лишили народ Тиреи доступа в Хромерию. Тирея больше не сатрапия со времен вашей войны, Призма. Я король Раск Гаррадул Тирейский. Вы перебили мою личную гвардию. И вы говорите, что в такой ситуации странно подумать о войне? – возвысил голос Раск. – Или вы считаете, что тирейцы выпестованы для того, чтобы их убивали лакеи Хромерии?

Среди Зерцал поднялся ропот, что показало Гэвину, что такие разговоры им не в новость.

– Но Хромерия вряд ли послала самого Призму, чтобы перебить горстку моих людей. – Раск сделал вид, что задумался, но не стал ждать, чтобы Гэвин успел вставить хоть слово. – Нет. Призма может прибыть сюда только для более важного дела. Чего-то, что поможет Хромерии укрепить свою хватку на горле Семи Сатрапий. Скажите мне, владыка Призма, вы пришли убить меня?

Льва на крысу не посылают, едва не сказал вслух Гэвин.

Послышались звяканье доспехов и топот копыт, когда Зерцала и извлекатели сгрудились теснее вокруг Раска Гаррадула. Гэвин лишь слышал это – он смотрел вниз с холма. До этого момента он избегал смотреть туда, чтобы не привлекать внимания к Каррис. А сейчас она наверняка уже решила, остаться ей или уйти.

Да, почти ушла, уже начав спускаться по серебристой реке

на плоскодонке. Однако если Гэвин знает Каррис, она остановится и попытается понять, что случилось с ним. В конце концов, она из Черной Гвардии, и хотя их главный долг – служить Белой, следующим идет долг защищать его. Он задумался – если она уйдет, то это потому, что она верит, что он сумеет постоять за себя, или потому, что у нее есть свое задание и она не может позволить ничему помешать его выполнению?

Толстенький мальчик, с другой стороны, стоял сейчас почти за спиной Гэвина. После того как Гэвин спас его, он, наверное, думает, что Гэвин его лучший шанс выжить.

– Вы неверно поняли меня, король Гарадул, – сказал Гэвин, снова повернувшись, нарочно оставив титул. – Я увидел, как эти люди истребляют неповинное население вашей сатрапии. Я вмешался, чтобы спасти ваших людей. Я был уверен, что делаю вам одолжение.

– Убивая солдат в моей униформе?

– Естественно, ренегатов. Бандитов. Какой же сумасшедший будет сжигать дотла собственный город?

Многие Зерцала отводили или прятали взгляды. Понятно, что не все они были рады убивать своих соотечественников. Король вспыхнул.

– Я король! – заявил он. – Я не позволю оспаривать моих решений. Особенно Хромерии. Тирея суверенное государство. Наш внутренний конфликт вас не касается.

Солдаты снова смотрели с каменными лицами.

– Нет, конечно. Просто это... что-то новое, когда король сжигает собственный город и людей. Убивает детей. Уверен, что вы понимаете мое недоумение. Прошу прощения за недопонимание. Хромерия служит всем Семи Сатрапиям, включая Тирею.

Пожалуй, это было сыграно лучшим образом, на который Гэвин был способен. Если бы они стояли перед пятьюдесятью аристократами, собаку съевшими на игре государств и дипломатий, этого было бы достаточно. Раск Гарадул потребовал бы какого-нибудь финансового возмещения, признав, что это была честная и понятная ошибка, сохранив свое право на возмущение, и Гэвин понял бы, что победил. Элегантно и чисто.

Но Раск Гарадул был молод и королем стал недавно. Он стоял не перед аристократами, а перед своими солдатами. Он понимал, что проигрывает, но груда кровавых тел по обе стороны и солдаты, искоса поглядывавшие на него, не позволили ему проиграть.

– Вы ведь наверняка проделали путь в сотни лиг не для того, чтобы просто патрулировать наше королевство в поисках бандитов? К тому же инкогнито. Можно подумать, что вы проникли в наше королевство под покровом тьмы, как шпион.

А он не дурак. Когда сделал неверный шаг, тотчас сделай другой. Гэвин глянул на парнишку, чтобы понять, как он. Ничего хорошего. Его практически трясло от ужаса. Он

смотрел только на Раска Гарадула. Или это был гнев?

– Шпион? – весело ответил Гэвин. – Как смешно. Нет-нет. Для таких целей есть специальные люди. Самому незачем. Вы ведь достаточно долго королевствуете, чтобы это знать?

– Что вы здесь делаете? – рявкнул король Гарадул. Опять же, при дворе любой из Семи Сатрапий это прозвучало бы грубо. Раск глянул на мальчика. Гэвин мог бы уйти – он был Призмой, в конце концов. И даже убийство тридцати Зерцал Гарадула не оправдало бы ни его задержания, ни убийства. Особенно в спорных обстоятельствах. Раск рисковал объединением остальных сатрапий против Тиреи. Убийство сатрапа было бы вопиющим проступком; убийство Призмы – немыслимым.

Но Раск чувствовал, что проигрывает, и был намерен заставить Гэвина заплатить за это. Он намерен был нанести как можно более болезненный удар. Гэвина отпустят – мальчика убьют.

– Я видел дым, – ответил Гэвин. – Одна из моих обязанностей перед Семью Сатрапиями – разбираться с цветочками. Я поспешил помочь.

– Что вы делаете в нашем королевстве?

– Я не знал, что пересек границу. Я вообще не знал об этом новом «королевстве». Все это беспричинно... нелюбезно. Особенно ваше желание помешать такому слуге королевств, как я. – Миф о вежливом диалоге между незаинтересованными здравомыслящими соседями, на котором стро-

илась дипломатия, явно был мертв, так что, чтобы отвести внимание, Гэвин переступил прямо через его труп. – А вы что-то скрываете, король Гарадул?

– Ты ведь из Ректона, парень? – спросил король Гарадул. Он не намеревался играть в игру Гэвина. – Как тебя зовут? Кто твой отец?

– Я Кип. У меня нет отца. Как у большинства наших. После войны.

Эти слова пронзили нутро Гэвина. Он почти сумел забыть. Война Ложной Призмы опустошила десятки таких городков. Все мужчины, от безусых подростков до стариков, которым приходилось опираться на копья, были вынуждены служить на той или иной стороне. И они с Дазеном бросали их на самых талантливых извлекателей, которых только знал мир. Как дрова в топку.

– А твоя мать? – раздраженно спросил король Гарадул.

– Ее звали Лина. Она прислуживала в паре трактиров.

У Гэвина сердце замерло. Лина, та чокнутая, что прислала то письмо, была мертва. Этот мальчик, этот испуганный мальчик, значит, его вероятный сын? Единственный, кто уцелел в сожженном дотла городе, стоял здесь, и он единственный мог. Если Гэвин верил в Оролама, то счел это жестокой шуткой.

– Да, Лина, вроде так звали местную шлюху, – сказал король Гарадул. – Где она?

– Моя мать не шлюха! А ты ее убил! Убийца!

Мальчик был готов разрыдаться – от гнева или от горя, Гэвин не мог сказать.

– Мертва? Она кое-что украла у меня. Ты отведешь нас к ней в дом, и если я не найду этого, будешь работать на меня, пока не отработаешь.

Раск Гарадул не собирался заставлять мальчика отработать долги матери. Гэвин не сомневался, что Раск врет. Это просто был повод забрать мальчика – который, если Раск король, был его подданным. Скорее всего, Раск убьет его прямо на глазах у Гэвина, чтобы спасти собственную гордость. Мальчик ничего не значил. Для Раска он был все равно что собака или славное покрывало. Он станет фишкой в игре. Гэвина отчасти с души воротило, отчасти он радовался. Ставишь меня в ситуацию, в которой я не могу победить? Правда? Думаешь, для меня это невозможно? Ладно, сыграем.

– Мальчик идет со мной, – сказал Гэвин.

Раск Гарадул неприятно усмехнулся. В передних зубах зияла щербина. Он был скорее похож на оскалившегося бульдога.

– Ты собираешься рискнуть жизнью ради этого вора? Отдай его, Призма.

– Или что? – с любопытством спросил Гэвин нарочито вежливо, словно его это действительно интересовало. Угрозы так часто сдуваются, когда ты нагишом вытаскиваешь их на свет.

– Или мои люди скажут, что произошла большая ошибка.

Мы понятия не имели, что здесь Призма. Если бы только он объявил о своем прибытии. Если бы только он, сбившись с толку, не напал на моих солдат. Мы просто защищались. И лишь после его злосчастной гибели мы поняли нашу ошибку.

Гэвин хмыкнул. Прикрыл рот кулаком, чтобы скрыть усмешку.

– Нет, Раск. Я здесь не просто так без Черной Гвардии: они не нужны мне. Во время Войны Ложной Призмы ты был всего лишь сопляком, так что, может, не помнишь, на что я способен, но, как вижу, кое-кто из твоих людей помнит. Как раз они и нервничают. Если твои люди нападут, я убью тебя. Белая пару месяцев позлится на меня. Да, будет дипломатическая проблема, но ты правда думаешь, что кого-то будет волновать, что случилось с королем Тиреи? Королем, не са-трапом, то есть мятежником. Они лишь захотят заверений, что такого же не произойдет с ними. Мы принесем заверения и извинения и оплатим обучение всех тирейских студентов за несколько лет, и этим все кончится. Твой преемник несомненно будет не столь задирист.

Раск хотел было заговорить, но Гэвин не собирался ему позволять.

– Но давай представим на миг, что ты вдруг действительно убил меня и остался в живых. Я вижу, что ты творишь здесь – уничтожаешь город, чтобы собрать армию. Основываешь свою новую Хромерию. Вопрос в том, готов ли ты прямо сейчас к войне? Поскольку, если я вернусь сейчас с одними сло-

вами, Спектр может мне не поверить. Но если ты убьешь меня, это будет более изящным подтверждением, чем любое, какое я только смогу измыслить. И ты правда думаешь, что твоя версия произошедшего пройдет? Ты ведь молодой король, верно? И всего несколько мгновений назад ты говорил о шпионах.

Между ними повисло ледяное молчание. Гэвин, пожалуй, впервые в жизни побеждал в споре настолько безоговорочно.

– Этот мальчишка мой подданный и вор. Он остается. – Гарадула с ног до головы трясло от злости. Он не сказал, что Гэвин блефует. Он просто отказывался проигрывать.

Гэвин не блефовал. Шансы перебить всех до единого этих солдат и извлекателей были девять к десяти – в зависимости от квалификации извлекателей. А ему, скорее всего, лишь подпалили бы брови. Но защищать ребенка во время такой схватки – другое дело. Пусть лучше пострадает виновный или выживет невиновный?

И не все Семь Сатрапий так быстро все забудут, как он утверждал.

– Он не вор, – сказал он, стараясь вывести разговор из русла «я одержу победу/ты проиграешь». – На нем ничего нет, кроме его одежды. Возможные преступления его матери не касаются его самого.

– Ведь это легко проверить, – сказал Раск. – Обыщи его. Внезапно по выражению лица Кипа стало понятно, что очень даже касаются. Невероятно.

И где же он скрывает краденое? Между валиками жира?

– Нет! Это последняя вещь, которую она дала мне! Ты забрал все остальное. Ты не можешь взять ее! Я убью тебя прежде!

В голосе мальчика было бешенство, которое Гэвин узнал тут же, даже прежде, чем радужки Кипа налились нефритовой зеленью. Мальчик был готов наброситься на короля Гарадула, Зерцал и его извлекателей. Очень отважно, но еще более глупо. Извлекатели короля Гарадула тоже заметили это.

Гэвин выбросил руку, строя стену из красного, зеленого, желтого и синего люксина между Кипом и людьми короля Гарадула. Правой рукой он создал синюю дубинку и стукнул Кипа по затылку. Мальчик упал. Только Каррис, подумал Гэвин, могла бы сделать это быстрее.

Одинокий красный люксиновый шар, брошенный одним из извлекателей Гарадула, ударился о стену, зашипел и погрузился в щит Гэвина, тут же исчезнув.

Остальные ошеломленно стояли. Гэвин опустил щит. Несколько Зерцал еще раз посмотрели на трупы товарищей, может, думая, что их смерти были не случайны. Один Раск Гарадул был невозмутим. Он спешился, подошел к бесчувственному мальчику и грубо обшарил его. Достал узкий палисандровый ларчик, заткнутый сзади за пояс Кипа. Приоткрыл его, бросил довольный взгляд на Гэвина и засунул ларец уже за собственный пояс. Затем вернулся к коню и сел

в седло.

– Воровство и покушение. Спасибо за помощь в отражении нападения, владыка Призма. – Король Гарадул жестом показал на Кипа одному из своих людей. – Надеюсь, это дерево выдержит висельника. Останешься на казнь, Гэвин?

Вот чем все закончится. Такова расплата за мои грехи.

– Покушения на твою жизнь, король Гарадул, не было. Мы оба это знаем. Он даже не извлекал. Я просто наказал его, как обычного студента Хромерии, за мысль извлечь без разрешения. Ты получил ларчик и уже убил предполагаемую воровку, его мать. Слишком жестокое наказание вообще-то, но это твоя сатрапия, э, королевство. Очевидно, он ничего не знал, кроме того, что его дала ему мать. Но любое твое право на него ничто по сравнению с моим.

– Он мой подданный, и я могу сделать с ним все что пожелаю.

Остался лишь один козырь. Гэвин сказал:

– Ты спрашивал, зачем я сунулся в это отхожее место, которое ты называешь своим королевством. Эта причина – Кип. И мое право на него выше твоего. Он мой ублюдок.

Взгляд Раска Гарадула окаменел, и Гэвин понял, что теперь действительно победил. Никто публично не признается в позоре, если это неправда. И еще он понял, прежде чем тот успел заговорить, что ему придется убить короля Раска Гарадула. Но не сегодня.

– Твое время кончилось, – сказал Раск Гарадул. – Твое и

Хромерии. Вам конец. Свет не сковать. Помни это, Призма: мы заберем то, что вы украли. Ужасы вашей власти почти закончились. И когда придет конец, я буду там. Я клянусь в этом.

Глава 18

Каррис вела плоскодонку вниз по течению, пока река не повернула и она не исчезла из видимости. Она не думала, что солдаты видели ее бегство, потому подогнала лодку к противоположному берегу и нашла холм, с которого ей было видно Гэвина. Она на четвереньках вскарабкалась на холм. Между ним и ею было несколько деревьев, кустов и высокая трава. Идеально. Но вот расстояние не было идеальным. Она была отличным стрелком, но у нее был простой рекурсивный лук, а не длинный. Хороший, удобный для переноски, очень точно бьющий с семидесяти шагов. Но сто двадцать шагов – другое дело. Она мысленно подсчитала. Разброс будет в четыре фута, и стрелять придется быстро. Если сатрап Гарадул будет стоять на месте, она при скорости в четыре стрелы в несколько секунд сможет скорректировать прицел. Неплохо. По крайней мере, лучший выбор на данный момент. Она быстро спустилась с вершины холма и натянула тетиву, проверила оперение и остроту стрел, а затем снова вернулась на позицию, скрытая и смертоносная.

Когда Гэвин с сатрапом проговорили несколько минут, Каррис расслабилась. Гэвин мог заговорить кого угодно, кроме разве что Белой. Хотя Гэвин стоял среди груд трупов солдат Раска Гарадула, сейчас, вероятно, вопрос был в том, сколько сатрап заплатит Гэвину за беспокойство.

Удостоверившись, что сможет видеть Гэвина и что оружие под рукой, Каррис открыла свою сумку. Белая приказала не читать приказа, пока она не отплывет в Тирею, так что Каррис сунула его на самое дно, под смену белья, запасные очки, кухонные принадлежности, несколько свечек и гранат – хвала Ороламу, они не загорелись, когда она упала во время схватки, но риск того стоил. Она вытащила сложенное письмо. Как все важные приказы, оно было написано на тончайшей бумаге, внешняя сторона которой была покрыта каракулями, чтобы прозрачную бумагу невозможно было просто поднести к свету и прочесть. Печать была с простым затвором-заклинанием: любой, кто просто сломал бы ее, соединил бы две контактные люксовые точки, и вспыхнул бы небольшой, но мгновенный пожар. Конечно, печать не была дуракоустойчивой: любой осторожный извлекатель мог бы обезвредить ее или любой неизвлекатель мог бы разрезать письмо вокруг печати, но порой простые предосторожности срабатывали там, где пасовали более изощренные схемы.

Каррис проверила Гэвина. Все еще разговаривает. Хорошо.

Вытянув немного зеленого из травы, на которой она сидела, она разрядила ловушку на печати. Гэвин велел ей не верить письму, написанному самой Белой. Так кто вероятнее всего солжет ей? Гэвин, десять из десяти. От этой мысли ее затошнило. Нет, она забегает вперед. Она почти отложила было письмо – потом разберется.

Но ее приказы касались Тиреи, возможно, даже сатрапа Гарадула, а сатрап стоял у нее на виду. Возможно, ей приказано убить его – или постараться, чтобы никто другой его не убил. Так что надо было все узнать прямо сейчас.

Она открыла письмо. Почерк Белой был слегка неровным, но все еще выразительным и элегантным. Каррис автоматически переводила изощренный код. «Ввиду того, что пурпурный может быть новым цветом, мы все были бы рады узнать о новых фасонах». Внедриться и узнать о намерениях сатрапа. Семь Сатрапий и Хромерию беспокоит новый сатрап и то, чего он хочет.

Последнее «х» заканчивалось завитушкой, обозначающей окончание формального кода, но письмо продолжалось. «Я также получила известие о пятнадцатилетнем мальчике из города Ректон. Его мать утверждает, что его отец Г. Если сможешь, выясни. Мне хотелось бы встретиться с ними». У Гэвина в Ректоне бастард. Привези мать и сына в Хромерию.

Каррис посмотрела на Гэвина как раз в тот момент, когда он создал дубинку и ударил ей мальчика по голове. Это могло бы выглядеть как забавно, так и тревожно, только вот ощущение было такое, что ее саму ударили точно так же. Она тупо смотрела, как Гэвин ставит люксовую стену, гасит атаку и продолжает говорить – холодно до самого конца.

Она была так ошеломлена, что даже не взялась за лук. Это был Ректон. Мальчик умеет извлекать. Есть ли шанс, что это просто совпадение? Это ведь она настояла, чтобы Гэвин на-

правил свое летающее устройство сюда. Она ощутила холод. В том, что они оказались здесь, явно виделась рука Оролама. Каррис знала, что Ороламу нет дела до нее. Она была незначительной. Тогда ради чего? Испытание для Гэвина?

Пятнадцать лет. Сукин сын. Этот ребенок был зачат, когда они с Гэвином были помолвлены.

Гэвин поднял парнишку – с натугой, тот был пухлым и высоким – и забросил его на плечо. Затем он пошел к реке, словно ему было плевать на весь мир. Этот человек действительно уходил прочь от сатрапа, оставив за собой тридцать трупов сатраповой гвардии. Как всегда, Гэвин был надменен, неудержим, невозмутим. Обычные правила не касались его.

Никогда.

На какой-то недобрый момент Каррис снова стала шестнадцатилетней девочкой, оторванной от всего, что она знала и всех, кого любила. Она проплакала весь тот день, плакала, пока не поняла, что никто не придет ее утешить. Она извлекла красный, чтобы утешиться в жаре и ярости. Она извлекла столько красного, что это почти убило ее. Сейчас ей даже не надо было извлекать. Ярость пульсировала в ней с ударами сердца. «Не верь тому, что в твоём приказе», – сказал Гэвин. Конечно. Лгун.

Сукин сын.

Вот почему Белая велела ей не открывать приказ сразу же.

Она хотела, чтобы Каррис как следует остыла, прежде чем встретится с Гэвином. Чтобы не возникло проблем.

Как мило знать, что два самых важных в ее жизни человека манипулируют ею.

Гэвин создал на реке лодку и положил туда мальчика. Он не торопился и позволил течению подхватить ее, даже не обернувшись.

Однако он наверняка был готов обернуться в любой момент. Гэвин обошелся с сатрапом Гарадулом как с собакой, а зрительный контакт мог спровоцировать его. Каррис, с которой тоже обходились как с собакой, знала об этом все, не так ли?

Она обнаружила, что встала и идет к реке. Ее очки волшебным образом оказались у нее на носу. Если бы сатрап Гарадул не был в двухстах шагах от них, Каррис подумала бы, что сейчас метнет огненный шар в голову Гэвина. Он обогнул выступ берега на лодке и увидел выражение ее лица.

Он побледнел. И на сей раз не сказал ничего.

Каррис встала на берегу реки, дрожа, пока он подплывал все ближе и ближе.

Гэвин не спросил, прочла ли она приказ, он и так понял.

– Садись, – сказал он. – Если ты взяла с собой черный плащ, накройся. Будет лучше, если они не рассмотрят тебя.

– Иди в преисподнюю. У меня своя дорога, – ответила Каррис.

Он протянул руку и проделал дыру размером с кулак в ее плоскодонке зарядом зеленого люксина.

– В лодку! – приказал он. – Король Гарадул появится в

любую минуту.

– Король? – Она извлекла зеленый люксин, чтобы заделать дыру. Это было мелко и глупо, и будь Гэвин проклят, что вынудил ее выглядеть по-идиотски. Она ненавидела его настолько страстно, что весь мир поблек. И пусть эти всадники только попробуют сунуться к ней сейчас.

– Он отрекся от Хромерии, Призмы, Семи Сатрапий и самого Оролама. Он назначил себя королем, – Гэвин махнул рукой в сторону ее плоскодонки. Сотни крошечных зарядов размером с палец слетели с его руки и вошли, дрожа, в дерево по всей длине и ширине лодки, а затем взорвались все вместе. Щепки и труха полетели во все стороны, засыпав обоих. – Дай мне по морде и успокойся, – сказал Гэвин, – но неси свою задницу сюда.

Он был прав. Не время для разборок. Каррис села в лодку. Еще не время. Она порылась в сумке, нашла и набросила плащ, надев капюшон, несмотря на жару. Мальчик все еще был без сознания. Гэвин не стал ждать, и как только она оказалась на борту, он сделал весла и приводы. Весла ударили по воде, и лодка почти сразу же сорвалась с места. Каррис оглянулась и не слишком сильно удивилась, увидев, как около десятка всадников устремляются к ним, перебравшись через гребень холма.

Но у преследователей не оставалось шанса. Местность вдоль берега была неровной, а лодка Гэвина летела быстро. Гэвин и Каррис не говорили ни слова, даже когда лодка во-

шла в долгую череду порогов. Каррис помогла расширить платформу при помощи красного гибкого люксина и более жесткого зеленого, придав ей ширины и подняв высокий нос. Гэвин влил гибкого оранжевого в дно, так что, когда они налетали на камни, они просто скользили по ним.

Через полчаса они были в безопасности. Каррис продолжала молчать. Сколько раз один и тот же человек может так сильно ранить тебя? Она не могла даже смотреть на него. Она была зла на себя. На войне он казался совсем другим. Разрыв их помолвки оставил ее ни с чем. Она уехала на год, и он вроде бы так обрадовался, когда она вернулась. Он уважал ее пространство, никогда не говорил ничего, когда она заводила интрижки, пытаясь выбросить его из головы. Почему-то это еще больше бесило ее. Но рано или поздно его таинственность снова притягивала ее, и постепенно мыслями Каррис завладел этот человек, которого полностью изменила война.

Сколько мужчин возвращались с войны лучшими людьми, чем были?

Да ни один, наверное.

А сколько женщин возвращались, поумнев?

Только не эта.

Река вобрала в себя приток и стала значительно шире, и Каррис уже не нужно было сидеть на носу, высматривая камни. День был прекрасен. Она сбросила плащ и ощутила солнечные лучи – ласку Оролама, как говорила ее мать, когда

она была еще маленькой девочкой. Да.

– Говорят, на реке по ночам шалют бандиты, которые грабят всех, кто проплывает мимо, – беззаботно сказал Гэвин. – Так что, может, тебе найдется кого убить.

– Я не хочу никого убивать, – спокойно сказала Каррис, избегая его взгляда.

– Просто у тебя такой вид...

Она подняла взгляд и ласково улыбнулась:

– Никого. Кроме тебя.

Глава 19

– А, – прокашлялся Гэвин.

Мальчик вздрогнул, затем резко сел. Наверное, проснуться под «хочу убить тебя» не лучшее, что может случиться после того, как твой город вырезали. Гэвин поднял бровь, глядя на Каррис. Тебе правда хочется сделать это прямо сейчас?

Она выдохнула и отвернулась, пока мальчик со стоном потирал голову. Он прищурился и посмотрел на нее, но она повернулась к нему спиной. Она занялась луком – сняла тетиву и спрятала его. Мальчик обратил взгляд своих васильковых глаз на Гэвина. Интересно сочетается с его светло-бронзовой кожей и курчавыми волосами. Синие глаза потому и синие, что они глубже остальных, то есть лучше всего чувствуют свет и легче всего его собирают. Это отнюдь не единственный критерий, но людей с синими глазами было больше всего среди самых могущественных извлекателей. Больше света, больше силы.

Прямо сейчас эти яркие глаза сузились от боли. Наверное, после удара Гэвина у парнишки болела голова.

– Вы спасли меня, – сказал Кип.

Гэвин кивнул.

– Кто вы? – спросил мальчик.

Прямо под дых, да? Каррис обернулась увидеть, что ска-

жет Гэвин. Скрестила руки на груди.

Гэвин перестал грести.

– Это госпожа Каррис Белый Дуб, которая, несмотря на это, представляет собой довольно забавное сочетание фамилии, цвета кожи и звания, поскольку является бойцом Черной Гвардии. – Бешенство во взгляде Каррис не угасло ни на волос. Наверное, старые шутки уже не были смешными. – А я... – Он представил Каррис первой, чтобы дать себе немного времени подумать. Не помогло. Осталось пять лет и пять целей, Гэвин. Это может быть твоим последним шансом.

Мальчик был без сознания, когда Гэвин заявил о своем отцовстве. Он ничего не знал. И не обязан знать. И лучше бы ему не знать. Но все будет лучше, чем узнать об этом от Каррис во вспышке гнева. Этот мальчик не был его сыном, но без войны Гэвина и Дазена – Войны Призм или Войны Ложной Призмы, смотря на какой стороне ты сражался, – никто из детей Ректона и сотни других городков не был бы сейчас безотцовщиной. Гэвин снова представил, как он рассказал бы Каррис о том, чего она не знала, и будь что будет. Но Каррис не поверила бы частичной правде и не справилась бы со всей правдой.

Как минимум эта ложь даст сироте отца. Она вернет потерявшему все ребенку хотя бы что-то одно. Гэвина это не должно было беспокоить, но беспокоило.

– Я Призма Гэвин Гайл. Я... ты мой сын.

Мальчик посмотрел на него так, словно не понял слов Гэ-

вина.

– Великолепно, – сказала Каррис. – Почему бы не вывалить на него все сразу? Почему ты не думаешь головой, Гэвин? Могу поклясться – ты импульсивен, как Дазен.

Импульсивен, я? Оба хороши. Гэвин пропустил слова Каррис мимо ушей, глядя только на мальчика. Он только что признался, что много лет назад обманул ее, лгал ей потом, а затем – всего час назад – солгал ей снова. Ее переполняло холодное бешенство, а это не подходило ей. Жгучая ярость была больше в ее стиле.

Мальчик посмотрел на нее, смущенный ее гневом, затем снова на него. Он все еще морщился, хотя Гэвин не мог сказать, от удара ли по затылку или от светоболезни после извлечения и насколько он сбит с толку в результате такой быстрой перемены обстоятельств.

– Вы... кто? – спросил Кип.

– Ты мой сын. – Почему-то было тяжело сказать «я твой отец».

– И вы пришли сейчас? – спросил Кип с болезненным отчаянием на лице. – Почему не вчера? Вы бы могли спасти всех!

– До этого утра я не знал о твоём существовании. И мы прибыли быстро, насколько это в человеческих силах. – Вообще, быстрее. – Если бы твой город не горел, мы не знали бы, куда идти.

– Ты не знал обо мне? Как ты мог? – жалобно спросил

Кип.

– Хватит! – рявкнул Гэвин. – Сейчас я здесь! Я спас твою жизнь, возможно, ценой войны, которая осиротит еще десятки тысяч. Чего тебе еще?

Кип поник и сжался.

– Поверить не могу. Ну ты и скотина, – сказала Каррис. – Ты обрел сына и первым делом орешь на него! Ты отважный человек, Гэвин Гайл.

Все это было настолько нечестно, что кулаки Гэвина сжались сами собой. Справедливость и несправедливость и безумие избранной им жизни хлынули через край.

– Хочешь просветить меня насчет отваги? И это женщина, сбежавшая из благородного дома, чтобы стать гвардейцем? Пытаться угробить себя, изнуряя работой или перегружаясь магией – не отвага, Каррис, это трусость. Чего ты хочешь от меня? Вернуть твоих мертвых братьев?

Каррис отвесила ему пощечину.

– Не смей, – сказала она. – Никогда не смей...

– Говорить о твоих братьях? Твои братья были гадами. Все вздохнули свободней, когда Дазен убил их. Это было лучшее, что он сделал, а лучшее, что сделали они – сдохли!

Глаза Каррис стали красными, на ее коже мгновенно за клубился люксин. Гэвин ощутил укол страха – не за себя. Он был в силах остановить все, что она могла вот так метнуть в его сторону. Но каждый раз, когда человек извлекал слишком много, он ускорял свою смерть. И их цвет обретал

все большую власть над ними. Когда он впервые встретился с Каррис, в ее нефритовых глазах были лишь крошечные рубиновые звездочки. Теперь, даже когда она отдыхала, даже когда она не извлекала, эти рубиновые звезды были ярче зеленого.

Но Каррис не атаковала. Она сказала:

– Я учусь медленно, но в конце концов усвоила. Ты в последний раз предал меня, Гэвин. – Она чуть не выплюнула его имя. – Я...

– Как можно быть такой упертой?! Я люблю тебя, Каррис, и всегда любил.

Она на миг словно сдулась. Красный люксин ушел из ее пальцев. Затем, когда Гэвин уже начал было надеяться, она сказала:

– Ты смеешь? Ты невероятен... ты... ты... Гэвин Гайл, ты принес мне только страдания и смерть. Все кончено! – Она схватила сумку и спрыгнула за борт.

Гэвин был слишком ошеломлен, чтобы сказать что-нибудь. Он следил, как Каррис плывет к берегу, выбирается из воды и вытаскивает сумку. Она могла бы, конечно, добраться до Гарристона без него и все равно бы прибыла раньше, чем ее ждал связной. Конечно, были еще бандиты, а одинокая женщина легко становится мишенью для нападения.

Если бандиты будут неосмотрительны, то им повезет просто выжить. Но всем приходится спать время от времени. Каррис была на взводе, но какая разница. Это ненадолго.

Именно потому Белая старалась устроить так, чтобы его не было рядом, когда она узнает о бастарде. Он мог бы пойти за ней, но это было бы бесполезно. При ее нраве это лишь усугубило бы ситуацию.

Пять целей, а я даже не рассказал всей правды.

Кип свернулся у борта лодки, стараясь казаться маленьким. Он поднял глаза и на миг встретился взглядом с Гэвином.

– На что ты смотришь? – рявкнул Гэвин.

Глава 20

Хотя ей никогда не удавалось извлечь ни капли синего, Каррис всегда тяготела к так называемым синим качествам. Она любила иметь план. Она любила порядок, структуру, иерархию. Даже ребенком ей нравилось изучать этикет. Сидеть на официальном парийском обеде и знать в точности предназначение каждой ложечки и ножика для вскрытия панциря, знать, сколько раз надо сбросить капли воды с пальцев после омовения рук в чаше между первой и второй переменами блюд, и точно знать, куда отложить свой трехзубый оловянный урум, чтобы рабы поняли, что ты заканчиваешь трапезу – все это приносило ей что-то вроде умиротворения. Поставить свой кубок на середину горизонтального разделителя на столе означало, что ты желаешь еще бокал вина. На вертикальном – чтобы тебе налили не белого, а красного. Пароль и отзыв. Возглас люксиата и ответ собрания. Она любила танцевать и знала большинство танцев Семи Сатрапий. Она любила музыку и могла играть на органе или аккомпанировать себе на псантрии. Но сейчас все, что она знала, было бесполезно. Не было ни структуры, ни иерархии, ни порядка, чтобы указать ей путь.

Она в это время еще должна была находиться на корабле. План состоял в том, чтобы встретиться со шпионом Хромерии прежде, чем углубиться в Тирею. Он должен был прово-

дить ее вдоль реки до армии короля Гарадула и дать ей прикрытие, которое помогло бы ей внедриться в ряды солдат и не быть убитой. Вместо этого она промокла, осталась одна и меньше чем в одном дневном переходе от армии, не имея ни прикрытия, ни карты, ни указаний, ни плана. Гэвин со своим ублюдком исчез вниз по течению реки не более пяти минут назад.

Я становлюсь тревожной. Это красный уничтожает меня.

Каррис отжала свой тяжелый черный шерстяной плащ и начала подыскивать место для лагеря. На холме было много эвкалиптов, наполнявших воздух своим ароматом, среди высоких сосен, закрывавших жесткие лучи яркого ока Оролама. Ей понадобилось всего несколько минут, чтобы найти пяточок, по большей части затененный ветвями. Она собрала дрова и сложила из них небольшую пирамидку. С растопкой не заморачивалась – у красных есть свои преимущества. Но она несколько минут пристально осматривалась, прежде чем достать из маленького кармана на рукаве очки. Она была одна. Каррис направила тоненькую красную нить люксина в основание пирамидки. Даже такое ничтожное извлечение красного раздуло угли ее гнева. Она спрятала красные и зеленые линзы и подумала – как хорошо было бы двинуть в улыбающееся лицо Гэвина. Я тебя люблю? Да как он посмел!

Она покачала головой и щелкнула пальцем, нарочно сбрасывая люксин нецентрированно, чтобы не перегнуть палку. Как и весь коряво извлеченный люксин, он быстро рассеял-

ся, оставив соответствующий запах – общий для всего люксина смолистый и странный аромат высушенных чайных листьев и табака, соответствующий красному.

Каррис достала кремень и нож вместо того, чтобы извлечь субкрасный напрямую из искры. Она уже замерзла, так что высекла искру как простая смертная.

Я люблю тебя. И этот ублюдок.

Пока мокрая одежда сохла, она переделалась в запасную, спрятанную в водонепроницаемом мешке. Тирейская мода стала, слава Ороламу, просто практичной за последние пятнадцать лет. Хотя в высших кругах или городах барышни по-прежнему носили подпоясанные платья по голень или лодыжку, надевая по вечерам пелерины или длинные камзолы, в дороге или деревнях женщины часто выбирали мужские льняные штаны, хотя и с более длинными рубашками в угоду скромности, которые не заправляли в штаны, а просто подпоясывали как туники. Как объяснял ей командующий Железный Кулак, после Войны Ложной Призмы осталось слишком мало мужчин и подростков, чтобы собирать апельсины и другие фрукты. Молодые женщины, присоединившиеся к сборщикам урожая, подбирали юбки, чтобы удобнее было карабкаться по веревочным лестницам. Понятно, что кто-то стал возмущаться. Наверное, не юнцы, державшие лестницы.

Так появились штаны.

Каррис любила такую одежду. Она привыкла носить мужской костюм при обучении в Черной Гвардии, и если в этих

свободных льняных штанах она не двигалась так же гладко и они не были такими же мягкими и эластичными, как протканые люксином одеяния черных гвардейцев, они все равно были хороши. И они куда лучше скрывали ее фигуру, чем обтягивающая черная форма. Любой мужчина на Яшмах осмелится в лучшем случае свистнуть вслед женщине Черной Гвардии, даже если она немного гордится трудом заработанной фигурой. Женщина, путешествующая в одиночку в далекой стране, не должна испытывать судьбу.

Пока ее костерок весело горел, Каррис отвлеклась, занявшись вооружением. Ее ятаган будет спрятан и расположен так, чтобы его легко можно было достать в ее наплечной сумке, как только она высушит и скатает свой черный плащ. Бичва³ – скорпион – был пристегнут к бедру внутри штанины. Это было оружие с железными кольцами для пальцев, с четырьмя когтями и острием – хвостом скорпиона – для колющих ударов. Его нельзя было достать быстро, но Каррис всегда считала, что неплохо иметь больше оружия, чем есть на виду. Еще один длинный кинжал был заткнут за пояс. Бифокальные очки она спрятала в сумку. Если сунуть их в эти длинные развевающиеся рукава, то из-за своего веса они будут слишком заметны. Значит, у нее остались наглазники.

³ Бичва (бичхва) – индийский кинжал с обоюдоострым клинком двойного изгиба. Такая форма клинка связана с тем, что самые первые кинжалы полностью изготавливались из рога буйвола. В переводе «бичва» означает «жало скорпиона». Кинжал был излюбленным оружием наемных убийц и носился спрятанным в рукаве. Описывается в романе, скорее, бичва баг-нах, «тигриные когти».

Наглазники, с горизонтально вшитыми линзами красного и зеленого цвета, каждый в точности подогнанный под глазницу, как можно ближе к глазу. Тонкая полоска красного люксина обеспечивала то, чтобы линзы оставались на ее лице в течение дня, и если она не будет осторожна, наглазник оторвет ей половину бровей, когда она будет его снимать. Этот липкий красный люксин защищен крепкой полоской желтого люксина, которую надо было снять прежде, чем приклеивать линзы на глаза.

Хотя наглазники раза три спасали ей жизнь, Каррис их не любила. Конечно, длинные ресницы – милый аксессуар, когда ты танцуешь на Балу Люксократов, но не когда у тебя линзы прямо возле глаз.

Каррис спрятала линзы на виду, на ожерелье из крупных разноцветных камешков, не настолько прозрачных, чтобы привлечь внимание или сделать украшение ценным. Линзы сомкнулись вокруг одного из звеньев и стали незаметны среди прочих камней. Другую пару линз она засунула под пряжку пояса.

Я тяну время, подумала она.

Отсюда у нее было два пути. Она могла спуститься по реке и встретиться со своим связным в Гарристане, затем вернуться снова вверх по течению, или она могла попробовать самостоятельно внедриться в армию Гарадула. Идти вниз – трата времени, и все равно она прибудет слишком рано. Кроме того, тут водились бандиты.

Она предположила, что ее связной должен бы знать, как обойти их по дороге обратно, но это ей не поможет, если она будет спускаться вниз. Пойти одной – значит, попытаться вступить в неприятельскую армию без должного прикрытия. А теперь, когда Гэвин сцепился с Гарадулом, король знает, что у Хромерии тут уже есть один извлекатель, так что они будут вдвойне подозрительны, если появится еще один.

Вообще, выходка Гэвина в Ректоне сделала ее миссию почти невыполнимой. Конечно, есть тирейцы белокожие, как она, но у нее был другой акцент и она была извлекателем. Для подозрительных в лагере все будет указывать на нее как на шпионку. Приказы Белой никогда не были рассчитаны на ситуацию вроде той, в которой она сейчас оказалась. Обычно сидишь за благопристойным ужином в Парии со всем его этикетом или с горластыми пиратами, угощающими тебя рыбой-собакой. Там тоже был свой этикет, и если нарушишь, то получишь лакомый кусочек с ядом, после чего десять минут мучительной агонии – и конец.

А здешнего этикета Каррис не знала.

Конечно, Гэвин сожрал бы целиком ту клятую рыбу – и каким-то чудом она не повредила бы ему. Гэвину все давалось легко. Ему никогда не приходилось трудиться ради чего бы то ни было. Он родился с огромным талантом у богатого отца-интригана, так что просто брал что хотел. Даже правила положения Призмы не связывали его – он болтался по Семи Сатрапиям без эскорта Черной Гвардии, когда не хотел со-

провождения. А теперь он может пересекать Лазурное море за несколько часов. Оролам, он еще и летать может.

Вон из моей головы, лжец. Все кончено.

Концы не сходились. Здесь ложечек не было, и у урумов было не три зубца, а тысяча. Прекрасно. Каррис не собиралась возвращаться домой. Она не собиралась ждать, пока кто-то возьмет ее за ручку и приведет в лагерь Гарадула. Она не собиралась терпеть поражение. Есть и другие способы узнать о планах короля.

Конечно, она не знала этих способов, но собиралась их выяснить. А пока она вспомнила, что говаривал брат Койос, пока не погиб в огне: «Когда не знаешь, что делать, делай то, что правильно и прямо перед тобой. Но то, что перед тобой – не обязательно правильное».

Город Ректон сожжен дотла. Один человек уцелел. Могут быть и другие, а если так, то они сейчас отчаянно нуждаются в помощи и, возможно, защите. Это Каррис могла им дать.

И если при этом надо будет испепелить какого-нибудь засранца огненным шаром величиной с дом, тем лучше.

Глава 21

Они буквально летели вниз по реке. Кип никогда в жизни так быстро не путешествовал. Призма не говорил ни слова, погружившись в свои мрачные мысли. Большую часть дня Гэвин Гайл заставлял двигаться то, что у ялика было вместо весел – некоторое время это было почти как ползти по веревочной лестнице, потом как раздувать меха в кузне, затем как грести веслами, затем как толкать тележку по рельсам. Гэвин трудился на одном снаряде, пока не выдохался, не сводило мускулы, а тонкая не рубашка пропитывалась потом. Затем он немного извлекал, весла обретали несколько иное очертание, что давало самой усталой группе мышц немного отдохнуть, и он продолжал работать.

Когда Кип наконец сумел заговорить, он спросил:

– Сударь, мм, он забрал мой ларчик? – Он не собирался спрашивать о Каррис Белый Дуб или о том, что сказал Гэвин. Не сейчас. Никогда.

Гэвин посмотрел на Кипа, жестко сжав губы. Кип тут же пожалел, что заговорил.

– Либо это, либо твоя жизнь.

Кип помолчал, потом сказал:

– Спасибо, сударь. Что спасли меня. Это было лучше, чем сказать – но он был мой! Это было последнее – единственное, – что моя мать дала мне!

– На здоровье, – ответил Гэвин. Он оглянулся назад, на реку. Его мысли явно витали где-то в другом месте.

– Ведь этот человек виновен в смерти моей матери, правда? – спросил Кип.

– Да.

– Я думал, вы убьете его прямо на месте. Но вы не стали.

Гэвин окинул его оценивающим взглядом. Голос его звучал отстраненно.

– Я не хотел гибели невиновных ради того, чтобы убить виноватого.

– Они не были невиновны! Они убили всех, кого я знал! – По лицу Кипа потекли слезы. Он ощущал себя разорванным в клочья, оторванным от корней, убитым.

– Я говорил о тебе.

Кип осекся, но чувства его оставались в смятении. Он не позволил Гэвину убить короля Гарадула? У него слов не было выразить свои чувства. Он снова подвел свою мать. Собственным невежеством он остановил месть за нее.

Я все исправлю, мама. Душой клянусь, я убью его. Клянусь.

Они миновали с полдюжины деревень и обогнали с десятков лодок. Река, вбирая притоки, становилась шире. Но Гэвин остановился лишь раз, чтобы купить жареную курицу, хлеба и вина. Он бросил их Кипу.

– Ешь.

Они снова отчалили. Гэвин не ел. Он не говорил и даже

не замедлялся, когда они проплывали мимо рыбаков, испуганных их видом. Лишь на закате, когда солнце село и Гэвин взялся за весла, Кип снова осмелился заговорить:

– Я... могу помочь, сударь?

Призма смерил его оценивающим взглядом, словно даже не ждал от него помощи. Но сказал:

– Я действительно был бы не против. Становись сюда и просто иди. – Сам он бежал. – Можешь использовать эти ручные весла в помощь, если захочешь. Рули, табаня веслом с той стороны, куда хочешь повернуть. Правое для правого, левое для левого поворота, понял?

Кип заморгал.

Наверное, паника откровенно читалась на лице Кипа, поскольку Гэвин хихикнул.

– Забудь. Просто иди, пока не устанешь или мы не наткнемся на пороги или бандитов. Я намерен немного отдохнуть.

Гэвин сел на место Кипа и занялся остатками курицы и хлеба. Он смотрел, как Кип пытается разогнать ялик до половины приличного хода. Кип повернул пару раз – это оказалось очень просто – и посмотрел на Гэвина, ожидая похвалы, но Призма уже спал.

Четвертинка луны повисла над головой с наступлением ночи, когда Кип начал ходьбу. Ялик шел быстро даже на Киповой тяге. Гэвин сузил корпус еще сильнее после ухода Каррис, так что ялик скорее летел над водой, чем взрезал

ее. Спустя несколько минут Кипа охватила тревога. Он за каждым поворотом ждал бандитов и боялся, что Призма не проснется. Но вскоре он вошел в ритм лодки, волн и ночи.

Вдалеке заухала сова, летучие мыши чертили воздух, пожирая насекомых, летавших высоко над водой, а форель в прыжке хватала тех, кто был слишком низко. Ялик вспугнул цаплю, и та улетела в ночь на больших голубых крыльях.

Постепенно покой, который дарила ночь, овладел Кипом. Река стала гладкой как зеркало, и в ней отражались звезды. Он увидел сгрудившихся у берега уток, спавших, сунув голову под крыло. А затем он еще раз посмотрел на своего предполагаемого отца.

Гэвин Гайл был мускулистым, широкоплечим, но поджарым настолько, насколько толстым был Кип. Кип искал хоть какого-то сходства, хоть какого-то намека, что все это правда. Гэвин был светлокожим – как помесь рутгарца, у которых были зеленые или карие глаза, темные волосы и оливковая кожа, и уроженцев Кровавого Леса с васильково-синими глазами, пламенно-рыжими волосами и бледной кожей. У Гэвина были волосы цвета вороненой меди, а глаза, конечно же, были глазами Призмы. Когда он извлекал, они становились того цвета, который он использовал, и могли мгновенно измениться. Когда Гэвин не извлекал, глаза его переливались, словно сами были призмами, каждое мерцание посылало сквозь его зрачки каскады новых цветов. Они были самыми умопомрачительными, которые только видел Кип.

От таких глаз ежились сатрапы и падали в обморок королевы. Глаза Избранного Ороламом. Глаза Кипа были чисто голубыми, что всего лишь отмечало его как помесенка. Может, это было наследием Кровавого Леса. Как и у большинства людей, у тирейцев были темные глаза. У Кипа были темные тирейские волосы, но вьющиеся тугими колечками, как у парийца или илитийца, а не прямые или волнистые. Достаточно, чтобы его считали странным, но недостаточно, чтобы быть сыном этого человека. Конечно, его мать тоже не была похожа на тирейку, что усложняло дело. Темнее прочих, с курчавыми волосами и ореховыми глазами. Кип пытался представить, как мог бы выглядеть ребенок этого человека и его матери, но не получалось. Смешай побольше кровей и кто знает, что выйдет? Может, не будь он таким толстым, он мог бы понять. Может, это просто жестокая шутка. Вранье. Призма? Сам Призма? Как такой человек может быть отцом Кипа? Он сказал, что даже не знал о его существовании. Как такое могло получиться?

Ответ был очевиден. Была война. Армия Гэвина встретила с войском Дазена недалеко от Ректона. Так что пока они проходили через город, Гэвин повстречался с Линой. Он был Призмой и шел навстречу возможной смерти. Она была юной хорошенькой девушкой, чей город был уничтожен. Она переспала с ним. Затем он отправился убивать брата – возможно, на следующий день – и в послевоенных трудах, восстановлении, добивании остатков мятежа, союзов он, навер-

ное, ни разу о ней потом и не вспомнил. А даже если и вспомнил, Тирея тогда была не самым дружелюбным или безопасным местом для Призмы. Она была на стороне Дазена, злого брата, и в результате обошлись с ней жестоко.

Или, может, Гэвин изнасиловал Лину. Но тогда это было бессмысленно. Зачем насильнику заявлять о своем отцовстве? Тем более что Гэвину это дорого стоило.

Кип мог представить свою мать беременной, незамужней, брошенной в разоренном Ректоне. Конечно, она хотела бы уехать. Кип был ее единственной надеждой. Что она могла сделать? Отправиться в одиночку в Гарристон, откуда победители правили Тиреей? Это он вполне мог представить. Его мать перед губернатором, требует встречи с Гэвином Гайлом, поскольку она носит его ребенка. Ей очень повезло бы, если бы она дошла с этой историей до губернатора. Ее изгнали, и все ее мечты о хорошей жизни пошли прахом.

Каждый раз, когда она смотрела на Кипа, она видела не свой выбор, а «предательство» Гэвина и свое разочарование. Кип был утраченной мечтой.

Где-то через полтора часа Кип устал. Его руки ныли. Он подумал – как же Гэвин почти бежал часами. Подумал о том, что если так быстро разбудит Призму, это будет позором. Он всегда быстро выдыхался, но если преодолевал первую усталость, то у него открывалось второе дыхание. Нет, он не собирался будить Призму. Еще чего. Пусть отдыхает. Он заслужил. Кип будет шагать, пока Гэвин не проснется. Даже

если он от этого сохнет. Он поклялся.

От клятвы Кипу стало легче на душе. Он был ничтожеством. Ничем. Но он мог обеспечить самому Призме хороший сон. Он может что-то сделать. Он может иметь значение, пусть и крошечное, но это больше, чем у него было за всю его жизнь.

Он продолжал шагать. Призма спас его сегодня. Сам Призма! Гэвин щелкнул по носу короля Гарадула. Он убил двадцать или больше его Зерцал – и был таков. А Кип все это усложнил, попытавшись напасть на короля. Как он мог быть таким дураком? Что мог сделать с королем Кип при всех этих извлекателях? Тупица!

Несмотря на ночную прохладу, Кип вскоре был весь в поту. Быстрая ходьба превратилась в бег трусцой, но все равно лодка шла на скорости галопирующей лошади.

Кип был настолько сосредоточен на ходьбе, что наткнулся на лагерь прежде, чем заметил его. Там вокруг костра сидело около десятка человек, они пили и смеялись, в то время как один брэнчал на чудовищно расстроенной лютне. Кип продолжал труситься, и до него с трудом дошло, что это такое. Все люди были вооружены, включая того, кто вроде бы стоял на страже – тот держал у плеча заряженный арбалет.

Кип хотел было шепотом позвать Гэвина, но они были так близко, что любое слово, которым он разбудил бы Призму, услышал бы и арбалетчик, стоявший прямо на грани круга света от костра, повернув голову к товарищам.

Лодка шла по воде лишь с легким шелестом. За треском разбойничьего костра ее не слышали бы. Разбойники частично перегородили реку, накидав валунов с каждой стороны. Они положили поверх доски, чтобы сделать настил с небольшим проходом посередине. Любая лодка, которая попытается пройти, будет в досягаемости как минимум их копий.

Кип мог отцепиться от весел и тронуть Гэвина за плечо, но что может сделать Гэвин? Стояла ночь. Недостаточно света для Призмы. Может, Кипу надо было разбудить его раньше. Теперь уже слишком поздно. Наверное, он погубил их. Ему надо рвануть к проходу и надеяться на лучшее.

Он направил лодку в проход и ахнул, когда в последний момент луна осветила воду и открыла финальную ловушку разбойников: крепкий заостренный кол, вбитый в дно реки и торчавший на несколько пальцев над поверхностью воды. Любой, кто попытается пройти, напорется на него, продырявив свое судно.

Люксин обшивки лодки едва скользнул по колу, и они прошли мимо. Кип бросил взгляд на арбалетчика, когда лодка миновала ловушку. Тот был всего на несколько лет старше Кипа. Он счастливо смеялся, протянув руку к другому человеку за бурдюком вина.

Кип был уже по ту сторону преграды. Арбалетчик обернулся, помотал головой, затем замер, увидев Кипа. В темноте прозрачный люксин должен был быть невидимым для ослеп-

ленного костром часового. Он видел, как мимо него пробежал толстый подросток – по реке. Невероятно.

Кип улыбнулся и сделал ему ручкой.

Часовой поднял руку и помахал в ответ. Замер. Оглянулся на товарищю у костра. Открыл было рот, чтобы поднять тревогу, но промолчал. Снова повернулся к реке, высматривая Кипа. Его все еще вполне можно было достать болтом. Кип это знал, но не разгонялся, хотя в этот момент у него были силы. Любое его действие могло спровоцировать часового.

Часовой всматривался в ночь вслед убегающему призраку – и не сказал ничего. Он потер лоб в ступоре, помотал головой и снова обернулся к друзьям. Вот тогда Кип побежал. Бежал он недолго, но спустя минуту ялик уже был в сотне шагов ниже по течению. Кип вернулся к ходьбе. Улыбнулся. Может, он и тупой, но ему удалось справиться, не будя Призму.

Он не знал, сколько он шагал. Кип пытался следить за берегом, но усталость овладела им. Он проходил мимо маленьких лагерей – разбойничьих или обычных путников, мальчик не мог сказать. Но каждый раз, заведя их, он замедлялся, пока не убеждался, что все в лагере спят. Он даже раз расфокусировал взгляд и смог увидеть больше спящих, чем сфокусированным взглядом, но часовые больше не попадались.

Небо не светлело долгие тысячи лет. Ноги Кипа ныли.

Легкие горели. Он едва ощущал руки, но отказывался остановиться. Даже если он едва волочил ноги, ялик шел вдвое быстрее любой плоскодонки.

Наконец солнце коснулось небосвода. Как всегда, день настал задолго до того, как солнце взошло над горами Карсос. А Призма все не просыпался. Кип не стал останавливаться. Не сейчас. Он шел всю ночь. Конечно, Призма может проснуться в любой момент и увидит, что сделал Кип. Он будет впечатлен. Он иначе посмотрит на Кипа. Кип будет не просто грузом, позором, ублюдкой, которого спокойно признают, а потом избегают.

Призма заворочался, и сердце Кипа подпрыгнуло. Но затем он снова улегся, и дыхание его опять стало ровным. Кипа охватило отчаяние. Он посмотрел на солнце. Неужели придется ждать, пока солнце не ударит Призме прямо в лицо? Это как минимум еще час. Кип сглотнул. Его язык пересох и распух. Как давно он не пил? У него под ногами река, а он умирает от жажды.

Ему надо попить. Давно уже. Если он не попьет, он упадет в обморок. Бурдюк Призмы был меньше чем в шаге от него. Кип остановился. Ноги его дрожали. Ступни онемели, и теперь, когда в них хлынула кровь, они заболели. Он выпутался из весельного механизма и шагнул к бурдюку.

Попытался. Онемевшие ноги запутались, и он упал вперед, едва успев извернуться, чтобы не рухнуть на Призму. Врезался плечом в планшир, и внезапно все преимущества

ялика обернулись бедой. Неглубокая осадка, позволившая ему проскользнуть над разбойничьей ловушкой, не предполагала стабильности. Бочкообразная скользкая обшивка, позволявшая ловко огибать камни, при внезапном смещении веса грозила катастрофой.

Минуту назад Кип смотрел на реку с высоты нескольких пальцев. В следующее мгновение лодка перевернулась. Кип полетел вниз головой. И хотя вода залила ему уши, а плеск собственного барахтанья и удар лодки о воду заглушали все, ему показалось, что он услышал мужской вопль.

Вода была теплой. Кип испытывал такое унижение, что решил умереть и покончить с этим. Он только что макнул Призму в реку.

Оролам!

Да уж, Кип, сейчас он действительно впечатлен.

Затем легкие у него взорвались болью, и мысль о том, чтобы тихонько умереть, стерев пятно позора с лица творения, перестала быть привлекательной. Кип вяло забарахтался. Ноги в тот же момент решили, что сейчас самое время для судорог. Затем свело левую руку. Он забил по воде, как однокрылая птица, глотнул воздуха и снова ушел под воду. Часть его знала, что он может держаться на воде. Кип проплыл много лиг по реке только вчера, но сейчас паника вцепилась в него мертвой хваткой. Он задергался, не вовремя сделал вдох и нахлебался воды.

Голове было больно. Оролам, словно кто-то вырывает все

его волосы сразу.

Он плевался и кашлял. Он был на воздухе! Сладкий, драгоценный воздух! Кто-то вытянул его из воды за волосы. Он кашлянул еще пару раз и наконец открыл глаза.

Призма подмигивал ему – нет, не подмигивал. Призма смаргивал воду, которую Кип сейчас выкашлял прямо ему в лицо.

Пусть я умру прямо сейчас.

Гэвин втащил Кипа в ялик – теперь он был шире, с килем, куда устойчивее прежнего. Кип свесил голову и стал растирать руку и ноги, пока те снова не задвигались. Призма стоял над ним и ждал. Кип сглотнул, поморщился и приготовился выдержать гнев этого великого человека. Он робко поднял взгляд.

– Люблю поплавать по утрам, – сказал Гэвин. – Очень полезно.

И подмигнул.

Глава 22

Дазен Гайл проснулся медленно, его чувства донимала отупляющая мягкость синевы его темницы. Три удара, три шипения, и на пол упал его завтрак. Не обращая внимания на холод в конечностях, боль в затекшем теле после сна на синем люксине под тонким одеялом, он сел и скрестил руки на груди.

Мертвец фальшиво насвистывал, привалившись к противоположной стене, отбивая головой несуществующий ритм.

Безумие синевы – безумие порядка. Одержимый понял бы все тонкости темницы Гэвина. Но каждый раз, как Дазен впадал в безумие, он боялся, что никогда не выйдет из него. Последняя попытка была, наверное, много лет назад. С тех пор он извлекал много синего. Но выбрать погружение в синий – выбрать уничтожение.

– Дазен, – сказал мертвец. – Нынче утром ты ведь Дазен, верно? – Это был излюбленный трюк мертвеца – делать вид, что безумен здесь Дазен. – Ты же не думаешь сделаться одержимцем, верно?

Он ненавидел своего брата за это, за принуждение к этому выбору. Но в этой ненависти не было страсти. Это был голый факт, столь же голый, как и его руки, лишённые тайны.

Довольно. Лучше забвение, избранное им самим, чем вечная пытка по воле его брата.

Дазен извлек синий как выдохнул. Его ногти окрасились в ненавистный синий, его кисти, руки. Синева расплзлась по его груди как льдистый рак и остудила его. Сама его ненависть стала странностью, загадкой, чем-то столь иррациональным и мощным, что ее невозможно было ни исчислить, ни понять, а лишь приблизительно оценить. Синева наполнила все его тело.

– Плохая идея, – сказал мертвец. – Не думаю, что на сей раз ты сумеешь выбраться. – Он принялся жонглировать маленькими люксиновыми шариками. Сейчас он уже мог справляться с пятью. Когда Дазен встретился с ним впервые, мертвец едва удерживал три.

Без ослепляющей страсти он смог оценить камеру. Его брат был гениален. Что он сказал, отправляя его в заточение?

– Я сделал эту темницу за месяц, ты можешь выбираться из нее сколько хочешь. Считай это испытанием.

Каждый раз, как он сдавался, он возвращался к этому заявлению. Это был допуск несовершенства. Из этой клетки можно вырваться. Где-то была слабость – надо просто найти ее.

– Адский камень – не слабость, – сказал мертвец. – Я не говорил тебе? Он слишком уважает тебя. Он заглубляется не на пару пальцев, а на пару шагов.

На миг он засек человеческую эмоцию на грани осознания. Потеря – гнев на то, как он втирал в камень мочу и сало, годы деградации впустую. Его брату неинтересно доводить

его до безумия. Это не в его духе. Все эти усилия впустую. Он повращал эти чувства как странный камешек в руках, затем отбросил. Они лишь туманили его зрение.

Что-то было прямо у него под носом, только он не видел этого. Это должно быть очевидным, просто надо посмотреть на проблему под другим углом. Его брат отличался тем, что умел мыслить своеобразно.

– Может, единственный вопрос в том, собираешься ли ты делать это по-гэвиновски или по-дазеновски? – спросил мертвец. На его губах была эта снисходительная насмешливая улыбочка. Когда он так улыбался, Дазену хотелось разможжить ему лицо.

Но, возможно, он прав. Вот в чем ловушка – пытаться сделать это по-гэвиновски. Если он будет делать это так, как сделал бы его брат, он лишь погрязнет еще глубже.

Он опустил свои полные люксина руки к полу, ощутив очертания всей структуры. Камера, естественно, была заперта и ограждена от простого магического взлома, но, как и прежде, к югу она ощущалась иначе. Не то чтобы он был уверен, что это южная сторона, он просто решил, что та сторона, где ощущение иное, будет для него югом, его магнитом. Там стоял его брат, когда приходил к нему.

Этого не случилось уже давно, но за синими люксиновыми стенами там была комната, куда Гэвин мог прийти, чтобы проведать брата и удостовериться, что он по-прежнему в заточении, по-прежнему крепко огражден от мира и по-преж-

нему страдает так, как он надеялся. Это было бы тем самым изъясном. Люксин здесь должен быть тоньше, проще, чтобы Гэвин мог им манипулировать, видеть сквозь него. Конечно, она охраняется, но не мог же Гэвин предусмотреть всего. У него был всего лишь месяц.

Но любая попытка Дазена с огнем приводила к провалу. Красный люксин был горяч, так что он думал, что если порежется, то сможет извлечь красный люксин. Он и извлекал – чуть-чуть. Но это было впустую, если он не мог заставить его гореть. Огонь дал бы ему полный спектр света для работы с ним – и пленник смог бы выйти наружу. Но ему нечем было высечь искру. Попытка извлечь тепло из собственного тела чуть было не сработала – или он так думал, и чуть не погубил себя, когда в последний раз слишком переохладился.

Это просто было невозможно. Он умрет здесь. Он ничего не мог сделать.

Он создал кувалду и с воплем ударил по стене. Конечно, кувалда разлетелась, не оставив и царапины. Дазен потер лицо. Нет, отчаяние – враг. Он должен беречь силы. Завтра он углубит ямку. Может, завтра все получится. Он знал, что нет, но все равно держался за эту ложь.

В стене хихикал мертвец.

Глава 23

– Нам надо поговорить о твоём будущем, – сказал Гэвин. – У тебя есть выбор.

Кип смотрел на Призму через костер. Ночь быстро опускалась на их маленький островок. Кип проспал много часов, видимо полностью пропустив Гарристон, и проснулся, лишь когда их лодка вздрогнула, врезавшись в песок с наступлением ночи.

– Сколько я проживу? – спросил Кип. Он был зол, голоден и лишь сейчас начал осознавать кое-какие возможные последствия того, что случилось в последние два дня.

– Это вопрос к Ороламу. Я лишь его скромная Призма, – сказал Гэвин с кривой усмешкой. Он смотрел во тьму.

– Вы знаете, о чем я. – Это получилось грубее, чем намеревался Кип. Все, кого он знал, были мертвы, а ему предстояло стать зеленым извлекателем. Он видел свое будущее в лице того цветочка: просто смерть или безумие, а потом смерть.

Гэвин резко глянул на Кипа. Он заговорил было, но оборвал себя, а затем наконец произнес:

– Когда ты извлекаешь, это меняет твоё тело, а тело толкует это изменение как повреждение – оно исцеляет его, когда может, но всегда проигрывает битву – как старости. Большинство мужчин доживают до сорока лет. Женщины в сред-

нем до пятидесяти.

– Тогда Хромерия нас убивает или мы сходим с ума?

Лицо Гэвина окаменело.

– Ты впадаешь в эмоции. Не думаю, что ты к этому готов.

– Не готов? – сказал Кип. Гэвин был прав, Кип это знал.

Он был на грани. Ему следовало просто заткнуться, но он не мог сдержаться. – Я не был готов к тому, чтобы все, кого я знал, были убиты. Я не был готов к тому, чтобы заколоть всадника и прыгнуть в водопад. Слова ничто. Как это? Как только мы перестаем быть полезными, мы должны убивать себя? – Почему он кричит? Почему он дрожит? Оролам, он же поклялся убить короля, он что, уже спятил?

– Что-то вроде.

– Или сделаться цветодеем? – спросил Кип.

– Верно.

– Что же, видать, мы говорим о моем будущем, – зло сказал Кип. Он понимал, что он хамит, но сдержаться не мог.

– Я не это имел в виду. И ты это знаешь, – сказал Гэвин.

– Да откуда тебе знать, что я знаю, отец?

Это было похоже на освободившуюся пружину. Только что Призма сидел у костра напротив Кипа. Через мгновение он уже стоял перед Кипом с занесенной рукой. В следующий момент Кип лежал на песке, в ушах звенело от оплеухи Гэвина, задница была расцарапана о бревно, с которого его снесло, и от падения из легких выбило воздух.

– Ты прошел сквозь ад, так что я дал тебе больше воли,

чем кому бы то ни было еще. Ты прощупывал предел? Ты его нашел.

Кип поднял взгляд, переводя дыхание. К углу рта прилип песок. Он стер его. Просто слюна, не кровь.

– Ороламовы яйца! – сказал он. – Я нашел предел! Величайшее открытие со времен Арисса Мореплавателя!

Гэвин задрожал, лицо его застыло как маска. Он поиграл плечами, подергал шеей вправо-влево. Хотя Кип сидел спиной к костру, он прямо видел завихрения красного люксина в глазах Призмы.

– Что ты хочешь сделать? Побить меня? – резко спросил Кип. Это всего лишь боль.

Иногда Кип ненавидел себя за то, что видел слабые точки людей. Призма угрожал ему, и первое, что увидел Кип – пустоту угроз. Гэвин не мог бить его именно потому, что Гэвин был хорошим человеком, а Кип был беззащитен.

Взгляд Гэвина убийственно помрачнел, затем прояснился до простой напряженности. Краткий проблеск изумления.

– Сделай глубокий вдох, – спокойно сказал он.

– Что?

Призма отмахнулся, словно отгонял муху. Ком красного люксина слетел с его руки и залепил рот Кипа. Кип сделал глубокий вдох через нос прежде, чем люксин расплылся и накрыл и его тоже. Затем он обернулся вокруг затылка мальчика и застыл. Только глаза Кипа остались открыты, рот и нос были затянуты полностью.

Он не мог дышать.

– Ты напомнил мне брата, – сказал Гэвин. – Я никогда не мог победить его, пока мы росли. А когда мне удалось, он похвалил меня с такой снисходительностью, что я задумался – а не позволил ли он мне победить. Ты видишь трещины во всем? Отлично. Достаточное подтверждение твоей принадлежности к Гайлам. Это наше семейное. Включая меня. Подумай, Кип: я избавлюсь от многих проблем, если оставлю эту маску у тебя на лице, пока ты не умрешь. Так что подумай дважды, прежде чем пытаться давить на совесть. Может оказаться, что у человека ее нет.

Кип слушал, сохраняя силы, пытаясь не поддаться нарастающей панике, уверенный, что после того, как Гэвин закончит говорить, он снимет люксин с его лица. Однако Гэвин замолк, но маску не убрал.

У Кипа свело живот, когда его диафрагма задержалась, пытаясь втянуть свежий воздух и вытолкнуть мертвый. Ничего.

Он схватился за шею, пытаясь найти место, где люксин прилегал к коже. Но шов был гладкий, маска прилипла к коже плотно. Он не мог подсунуть под нее даже ногтя. Он ощупывал голову, место вокруг глаз. Если он сможет вонзить ногти в мягкую кожу вокруг глаз, ему удастся приподнять маску и просунуть под нее палец. Зрение его угасало. Он посмотрел на Гэвина умоляющим взглядом, уверенный, что сейчас-то он снимет ее.

Гэвин безжалостно наблюдал за ним.

– Если ты будешь уважать лишь силу, Кип, то, во-первых, ты дурак, а во-вторых, ты попал в нужные руки.

Кипа охватила паника. Он должен был догадаться. Кип бился, пытался закричать, добраться до тонкого края люк-сина возле глаз – но едва успел коснуться его, как руки его упали. Он должен был знать, что нельзя доверять...

Глава 24

Пробираясь через лес целый день до самой ночи, Каррис впервые осознала, что Ректон – это вон то огромное ровное свечение. Ночь уже давно наступила, воздух в подлеске стал холодным. Каррис достаточно умела работать с субкрасным, чтобы видеть в темноте, но не в совершенстве, и в лунную ночь вроде нынешней она постоянно переходила с ночного зрения на обычное. Свет ниже видимого спектра был грубее; он не позволял тонко различать черты. Даже лица выглядели как теплые комки, поярче тут и там, но гораздо сложнее было угадать выражения лиц или мелкие движения – или даже увидеть лицо издалека.

Свечение означало, что Ректон все еще горит. Каррис медленно обходила его, взобравшись на последний холм. Она держалась вдали от дороги, восхищаясь водопадом возле города в лунном свете. За весь день Каррис не видела на дороге никого, что показалось ей странным. Раз ни единая душа не спасалась из Ректона по реке, это, вероятно, означало, что никому не удалось уйти. Но также странно было идти вдоль реки по пахотным землям и не наткнуться ни на одно поселение. Она видела апельсиновые сады, за которыми явно не ухаживали после войны, но плоды все еще висели на ветках. Апельсинов было мало, деревья были слишком лохматыми и росли хаотично по сравнению с картин-

ками сбора урожая, которые видела Каррис, но все же они здесь. Трудно было в это поверить, судя по цене тирейских апельсинов. Тирейские апельсины были мельче, но слаще и сочнее аташийских, а парийские вообще в сравнение не шли. Никто не вернулся после войны? Неужто Битва у Расколото́й Скалы действительно унесла шестнадцать лет назад жизни стольких, что земля запустела, плодонося лишь для оленей и медведей?

Каррис не видела трупов, пока не пробралась во все еще горящий город, надев свой плащ с капюшоном. Она шла по главной дороге, вымощенной ровно и хорошо ухоженной: для Каррис это был знак хорошего управления. Обгорелое тело посреди улицы лежало лицом вниз, одна вытянутая рука указывала пальцем в центр города. Только эта рука и палец не обгорели. Головы не было.

Такого пожара она не видела с самой войны. На войне армии сходились не раз в таких местах, где трупы невозможно было похоронить, и не хватало дров для погребальных костров. Трупы надо было убирать, чтобы не потерять солдат из-за заразы, так что красные извлекатели поливали тела струей красной слизи. Быстрое покрытие, даже если и небрежно извлеченное, можно было легко поджечь, и дело сделано. Но это не было кремацией. Если тела сжигали отдельно, а не грудой, оставались кости. Если извлекатель не был тщателен, отдельные части тел не догорали до костей. Грудные клетки и черепа были забиты дымящимся мясом – неплохо для вой-

ны, когда тебе надо избавиться от вражеских трупов, чтобы избежать распространения болезней, но плохо для твоих соотечественников.

Король Гарадул не сражался на той войне, но он применял худшие ее методы к собственному народу.

Как она и предполагала, указующий перст мертвеца привел Каррис к еще большему количеству трупов. Поначалу попадались отдельные тела, затем по одному на каждые тридцать шагов, двадцать, десять. Все были обезглавлены. Затем тела уже лежали плотными рядами по сторонам главной дороги, идущей мимо дымящихся, обрушившихся домов и лавок. Камни ухоженной мостовой здесь потрескались от жара. По брусчатке тянулись следы. Поначалу она не поняла, что это, но вблизи все стало очевидным – это были следы волочения, мазки подсохшей крови, где-то суточной давности, от обезглавленных тел, которые стаскивали с площади.

Она постояла среди чада и крови, прежде чем зайти за угол, за которым должна была быть городская площадь. Она обнажила короткий меч, но очков не надела. Если здесь и есть ловушка, то именно там, но вокруг достаточно красноты и жара, чтобы при необходимости она могла вести бой при помощи магии. Даже если бы она и не планировала прямого внедрения, незачем заявлять о себе как об извлекателе, если нет нужды.

Когда время настанет, она объявит о себе огнем.

Каррис обогнула угол.

Оролам...

Они не расплавили головы. Они сохранили их в сине-желтом люксине и сложили посередине городской площади. Раскрытые глаза, изуродованные лица, кровь, стекающая с верушки до низа, как шампанское по пирамиде на Балу Люксократов. Каррис почти ожидала чего-то в таком духе после всех этих обезглавленных тел, но одно дело ожидать, другое – увидеть. Тошнота подкатила к горлу.

Каррис отвернулась и стиснула челюсти, быстро заморгав, словно веки могли стереть этот ужас с ее зрачков. Она осмотрела остальную площадь, чтобы желудок успокоился.

Если бы Гэвин это видел, он убил бы короля Гарадула. Безжалостный, как море, справедливый, как Оролам, он уничтожил бы всех до единого этих тварей. Что бы он ни делал на войне и до нее, какую бы боль он ни причинил Каррис – со времен Войны Ложной Призмы Гэвин странствовал по Семи Сатрапиям, верша справедливость. Он дважды топил флот илитийских пиратов, убил разбойничьего короля Синеглазых Демонов, установил мир, когда грянула война между Рутгаром и Кровавым Лесом, и покарал Мяслика из Ру.

Люди любили его – кроме тирейцев. Но пусть и за тирейцев, он свершил бы здесь страшную месть. Он бы такого не стерпел.

Большинство зданий представляло собой груды обломков, дымящихся в предрассветных сумерках. Тут и там вид-

нелись отдельные уцелевшие стены, закопченные и почерневшие. Дом алькадесы, если это был он – самое большое здание со ступенями, выходящими прямо на площадь, – был стерт с лица земли. Солдаты срыли его, здесь не осталось камня на камне.

Но сама площадь была цела. Горелые обломки либо убрали с нее на улицы, либо сбросили в реку, огибавшую площадь с запада. Король Гарадул не хотел, чтобы что-либо отвлекло посетителя от его чудовищного трофея. Взяв себя в руки, Каррис снова посмотрела на пирамиду из человеческих голов. Все потеки, все следы волочения вели сюда. Трупы – Каррис надеялась, что они были уже трупами, когда попали сюда – были обезглавлены здесь, чтобы пирамида выглядела как можно более кровавой. Это был спектакль. Король Гарадул хотел, чтобы все вело к этому ужасу.

Пирамида была выше Каррис. Головы, венчавшие ее, были детскими – круглощечкие маленькие мальчики и девочки с лентами и бантиками в косичках.

Каррис не вырвало. В этом было нечто, оставившее ее холодной. По ее и их возрасту это могли быть ее дети. Она поймала себя на том, что считает головы. В основании их было сорок пять, ширина пирамиды была равна ее высоте, ее возвели с математической точностью. Детские головы были меньше, и невозможно было сказать, плотная ли эта пирамида или ее сложили вокруг аналогичной конструкции из чего-то другого, поменьше. Пальцы Каррис шевелились, когда

она мысленно передвигала кости абаки налево и направо.

Если пирамида была вся из голов, то их тут было около тысячи.

Холодок пробежал по ее коже – предвестник рвоты. Она отвела взгляд.

Ты шпионка, Каррис. Ты должна выяснить все важное.

Сделав глубокий, затяжной вдох, она изучила нижний угол пирамиды, затем ребро структуры. Оно было сделано из нескольких слоев люксина. Король Гарадул хотел, чтобы она простояла много лет. По пирамиде можно было бить кувалдой и даже сделать в ней трещину, но не разбить. Невозможно было похоронить эти головы или убрать жуткий памятник.

Это мастерство предполагало, что у Гарадула есть некоторое количество – и немалое – очень талантливых и умелых извлекателей. Плохие новости. Каррис слышала, как Гэвин говорил, что король Гарадул скорее всего основывает псевдо-Хромерию для обучения собственных извлекателей подалеже от ока действующей власти. Это все было довольно твердым доказательством правоты Гэвина.

– Ублюдок, – сказала Каррис. Она не была уверена, кого имеет в виду – Гарадула или Гэвина. Чушь какая. Она смотрит на груды голов и злится на Гэвина так же, как на тварь, что это устроила? Из-за того, что он во время войны переспал с какой-то девкой? Безумие, но даже после огромного пожара, уничтожившего все в ее жизни и погубившего ее

братьев, Каррис тянуло перейти на сторону Дазена, пусть и не до конца. Хотя бы просто для того, чтобы услышать, что он сам говорит об этом. Возможно, Гэвин догадывался.

Или, может, именно чувство вины за эту незаконную связь заставило Гэвина разорвать их помолвку сразу после войны.

Итак, он изменил. Привет, судьба всех женщин, влюбленных в великих мужчин. Насколько ты знаешь, это была единственная ночь слабости накануне последней битвы, какая-то красotka набросилась на него, и он единственный раз не сказал «нет».

Верно. Но насколько я знаю, каждая ночь – ночь слабости. Это было много лет назад, Каррис! Лет! Как вел себя Гэвин все эти годы после войны?

Кроме разрыва нашей помолвки, когда я осталась ни с чем?

Как он обращался с тобой последние пятнадцать лет?

Достойно. Будь он проклят. Не считая лжи и тайн. Что он там сказал? «Не жду, что ты поймешь меня или даже поверишь, но клянусь, что бы ни было в том письме, это неправда». Что-то в этих словах зацепило ее. Зачем ему усугублять ложь?

Ветер сменил направление, и площадь затянуло дымом. Каррис закашлялась, глаза ее саднило. Но когда она прекратила кашлять, она услышала треск. Еще один. Затем в квартале от нее в опаленные остатки дома обрушилась труба. Рас-

свет был красным – игра дыма и спектра, не небесное отражение пролитой здесь крови.

Каррис начала обшаривать город, выискивая уцелевших и оценивая разруху. Делай что должно, что прямо перед тобой. Город было не просто сжечь. Дома были каменными, хотя и с деревянными перекрытиями, деревья стояли зелеными либо от ручного полива – река бежала через весь город – или их корни уходили глубоко. Но каждый дом в центре сгорел полностью. Значит, красные извлекатели. Наверняка шли по домам, поливая красным люксином все деревянные балки.

Каррис прорыскала два часа, перебираясь через груды мусора на улицах, иногда приходилось обходить целые кварталы. Она замотала лицо мокрой тряпкой, но голова все равно кружилась, и Каррис часто кашляла.

Она не нашла ничего, кроме еще нескольких трупов и угрюмых собак.

Весь скот угнали. Городской храм был местом небольшого боя. Тело люксиата, обезглавленное, как и все прочие, лежало снаружи у дверей. Каррис представила, как он угрожает солдатам снаружи, пытаясь защитить паству, ищущую убежища в стенах храма. Внутри она нашла садовые ножницы, топор, ножи и пару тесаков, один сломанный меч и обезглавленные тела. И повсюду запекшаяся кровь. Балки были опалены, но не загорелись. Либо кривое извлечение, либо религиозный страх, либо просто балки из железного дерева, доставленные из пустыней южного Аташа, были старыми и

плотными.

Однако скамьи и тела сторели. У Каррис кружилась голова не то от дыма, не то от привычного уже зрелища смерти и страданий. В заднем углу храма за лестницей она нашла молодую семью, отец обнимал мать, которая прикрывала ребенка. Солдаты их не нашли. Они задохнулись от дыма в объятиях друг друга.

Каррис тщательно осмотрела каждого из них, пытаясь нащупать хоть какую-то пульсацию на шее. Отец мертв. Мать, почти подросток, мертва. Последним Каррис взяла на руки спеленатого младенца, мальчика. Она взмолилась в душе. Но Оролам был глух – в крохотном тельце не было жизни.

Каррис пошатнулась. Надо уйти отсюда. Она положила младенца на ближайший стол и увидела, что это алтарь. Она двинулась по главному проходу храма, мимо дымящихся скамей по левую и правую руку, изображений других времен, другого принесенного в жертву младенца, и все это присоединялось к кровавому хороводу развернувшихся перед ней ужасов.

Она почти вышла, когда пол провалился.

Глава 25

– Тебе придется сделать выбор, Кип, – сказал Гэвин.

Судя по всему, Кип провел без сознания несколько секунд или минут. Было по-прежнему темно, в небе холодно горели звезды, костер не подпалил его одежды, хотя он упал совсем рядом. Удушающая красная люксиновая маска исчезла, на его коже осталась лишь легкая пыль, твердая и царапающая.

– Я убью тебя! – сказал Кип. Он не мог никому доверять. Все лжецы. Каждый честен лишь перед собой. Страх нарастал, и от этого вспыхнул гнев, как порой бывало, жгучий, дикий и неукротимый. Он сел, уставившись в лицо Призмы. Тот смотрел на него холодно, без сожаления, ему просто было любопытно, что сделает Кип, слов его он не слушал. Кип подумал – сможет ли он сотворить те гигантские зеленые копы из огня, чтобы проткнуть этого человека?

Умно, Кип. Ты Оролам где знает, и ты убьешь своего провожатого? За что? За то, что не стал терпеть твою злость? Это не предательство, Кип, это урок. Кип вздрогнул. Он ведь и правда думал, что Гэвин хочет его убить. Вот в чем дело. Он не дал Гэвину иного выбора, кроме как показать, что ребенок им манипулировать не будет. Он не просто старше Кипа, он умнее, жестче, намного опытнее и требует уважения.

И это было... уместно.

Но Кипа продолжала бить дрожь. Пусть и на несколько

секунд, но он поверил, что умирает – и с этим он ничего поделать не мог. Но именно этот человек может показать ему, как не остаться беспомощным снова. Этот человек поможет ему научиться отомстить за мать и Ректон. А Кип будет продолжать молча сидеть и упираться?

Пытаясь сохранить достоинство насколько это было возможно, Кип снова сел на бревно. Колени его дрожали, но он мог сидеть, не позоря себя.

– Простите, – пробормотал он, отводя взгляд. Прокашлялся, чтобы не дать петуха. – Что за выбор? – спросил он.

Он увидел, что Гэвин несколько удивлен и доволен тем, что Кип не полез в драку, но оставил это в стороне.

– Ты мой сын, Кип. У этого факта есть последствия. Для тебя.

Кип пристально наблюдал за лицом Гэвина. Он сказал «мой сын» не скривившись, даже не прищурившись. Кип подумал – не репетировал ли он эти слова, чтобы произнести их так непринужденно. Кип видел, чего стоило Гэвину признание в отцовстве, и все же он даже не поморщился, признавая недостойное существование Кипа. Это должно было быть игрой – кому приятно узнать, что у него есть ублюдок? – но это была игра ради спасения Кипа.

Гэвин оказался лучше, чем Кип ожидал.

– Быть моим незаконным сыном дорогое удовольствие, – продолжал Гэвин. – Ты вырос без преимуществ, но люди, которые завидуют привилегированным, будут завидовать тебе.

У тебя нет образования, но те, у кого оно есть, будут смотреть на тебя сверху вниз, если ты будешь знать меньше их. Если я признаю тебя, к тебе потянутся дурные друзья. Те, кто ненавидит меня и завидует мне, не часто могут на мне отыграться, Кип. Я слишком силен и опасен. Но они отыграются на тебе. Это нечестно, но такова жизнь. Тебя постоянно будут оценивать, и все твои успехи и провалы будут иметь такие последствия, о которых ты сейчас даже догадаться не сумеешь. Мой отец может не признать тебя. Другие будут пытаться доказать, что ты самозванец. Остальные попытаются использовать тебя против меня. Третьи захотят стать тебе друзьями лишь ради того, чтобы обрести мое расположение. Лживая дружба – это яд, от которого я хотел бы защитить тебя.

Поздновато. Кип подумал о Раме: Раме, который всегда командовал, который всегда был рад ткнуть Кипа носом в его собственное ничтожество, говоря, что это дружеская шутка. Рам, которого любила Иза. Рам. Мертвый. Со стрелой в спине.

– Так какой у меня выбор-то? – спросил Кип. – Я то, что я есть.

Гэвин потер переносицу.

– Пока ты можешь сойти за простого студента. Затем, когда пожелаешь, я публично признаю тебя. У тебя будет время набраться опыта, узнать, кто тебе настоящий друг.

– Путем вранья?

– Иногда ложь – самое необходимое в общении с друзьями, – отрезал Гэвин. Он помолчал. – Я просто хочу дать тебе выбор...

– Нет, простите. Я... я не злюсь на вас. Моя мать... вы помните, какой она была? В смысле, до меня? – спросил Кип.

Гэвин пожевал губы. Облизнул их. Покачал головой:

– Нет, Кип. Совсем не помню.

Значит, это не была история о любви. Пустота в душе Кипа стала глубже. Семьи у него нет.

– Вы Призма, наверное, много женщин хотят быть с вами, – сказал он вслух.

– Была война, Кип. Когда ты ждешь смерти, ты не думаешь о последствиях своих действий на ближайшие десять лет. Когда видишь, как гибнут твои друзья, любовная интрижка дает тебе почувствовать себя живым. Было слишком много вина и пошла покрепче, и никто не удерживал молодого буйного дурня, которому не повезло быть Призмой. Но я не оправдываюсь. Прости, Кип. Прости за то, чего стоило тебе мое легкомыслие.

Значит, моя мать провела с тобой одну ночь и возлагала на это надежды. Кип не сомневался, что она хитростью и силой отодвинула с дороги десяток женщин, которые с радостью разделили бы постель с Призмой. И за это столько лет корила себя?

Кип выдавил смешок. Сердце его разрывалось. Когда он воображал, кем мог бы быть его отец, он даже и думать не

смел, что это может быть сам Призма. В его мечтах его отца звали какие-то срочные дела. Он оставил их, потому что был должен. Но он любил Кипа и его мать. Тосковал по ним. Хотел вернуться и вернулся бы однажды. Гэвин был хорошим человеком, но ему было плевать на Лину. Или Кипа. Он позаботится о Кипе из чувства долга. Хороший человек. Но тут не было любви. Не было семьи. Кип был одинок, он стоял снаружи и смотрел сквозь зарешеченные окна на то, чего у него не будет никогда.

Это было словно получить экзотический подарок, когда хочешь чего-то совсем простого. И все же, как можно быть таким неблагодарным засранцем? Жалеть себя за то, что твой отец – Призма?

– Простите, – сказал Кип. Уставился на ногти, все еще сломанные после использования люксина. – Это неправильно. У моей матери были... проблемы. Думаю, она хотела заловить вас, явившись со мной. – Кип не мог продолжать поддерживать зрительный контакт. Ему было так стыдно. Как ты могла быть такой глупой, мама? Такой подлой? – Вы не заслуживаете этого. Вы спасли мне жизнь, а я вел себя... ужасно. – Кип заморгал, но не смог полностью остановить слезы. – Вы можете оставить меня где-нибудь – ну, лучше не на необитаемом острове.

Гэвин хмыкнул, потом посерьезнел.

– Кип, мы с твоей матерью сделали то, что сделали. Я ценю, что ты пытаешься оградить меня от последствий моих

выборов, но твое появление не доставит мне проблем. Пусть люди болтают. Мне плевать. Понял? – Он выдохнул. – К тому же единственный вред, который для меня имеет значение, уже причинен.

Несколько секунд Кип не мог понять. Вред уже причинен? Никого из тех, кого Кип знал, не осталось в живых.

Разве что Каррис. Вот о чем говорил Гэвин. Из-за Кипа пролегла пропасть между Гэвином и единственным в мире небезразличным ему человеком. То, что должно было приободрить Кипа, ранило его в самое больное место. Его мать заставляла его винить себя за собственное его существование, сколько он себя помнил. Его рождение разрушило ее жизнь. Он разрушил ее жизнь, поскольку ему слишком много требовалось. Люди смотрели на нее с пренебрежением. Он не дал ей достичь того, чего она могла бы добиться. Он мог бы попытаться мысленно отместить ее слова. Она не имела в виду ничего такого. Она любила Кипа, хотя ни разу ему этого не сказала. Она не понимала, насколько больно ему делает.

Но Гэвин был хорошим человеком. Он такого не заслуживал.

– Кип, Кип. – Гэвин подождал, пока Кип поднимет взгляд. – Я не брошу тебя.

Воспоминание о запертом чулане, крик-крик-крик – и без ответа.

– А нет ничего поесть? – моргая, спросил Кип. – Я словно неделю не ел.

Он ткнул себя в грудь. Ребра прощупывались.

Гэвин вытащил из своего мешка связку сарделек, отрезал одну – только одну? – и бросил Кипу.

– Утром ты отправишься в Хромерию.

– Ууутвоммм? – с набитым ртом спросил Кип.

– Я открою тебе секрет, – сказал Гэвин. – Я умею путешествовать быстрее, чем все думают.

– Вы можете исчезнуть и появиться в другом месте? Я так и знал! – сказал Кип.

– Хм, нет. Но я могу заставить лодку двигаться действительно быстро.

– О. Это... замечательно. Лодка.

Гэвин был невозмутим.

– Дело в том, что я не хочу, чтобы кто-то знал, насколько быстро я передвигаюсь. Грядет война, и если мне будет нужно оповестить о ней, я должен быть внезапным. Ты понял?

– Конечно, – сказал Кип.

– Тогда мне нужно, чтобы ты сказал мне, чего ты хочешь. Я намерен позаботиться кое о чем, пока тебя будут инициировать.

– Инициировать?

– Проводить некоторые испытания, чтобы определить твою жизнь на оставшиеся годы. Ты немного опоздал – все остальные студенты уже начали учебный год, так что придется тебя подтолкнуть. После инициации сможешь остаться на обучение.

У Кипа перехватило горло. Оказаться на странном острове, никого не зная и почти не имея времени для подготовки к испытанию, которое определит всю его жизнь? С другой стороны, Хромерия – место, в котором он научится магии, которая ему нужна, чтобы убить короля Гарадула.

– А другой выбор?

– Ты идешь со мной.

Это был свет в конце туннеля. У Кипа сердце подпрыгнуло.

– А что вы намереваетесь делать?

– То, что умею лучше всего, Кип. – Гэвин поднял взгляд, в его зрачках вращалась радуга. Он улыбнулся, но не глазами. Когда он заговорил, его голос был холоден и далек, как луна. – Я намерен развязать войну.

Кип сглотнул. Иногда, глядя на Гэвина, он ощущал себя так, словно смотрит сквозь деревья, исподволь наблюдает за гигантом, шагающим по лесу, сокрушая все на своем пути.

Гэвин снова посмотрел на Кипа. Лицо его смягчилось.

– По большей части это нудные встречи ради того, чтобы убедить трусов потратить деньги на что-то кроме вечеринок и красивых тряпок. – Он осклабился. – Боюсь, ты уже посмотрелся моей магии больше, чем большинство моих солдат. – Взгляд его затуманился. – Ну, не совсем. У тебя смущенный вид.

– Это не совсем из-за ваших слов, но... – Кип осекся. Вопрос застыл у него на языке, показавшись довольно оскор-

бительным. – Чем вы занимаетесь?

– Как Призма?

– Да. Э... сударь. То есть вы же император, но не похоже, чтобы...

– Чтобы все меня слушались? – Гэвин рассмеялся. – Мне тоже так кажется. Голая правда в том, что Призмы приходят и уходят. Обычно через каждые семь лет. У Призм все слабости простых людей, и большие перестановки во власти каждые семь лет могут быть катастрофическими. Если одна Призма поставит во главе каждой сатрапии своих родичей, а следующая попытается заменить их своими, скоро прольется кровь. Цвета, с другой стороны, семь членов Спектра, часто держатся десятилетиями. И они обычно весьма умны, так что они все более и более управляют Призмами, нагружая их религиозными обязанностями, чтобы заполнить их дни. Спектр и сатрапы правят вместе. У каждой сатрапии есть Цвет в Спектре, и предполагается, что каждый Цвет повинуется приказам своего сатрапа. На деле же Цвета часто становятся фактически соправителями сатрапов. Маневрирование между Цветом и сатрапом, всеми Цветами и Белой, всех Цветов и Белой против Призмы очень хорошо поддерживает порядок. Каждая сатрапия может делать что хочет у себя дома, пока не злит другую сатрапию и пока продолжается торговля, так что каждый заинтересован держать всех остальных под контролем. Все, конечно, не так просто, но суть в этом.

Это звучало и так достаточно сложно.

– Но во время войны?..

– Я был назначен промахосом. Это абсолютная власть во время войны. Все начинают нервничать – вдруг промахос решит, что «война» длится вечно.

– Но вы отказались от власти? – Кип осознал, что задал глупый вопрос.

Но Гэвин улыбнулся:

– Чудо из чудес, я не был убит. Черная Гвардия не только защищает Призм, Кип. Она защищает мир от нас.

Оролам. Мир Гэвина оказался куда опаснее того, который Кип только что покинул.

– Значит, вы научите меня извлекать? – спросил он. Это был лучший из миров. Он обучится тому, что нужно, не оставаясь в одиночестве на странном острове. И кто может научить извлекать лучше, чем сам Призма?

– Конечно. Но сначала нам нужно кое-что сделать.

Кип с тоской посмотрел на связку сарделек, которую все еще держал Гэвин.

– Еще поесть?

Глава 26

К полудню следующего дня Кипу уже не пришло бы в голову подшучивать насчет быстроты лодки. Они летели по волнам с немыслимой скоростью, и Гэвин накрыл их судно куполом из люксина, бормоча что-то о той женщине и ее идеях, так что, несмотря на скорость, они могли разговаривать.

– Значит, ты использовал зеленый, – сказал Гэвин, словно для него обычным делом было, сильно наклоняясь вперед с полностью красной кожей, с ногами в стропях, вцепившись руками с бугрящимися мышцами в прозрачные голубые рукояти, запускать в воду огромные заряды красного люксина, обильно потея. – Хороший цвет. Зеленые извлекатели всем нужны.

– Мне кажется, что я еще могу видеть жар. И мастер Данавис сказал, что я суперхромат.

– Что?

– Мастер Данавис был у нас в городе красильщиком. Иногда я ему помогал. Ему было сложно подбирать красные оттенки так, как нравилось мужу алькадесы.

– Корван Данавис? Корван Данавис жил в Ректоне?

– Д... да...

– Стройный, лет сорока, висячие усы, немного веснушек и волосы с красным отливом?

– Усов не было, – сказал Кип. – Но все остальное сходится.

Гэвин тихонько выругался.

– Вы знали нашего красильщика? – не веря своим ушам, спросил Кип.

– Можно и так сказать. Он сражался против меня на войне. Но мне интереснее то, что ты видишь тепло. Расскажи, как ты это делаешь.

– Мастер Данавис учил меня смотреть краем глаза. Иногда, когда я так делаю, люди светятся, особенно открытая кожа, подмышки и...

– Чресла?

– Ну да, – кашлянул Кип.

– Чтоб я ослеп! – сказал Гэвин. Хохотнул.

– Что? Что это значит?

– Позже увидим.

– Позже? Когда, через год, через два? Почему все взрослые говорят со мной как с дурачком?

– Справедливое замечание. Ты, скорее всего, если не окажешься настоящим уникамом, несмежный бихром.

Кип заморгал. Что-что?

– Я сказал, что я не дурак, но необучен, а это другое дело.

– А я имел в виду «позже сегодня», – сказал Гэвин.

– А.

– В извлечении есть два особых случая – ну, много особых случаев. Да Оролам меня побери – я никогда не пытался обучать начинающих. А тебе никогда не приходило в голову, что ты единственный реальный человек в мире, а все

остальное – твоё воображение?

Кип вспыхнул. Дома он даже пытался перестать воображать Рама, надеясь, что тот просто перестанет существовать.

– Ну вроде.

– Верно, это одно из первых детских заигрываний с эгоизмом. Без обид.

– Я и не обиделся. – Поскольку все равно не понимаю, что ты сказал.

– Это заманчиво, поскольку обосновывает твою собственную важность, позволяет тебе делать все, что пожелаешь, и это невозможно опровергнуть. Обучение извлечению сталкивается с той же проблемой. Предполагаю, что ты все же считаешь, что остальные люди существуют.

– Конечно. Я не забываю читать себе мораль, – сказал Кип. Он усмехнулся.

Гэвин прищурился и посмотрел на горизонт. Он соорудил две линзы, разделенные длиной руки, и водрузил их на люк-синовый купол, чтобы осматривать море. Наверное, он что-то увидел, поскольку резко повернул лодку направо.

Пока они возвращались на прежний курс, он, похоже, пропустил колкость Кипа.

– О чем бишь мы? А. Проблема при обучении извлечению в том, что цвет существует – отдельно от нас, – но мы узнаем это только через наш опыт. Мы не знаем почему, но некоторые люди – субхроматы – не могут отличить красного от зеленого. Другие субхроматы неспособны отличить си-

него от желтого. Естественно, когда ты говоришь человеку, что он не может видеть цвет, который он никогда не видел, он может тебе и не поверить. Если кто-нибудь скажет ему, что красный и зеленый – разные цвета, он может подумать, что над ним жестоко шутят. Или ему придется признать существование чего-то, чего он никогда не увидит. Есть теологические обоснования этому, но я не буду тебя утруждать. Проще говоря, если существует лишенный цвета человек – кстати, это почти всегда мужчины, – то почему бы не быть и человеку, особо чувствительному к цвету, то есть суперхромату? Оказывается, что такие есть. Но это почти всегда женщины. Вообще, почти половина женщин потрясающе умеют различать цвета. Среди мужчин такой один на десять тысяч.

– Минутку, так что, мужчины проигрывают по обоим статьям? Чаше слепы к цвету и куда реже хорошо их различают? Это нечестно!

– Но мы можем поднимать тяжести.

Кип хмыкнул:

– А еще мочиться стоя.

– Очень полезное качество в соседстве с ядовитым плющом. Раз был я с Каррис на одном задании... – присвистнул Гэвин.

– Но она же не может, – в ужасе сказал Кип.

– Думаешь, там на реке она взъярилась на меня? Ну, в чем-то это была и моя вина, – осклабился Гэвин. – Ладно, возвращаясь к теме, большинство из нормальных могут ви-

деть нормальный спектр. Хмм, тавтология.

– Что? – спросил Кип.

– Слишком далеко уйдем от темы. Просто различать цвета не означает, что ты можешь извлекать их. Но если ты не можешь видеть цвет, ты будешь плохо его извлекать. Так что мужчины не настолько четки при извлечении определенных цветов, как женщины-суперхроматы, которых половина. Воля может исправить большую часть ошибок, но лучше с самого начала их не допускать. Это становится жизненно важным, когда ты пытаешься возвести люксиновое здание так, чтобы оно не рухнуло.

– Они строят люксиновые здания?

Гэвин пропустил его слова мимо ушей.

– Особые случаи, с рассказа о которых я начал, – субкрасные и суперфиолеты. Если ты можешь видеть тепло, Кип, то есть хороший шанс, что ты сможешь его извлекать.

– То есть я могу вжик! – и зажечь?! – Кип сделал широкий жест рукой.

– Только если в это время скажешь «вжик!», – рассмеялся Гэвин.

Кип снова вспыхнул, но смех Гэвина не был издевательским. Он не заставлял Кипа чувствовать себя тупым – просто наивным. В этом человеке было много пугающего, как порой в мастере Данависе. Но он никогда не казался злонамеренным. Дурным.

– И это было бы весьма странно, – сказал Гэвин, – по-

сколькy ты извлекал зеленый. – Он словно пытался понять, как чему-то Кипа научить. – Ты когда-нибудь видел радугу?

– Раду... чего? – с невинным взглядом спросил Кип.

– Это был риторический вопрос, умник. Цвета идут в следующем порядке – суперфиолетовый, синий, зеленый, желтый, оранжевый, красный, субкрасный. Обычно бихром просто охватывает более широкую дугу. Потому они извлекают суперфиолетовый и синий, или синий и зеленый, или зеленый и желтый. Полихром – куда более редкий – может извлекать зеленый, желтый и оранжевый. Извлекатель, который вытягивает не соседствующие цвета, редок. Такова Каррис. Она извлекает зеленый – но не желтый, не оранжевый, а большую часть красного диапазона и субкрасный.

– Так она полихром.

– Ближко к этому. Каррис не может извлекать устойчивый субкрасный – то, что называют огненным кристаллом. Огненные кристаллы долго не живут в любом случае, поскольку реагируют на воздух, но – не бери в голову. Короче, она почти полихром, и только это имеет значение.

– Готов поспорить, она прям счастлива, – сказал Кип.

– Ну, будь она полихромом, ее не допустили бы в Черную Гвардию, полихромы слишком ценны, – и постоянно давили бы, чтобы она рожала детей. Как бы то ни было, она редкость, и это называется изолированный бихром. Изолированный потому, что дуги ее радуги не соприкасаются. Бихром потому, что их две. Понял? В извлечении все логично.

За исключением нелогичностей. Вроде такого: видеть субкрасный – значит видеть тепло, значит видеть суперфиолет значит видеть холод, верно?

– Ну да.

– Но нет.

– О, – сказал Кип. – Ну, думаю, это имеет смысл. – Только это было не так.

– Мне ужасно хочется взъерошить тебе волосы, – сказал Гэвин.

Кип хмыкнул:

– Так как же это работает?

– Есть один островок, который мы используем в качестве артиллерийской батареи. Оттуда в Хромерию идет туннель, который настолько секретный, что если ты расскажешь о нем кому-то, Хромерия будет за тобой охотиться, пока не уничтожит. – Он сказал это весело, но Кип не сомневался, что он серьезно.

– Тогда зачем вы мне это рассказали? – спросил Кип. – Я же могу проболтаться.

– Потому, что я уже открыл тебе секрет, который считаю куда более важным, – существование этой лодки. Однако если ты выдашь этот секрет нашим врагам, Хромерия ничего не сделает. Но если ты предашь нас намеренно, ты также расскажешь о потайном туннеле. Так что если ты предашь меня, ты предашь и всю Хромерию. И за тобой придут и убьют.

Кип ощутил холод. Этот человек был привлекательным,

приятным. Кип не сомневался, что Гэвину он нравится, но в кругах Гэвина ты можешь любить кого-нибудь и все равно убить его. Та легкость, с которой Гэвин готовится к вероятному предательству Кипа, говорила, что его предавали и прежде, и врасплох. А Гэвин был не из тех, кому дважды надо давать тяжелый урок.

– Я намерен причалить на том островке и переправить тебя на ялике на главный остров. Я пошлю кого-нибудь из Черной Гвардии отвести тебя в Трепалку. Через несколько дней ты отправишься со мной туда, куда я решу, и я начну учить тебя извлекать.

Но Кип едва мог поверить последним словам.

– В Трепалку?

Глава 27

Каррис пролетела всего несколько футов, прежде чем наткнулась на что-то мягкое. Левая ее нога погрузилась по колено, в то время как ее тело продолжало падать. Это липкое непонятно что удерживало ее ногу, так что она перевернулась вниз головой и ударилась обо что-то вроде скорлупы гигантского красного яйца – тонкая корка поверх желеобразного содержимого. Каррис шлепнулась о него, разбила скорлупу и вляпалась в красный люксин. В падении она освободилась и упала вниз на каменный пол.

Как ее учили, она сильно ударила ладонью правой руки о пол, оттолкнулась – отталкиваться ладонью всегда было болезненно, – но это погасило большую часть удара и позволило Каррис упасть контролируемо. Она перекатилась, а не приземлилась головой об пол.

В мгновение ока она вскочила на ноги, вытягивая из мешка ятаган с тонкой рукоятью. Здесь не было освещения, не считая дыры, которую она проделала в потолке. Обломки дерева все еще валялись сверху. Огромное красное яйцо внезапно засветилось. Оседающая пыль, поднятая падением Каррис, затмила столб света, окружающего яйцо. Вся комната, примерно двадцать на тридцать шагов, провоняла дымом и горелым красным люксином, что было странно, поскольку красный люксин, как правило, сторал дотла. Сейчас же лю-

бая поверхность, на которую падал слабый свет, тоже казалась почерневшим люксином.

Но все внимание Каррис занимало это огромное яйцо. Он было как минимум семи футов в высоту и ровно покрыто люксином, за исключением того места, где Каррис его проломила. Красный люксин сейчас сочился из трещины, как гудрон. Во всех направлениях от яйца змеились трубки, уходя в черный потолок. Сейчас они тоже почернели. Обгоревшие трупы десятка солдат короля Гарадула валялись по комнате.

– Что за черт? – прошептала Каррис. Она подняла меч, чтобы разбить яйцо.

Яйцо взорвалось прежде, чем она успела его коснуться. Огромный осколок полетел в нее, почерневшая скорлупа осыпала ее левую руку, грудь, живот и ноги. На полушаге Каррис выбило из равновесия. Она споткнулась и еще больше была ошеломлена, увидев, как из яйца запоздало появляется фигура и ее осыпает новой порцией осколков.

Вместо того чтобы пытаться удержаться на ногах, Каррис бросилась вперед, перекатилась, подобрала ятаган, чтобы самой на него не напороться, и напала. Без промедления. Железный Кулак много лет вбивал в голову Каррис этот урок: если на тебя напали, тут же контратакуй. Зачастую скорость твоего ответа – твое единственное преимущество. Особенно если ты маленькая. Особенно если ты женщина.

Особенно если ты без своих очков, как другой извлека-
тель.

Напавший на Каррис попятился к стене. Он стоял, и завитки люксина свивались в узлы на его руках. Каррис знала этот прием. Если знаешь, что делаешь, то можно удержать дополнительное количество открытого люксина на коже. Эти узлы открытого люксина могут сформироваться во что хочешь, и, держа их у себя на руках, ты можешь швырять их, когда тебе нужно. Мужчина, кроме того, стоял в позе опытного бойца: левым боком к Каррис, левая рука поднята в блоке, но напряжена, чтобы выпрямиться, как пружина, в атаке, правая рука поднята выше и отодвинута назад, правое колено сильно согнуто, удерживая большую часть веса. Даже при скорости извлечения Каррис и достаточном количестве люксина, чтобы отражать красный свет ей в глаза, все равно понадобится время для подготовки атаки, а он уже набросился на нее. Единственная надежда – сократить дистанцию между ними прежде, чем он убьет ее.

Он выбросил левую руку, низко справа налево. Красный люксин плеснул на пол, чтобы замедлить ее. Она этого ожидала и быстро перескочила через липкие участки. Его правая рука три раза метнулась вперед резкими жестами. Три шара размером с кулак полетели слева направо. Каррис уклонилась от первого и второго, но третий зацепил ее, поскольку ей снова пришлось перешагивать красный люксин на полу. Он сильно ударил ее по ребрам слева, затем растекся. Она перекатилась вместе с ним, крутанулась, сокращая дистанцию, и ударила ятаганом.

Красный извлекатель встретил ее удар сверху вниз слоями красного люксина. Удержание люксина, даже красного, требовало определенного напряжения воли, и еще больше для его тканья, но красный не мог остановить стали. Это было все равно что удерживать меч водой.

Но происходящее было вовсе не похоже на удерживание красного люксина. Это было не как бить мечом по воде. Это было как стоять под дамбой, когда открывают шлюз. Всего лишь вода, но скорость и объем ее сбивают с ног. Точно так же поток красного люксина замедлил Каррис, потом замедлил еще сильнее, пока она совсем не остановилась.

Красный извлекатель бледнел по мере того, как люксин вытекал из него. Его шея и грудь вернулись к природному оттенку, пока поток продолжался. Затем побледнели и его мускулистые плечи, когда люксин покинул его тело от глаз до конечностей. Они одновременно поняли, что люксин в нем иссяк.

Каррис начала атаку одновременно с ним. Она обманным маневром ушла вправо, ожидая очередной дозы красного люксина, и нанесла смертоносный удар. Но ее меч столкнулся с чем-то твердым, хотя она не видела другого меча. Он не мог обнажить клинка, она бы заметила даже в такой темноте.

Не медля, она подняла ятаган и нанесла ему удар в голову. Клинок звякнул и остановился, когда он вскинул руки, сложив их углом.

Он жестко оттолкнул ее и стал наступать, держась близко.

Столб света, пронзавший мрак подвала, осветил его руки и то, что он держал, когда он крикнул:

– Хватит! Чтоб тебя, подожди секунду!

У извлекателя в каждой руке было по пистолету, и их скрещенными стволами он заблокировал ее ятаган. Дуло правого пистолета смотрело прямо в ее правый глаз, левого – в левый. У Каррис были ее ножи и бичва, но она не успеет выхватить их прежде, чем он.

Пистолеты были илтийской работы. Илтийцы отвергли магию, и потому их обычное оружие было лучшим. Однако в случае пистолетов бабушка еще надвое сказала. У извлекателя они были с колесцовым замком. У таких пистолетов не было необходимости постоянно держать фитиль зажженным, но в одном случае из четырех кремень не поджигал черный порох.

К несчастью, оба пистолета были двуствольными, и все четыре ударника были подняты. Каррис попыталась подсчитать, какова вероятность, что откажут все четыре – одна к шестнадцати или одна к ста пятидесяти шести? Сердце ее упало. Она не будет ставить на этот шанс, даже при одном к шестнадцати.

Так что... переговоры.

– Какой извлекаешь? – напряженным голосом спросил мужчина.

– Я не понимаю...

– Какой. Ты. Тянешь?! – выкрикнул он. Он отбросил в сто-

рону ее ятаган и направил пистолет прямо ей в лоб. В темноте было слишком трудно рассмотреть ее радужки, но вскоре он так или иначе узнает, так что Каррис сказала:

– Зеленый. Зеленый и красный.

– Тогда извлекай лестницу и убирайся. Давай!

В другой ситуации Каррис могла бы возмутиться, что повинуется так быстро, но ее очки вмиг оказались у нее на носу и она повернулась к свету. Все в подвале было покрыто либо красным люксином, либо почерневшим, опаленным, запечатанным красным люксином. Наконец она нашла брус из железного дерева наверху в храме, отражавший достаточно чистый белый свет, чтобы извлечь хороший уверенный зеленый. Уже когда ее тело наполнилось зеленым, она поняла, почему извлекатель так торопился. Подвал был наполнен красным люксином. Ей стоило бы соображать быстрее. В подвал вело два входа, и мертвые солдаты были обожжены, но не до угля – и красный люксин сохранился, покрывая все, а не сгорая, как ему было положено.

И он все еще держался. Подвал был полон красным люксином, старым и новым. Они находились внутри порохового бочонка.

Наверху рухнула горящая скамья, роняя в дыру пылающие угли. Одна закачалась на краю, грозя смертью.

Каррис бросилась вперед, швыряя вниз достаточно толстый зеленый люксин, чтобы можно было на нем стоять. Она создала то, что на самом деле было невероятно узкой лестни-

цей, чтобы только нога уместилась на ступеньке, чтобы только выдержала ее вес, если она сосредоточится. Но ей придется продержаться всего пару секунд, если она побежит – она и выдержала. Каррис летела, летела, летела, как лань, и нырнула вперед, приземлившись на пол. Часть пола подалась, грозя провалиться в подвал, так что она перекатилась и бросилась к открытой двери. Столько красного люксина в подвале означает, что все здание может...

Бумммм!

От взрыва пол под ногами Каррис подпрыгнул. Она в тот момент как раз отталкивалась от ступеньки, и ее подбросило в воздух словно пружиной. Распахнутые двери храма распахнулись еще шире, и ее швырнуло вперед. Какое-то мгновение она думала, что без последствий вылетит наружу, но взрыв подбросил ее слишком высоко.

Рама из железного дерева над дверью прогнулась. Каррис врезалась в нее верхней частью тела и проломила ее. Обгорелое, ослабленное дерево через мгновение подалось, но этого мгновения хватило, чтобы ее резко перевернуло вверх ногами так быстро, что она даже не поняла, сколько раз ее приложило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.